

Сесили фон Зигесар

Хочу всё и сразу

Л I T R U . R U

Annotation

В Нью-Йорке выдалась волшебная рождественская пора. В воздухе мерцает снег, носятся запахи выпечки и затопленных каминов. Мы смотрим с высоты наших пент-хаусов на Центральный парк, и он видится нам волшебной страной, укутанной в серебряный снег. А перед Рокфеллер-центром стоит такая громадная елка, что дух захватывает. Рождество будет сказочным! Правда, мы, грешные, выпьем столько шампанского, что вряд ли заметим это. На Пятой авеню витрины магазинов пышно разукрашены; в толпе покупателей знакомые нам школьницы в небесно-голубых кашемировых пальто от Марка Джейкобса. По ночам народ оттягивается по полной программе. Какие там зачеты, контрольные... И мы плохие детки. Нам не до того, чтобы помочь мамочке с закупкой подарков для прислуги, поваров, шоферов, прачек и т. д. И ты, подружка, надевай свое черное платье от Прада, свои туфли на тонких прозрачных шпильках, не забудь оранжевую сумочку от Гермес Биркин, отхвати парня посимпатичнее и айда со мной!

- [Сесили фон Зигесар](#)
  -
  - [Красотки на балу](#)
  - [Рок-звезда заводит народ](#)
  - [Д бережет себя для семейной жизни](#)
  - [Дж сожалеет, что примазалась](#)
  - [Хочешь быть добрым, будь жестоким](#)
  - [SPLETEN.NET](#)
  - [Даже крутые девушки держат экзамен](#)
  - [Секс, любовь и Франкенштейн](#)
  - [Н никак не может выбросить из головы Б](#)
  - [Примеривай парней как одежду](#)
  - [Экстраординарный ответ на ординарный вопрос](#)
  - [SPLETEN.NET](#)
  - [Магазин «Барниз» закаляет характер](#)
  - [Д пишет стихотворение о сексе](#)
  - [В приобщается к «Секретам Виктории»](#)
  - [SPLETEN.NET](#)
  - [Б застряла в экономическом классе, и мужики липнут к ней](#)

- [как мухи](#)
  - [Д дозрел. Или нет?](#)
  - [В — в нужном месте и не совсем вовремя](#)
  - [Остров грез](#)
  - [Кому сдался этот «Секрет Виктории»?](#)
  - [Творчество Дж напугало Н](#)
  - [SPLETEN.NET](#)
  - [Что значит разбудить в мужчине мужчину, и как С и Б с этим справляются](#)
  - [Источник ссылки обнаружен](#)
  - [Н собирает друзей](#)
  - [Мама Б приготовила сюрприз](#)
  - [Б хочет лишиться ее раз и навсегда](#)
  - [Плохо, когда не можешь найти собственную одежду](#)
  - [SPLETEN.NET](#)
  - [Заточенная в башне](#)
  - [В знает, как извиниться](#)
  - [С бросает клич](#)
  - [Раненые творцы получают признание](#)
  - [SPLETEN.NET](#)
  - [Дж наводит красоту](#)
  - [Сердце Б в рукаве Н](#)
  - [А находит отдушину](#)
  - [Только в Нью-Йорке](#)
  - [Хочешь одного, а получаешь другое](#)
  - [Серенада для Серены](#)
  - [В и Д смелеют](#)
  - [Дж посылает рок-звезду](#)
  - [SPLETEN.NET](#)
-

Сесили фон Зигесар

Хочу всё и сразу

Я хочу, чтобы меня обожали.

Группа «Stone Roses»

*Все имена и названия изменены или сокращены
до первых букв, чтобы не пострадали невиновные.
То бишь я.*

НАРОД!

В Нью-Йорке выдалась волшебная рождественская пора. В воздухе мерцает снег, носятся запахи выпечки и затопленных каминов. Мы смотрим с высоты наших пентхаусов на Центральный парк, и он видится нам волшебной страной, укутанной в серебряный снег. А перед Рокфеллер-центром стоит такая громадная елка, что дух захватывает. Рождество будет сказочным! Правда, мы, грешные, выпьем столько шампанского, что вряд ли заметим это. На Пятой авеню витрины магазинов пышно разукрашены; в толпе покупателей знакомые нам школьницы в небесно-голубых кашемировых пальто от Марка Джекобса. По ночам народ оттягивается по полной программе. Какие там зачеты, контрольные... И мы плохие детки. Нам не до того, чтобы помочь мамочке с закупкой подарков для прислуги, поваров, шоферов, прачек и т. д. И ты, подружка, надевай свое черное платье от Прады, свои туфли на тонких прозрачных шпильках, не забудь оранжевую сумочку от Гермес Биркин, отхвати парня посимпатичнее и айда со мной!

ОБЕГАЯ ВЗГЛЯДОМ

Д и В сомкнули уста в поцелуе. Они стоят у пруда возле 79-й улицы. Наконец-то до них дошло, что они нравятся друг другу. Н покупает красные розы для Дж. Оказывается, в этом марихуанщике иногда звучит сентиментальная нотка! Б и С отправились в салон

Бендела за платьями для сегодняшнего Черно-белого бала. Я слышала, там будет выступать Флоу со своей группой «45». Флоу — бывший манекенщик, а теперь классный певец и гитарист. За свой дебютный альбом «Комunik-8» их группа получила приз MTV. Флоу должен объявить на балу, сколько денег собрано в пользу общества защиты животных «Будьте добры!», членом которого он является. Да ладно. Мы-то все знаем, что идем на бал, чтобы поглазеть на него. До встречи!

ОНИ ЧТО, СНОВА ПОДРУГИ?

Действительно, С и Б поцеловали друг друга в щечку и помирились. Давно пора. Да как вообще можно ссориться, если вы в начальной школе, считай, на одном горшке сидели? Конечно, Б не такая высокая, не такая блондинистая, и жизненного опыта у нее поменьше, чем у С, но это же не повод, чтобы злиться! С другой стороны, С не такая колючка, как Б, и не погружена в себя, но это тоже не повод. Так что две подружки решили забыть на свои противоречия и снова сойтись. Но меня волнует другое: теперь, когда они вместе, какой номер они выкинут?

Обещаю, как только что-нибудь узнаю, сразу же расскажу вам. Я все равно не умею хранить секреты.

Признайтесь, вы от меня без ума.

СПЛЕТНИЦА

Красотки на балу

«Будь она сантиметров на пятнадцать выше, он мог бы положить голову ей на грудь», — зло подумала Блэр Уолдорф, наблюдая, как ее бывший бойфренд Нейт Арчибалд танцует с Дженифер Хамфри.

Дженифер Хамфри — кнопка из девятого класса. Ради нее Нейт бросил Блэр месяц назад. «С другой стороны, — продолжала ехидничать Блэр, — если он уткнется носом в ее пышную грудь, то задохнется как пить дать».

Серена Вудсен, лучшая подруга Блэр, потрянула своими роскошными светлыми волосами и возмущенно заметила:

— Не понимаю. Ничего не имею против Дженни, но вы с Нейтом были идеальной парой. Вы просто созданы для вечной любви.

Нормально, конечно, слышать такое от Серены. Летом после десятого класса Нейт и Серена произвели взаимную дефлорацию. Уж кто и был создан друг для друга, так это они. Но у Серены все мимолетно. А вот у Блэр с Нейтом все слишком серьезно. Их роман был так же надежен и незыблем, как привратник в вестибюле ее дома, что на Пятой авеню.

Блэр сделала жадный глоток из бокала с шампанским. Они с Сереной сидят за большим круглым столом, задрапированным белым муслином с черными рюшами из тафты. Ежегодный Черно-белый бал в отеле «Сент-Клэр» в полном разгаре. Девушки в длинных черных платьях от Версаче и Долче энд Габбана, с белым плюмажем в волосах танцуют с юношами в черных смокингах от Гуччи и белых накрахмаленных рубашках.

С потолка свисает огромный шар, сплетенный из черных и белых роз. А Блэр между тем испытывает упорное дежа вю.

...Всего месяц назад ее мать вышла замуж за хохотливого, суетливого, потного и толстого неудачника Сайруса Роуза. Свадьбу справляли именно в этом зале, в день семнадцатилетия Блэр. Должен быть прийти и Нейт. Блэр тщательно готовилась к этой встрече, прокручивая в голове прекрасные мгновения. А потом, в вестибюле отеля, вдруг наткнулась на Нейта: он обнимался с этой самой кнопкой из девятого класса. И Блэр возненавидела свое нежно-

кофейное платье, свою стильную прическу, свои фирменные туфли на высоченных металлических шпильках. Этот Нейт был слишком занят тем, что ощупывал надувные шарики груди этой тупоголовой девятиклассницы.

Хуже дня рождения и не придумать! Но Блэр не собирается ныть по этому поводу. Не на ту напали. Вот так вам.

— Не верю я ни в какую судьбу, — проговорила она, обращаясь к Серене, и резко поставила на стол хрустальный бокал с шампанским, едва не переломив его ножку. Она провела рукой по своим длинным темно-русым волосам, уложенным накануне в салоне «Антуан».

Серена рассмеялась и возвела долу свои темно-синие очи.

— Ты ведь всегда говорила, что Йельский университет — твоя судьба.

— Это совсем другое, — рассердилась Блэр.

Отец Блэр закончил Йельский университет,

Блэр мечтала тоже там учиться. Она была самой лучшей в школе «Констанс Биллар», и от учебы у нее просто дым шел из ушей. Досрочное поступление было почти в кармане. Но во время собеседования Блэр сломалась от выпавших на нее жизненных переживаний и превратилась в Блэр — королеву серебряного экрана. И вывалила на голову бедного преподавателя душераздирающую историю про свою мамочку, что развелась с заголубевшим папочкой, а теперь собирается замуж за человека, которого без году неделю знает, и поэтому ей, Блэр, позарез нужно поступить в Йель, чтобы начать новую жизнь. А в довершение всего она встала на цыпочки и поцеловала преподавателя во впалую колючую щеку!

Блэр частенько воображала себя героиней какого-нибудь черно-белого фильма пятидесятых, кем-то вроде обожаемой ею Одри Хепберн. Но на этот раз ее собственная роль, роль Блэр, провалилась с треском. Так что пришлось подавать документы в обычном порядке: она даже подъехала к папочке, чтобы тот проспонсировал программу обучения во Франции для Йельского университета. Но даже с таким «костылем» шансы на поступление были зыбкими.

Блэр потянулась к середине стола, к серебряному ящичку со льдом, в котором стояла бутылка с шампанским. Наполнила бокал.

— Слово «судьба» — для неудачников, — изрекла она. — Отговорка, чтобы плыть по течению и не лепить судьбу своими руками.

Правда, она в упор не знала, как следует лепить эту самую судьбу, не наломав при этом дров.

Глубина внимания к собеседнику у Серены была где-то на уровне слепого щенка, к тому же этот «щенок» выпил слишком много шампанского, чтобы внимать своей подруге.

— Давай не будем говорить о будущем, идет? — сказала Серена и закурила сигарету, выпуская дымок над головой Блэр. — Знаешь, этот блондинистый мальчик, с которым говорит Аарон, смотрит на тебя уже минут десять. Ой! Они идут сюда.

Блэр оглянулась и увидела, что к их столу направлялся ее сводный брат-вегетарианец, весь в косичках-дредах, и рослый парень с прямыми светлыми волосами, кареглазый, в сногшибательном смокинге от Армани. Этот высоченный парень нервно постукивал своими не в меру длинными пальцами по своим таким же длинным ногам и все время смотрел вниз, словно боялся споткнуться о собственные ботинки. А толпа в зале колыхалась в танце под песню Бека.

— Поговори хоть ты с Блэр, — сказала Серена, когда Аарон подошел к ним. — Она комплексует насчет своего будущего.

Блэр удивленно вскинула брови:

— А кто не комплексует?

Тонкие губы Аарона скривились в снисходительной ухмылке. Они пришли на бал втроем: он, Блэр и Серена. Потом Аарон оставил их, чтобы поискать в толпе друзей, выпить с ними, выкурить по сигаретке. Блэр все еще находилась на взводе после мамочкиной свадьбы, своего провального собеседования и вообще.

— Прости, — сказал Аарон. — Из меня плохой кавалер. Может, хочешь потанцевать или как?

Блэр проигнорировала эту реплику. Неужели похоже, что она хочет потанцевать? Она взглянула на светловолосого спутника Аарона:

— А ты кто?

Светловолосый улыбнулся. Его зубы были еще белее, чем его рубашка.

— Я Майлз. Майлз Ингрэм.

Ого! Сын Дэнни Ингрэма, держателя ресторанов и ночных клубов и таких горячих местечек, как «Горгона» в Нью-Йорке, «Трикси» в Лос-Анджелесе, и многих других.

— Мы с Дэнни из одного класса в «Бронксдейле», — пояснил Аарон. — Вот, создаем свою группу. Майлз — барабанщик.

Блэр продолжала отхлебывать шампанское маленькими глотками в тщетной надежде услышать что-нибудь умное.

Майлз улыбнулся и отбил пальцами ритм по спинке стула.

— А ты гораздо красивее, чем я себе представлял.

Ничего так мальчик, конечно, но эти его пальцы — барабанные палочки — начинали доставать Блэр. Она даже не улыбнулась в ответ и продолжала наслаждаться шампанским. Аарон наверняка доложил Майлзу, что она полная стерва — неудивительно, что тот воображал ее эдаким страшилищем с бородавками на носу, в ступе и с помелом.

Между нами говоря, Блэр была не права. На самом деле Аарон не очень-то распространялся про свою сводную сестру: у него у самого были на нее виды. Но не будем забегать вперед.

Аарон заправил свои дреды за уши и изрек:

— А это Серена.

Майлз окинул взглядом точеное личико девушки, ее глаза цвета моря, длинное, гибкое тело, шикарное черное платье от Гуччи. Он даже на какое-то мгновение перестал барабанить пальцами, но потом вдруг повернулся к Аарону и упрямо продолжил:

— Странное дело. Ты даже не предупредил меня, что Блэр такая красавица.

Аарон с досадой передернул плечами:

— Ну, извини.

Блэр и Серена закурили по сигаретке в надежде, что разговор потечет сам собой. Прав да, помня их рассуждения насчет того, чтобы лепить собственную судьбу, выходило, что сами они ничего не

собираются сдвигать с мертвой точки.

Аарон откашлялся и спросил Блэр:

— Может, все-таки потанцуем?

Серьезная заявочка. Но Блэр отметила про себя, что черная бабочка Аарона куда-то упорхнула, верхняя пуговица рубашки расстегнута, а сама рубашка плохо заправлена в брюки. Блэр сделала глубокую затяжку и выдохнула в лицо Аарона облако дыма.

— Нет уж, спасибо.

Песня Бека закончилась, и народ потянулся к столам за выпивкой.

— У меня ноги просто отваливаются, — запричитала Кати Фаркас, откинувшись на стуле напротив Блэр и скидывая с ног туфли на высоченных шпильках.

— А мои уже отвалились. — Изабель Коутс рухнула на стул рядом с Кати.

В течение последних двух лет, пока Серена училась в Гановерской академии в Нью-Хэмпшире, Изабель и Кати прилепились к Блэр, как два банных листа. Все втроем они покупали косметику в «Сефоре», вместе пили капучино в «Ля Капар». Блэр была полноправным лидером, а девчонки снимали сливки с этой дружбы. Но перед Днем Колумба на горизонте замаячила Серена: ее выгнали из школы-пансиона. Она вернулась в город, стала дружить с Блэр, а Кати и Изабель отпали сами по себе.

— А вы что не танцуете? — поинтересовалась Кати.

Блэр передернула плечами:

— Не хочется.

Изабель вздохнула:

— Да, не завалить бы нам экзамены на следующей неделе. — Она явно приняла нотки скуки в голосе Блэр за усталость. — А потом мы разъезжаемся на Рождество кто куда, — добавила Изабель.

— Вам хорошо, вы поедете в клевое местечко, — вздохнула Кати. — А я опять как дура буду кататься на лыжах в Аспене.

— По сравнению с нашим деревенским домиком в Коннектикуте

это просто праздник души, — сказала Изабель.

— Да, кошмар, — непроизвольно вырвалось у Серены.

Кати и Изабель с обидой посмотрели на нее.

Блэр и Серена вместе отправлялись на Рождество на остров Сент-Бартс. Мамочка Блэр и папочка Аарона наруливали сейчас по Карибским островам, наслаждаясь медовым месяцем. Была договоренность, что Аарон, Блэр и ее младший брат Тайлер приедут к родителям в Isle de la Paix — шикарный курорт на Сент-Бартсе. Каждому из детей было разрешено привезти с собой еще кого-нибудь. Блэр позвала Серену.

Конечно, на Новый год они вернутся в Нью-Йорк. Ни один уважающий себя подросток старше двенадцати не позволит себе проторчать весь Новый год возле своих предков.

Да, там будет классно, — сказала Блэр с самодовольной улыбкой на лице.

Она уже представляла, как лежит на белом прибрежном песочке, намазанная кремом для загара, в своем новом отдельном купальнике от Миссони, на носу — огромные солнечные очки от Шанель. А мимо шныряют классные парни в шортах для серфинга и подносят ей экзотические напитки в кокосовой скорлупе. И она забудет на Йельский университет, на свою мамочку с ее Сайрусом; она будет валяться на солнышке, пока не превратится в изящную шоколадку. Кати и Изабель наверняка умирают от зависти, но ей-то они глубоко по барабану. И ждать-то осталось всего неделю.

Сзади подошел Чак Басс и возложил свои огромные теплые ручки на обнаженные, гладкие, как шелк, плечи Блэр.

— Слушай, я тут сейчас видел Нейта с этой девицей. Обнимаются в уголке как нечего делать.

Спасибо, Чак, очень нужно было объявлять эго во всеуслышание.

Чак был красивый парень — товарный вид, ничего не скажешь. Пожалуй, самый сексапильный юноша во всем Нью-Йорке. Он пытался соблазнить Серену, когда та отключилась на вечеринке в его доме. Через два дня он зашел в дамскую комнату в клубе «Поцелуй в губы» и попытался стянуть платье с Дженни Хамфри. Чак был гнусный тип, но его терпели, потому что он был их круга. Он

закончил частную школу для мальчиков, посещал уроки танцев Артура Мюррея, ходил на теннис в клуб «Зеленый асфальт», одно время даже пел в хоре на юге Франции. Так же как остальных, Чака приглашали на самые шикарные вечеринки, на самые эксклюзивные частные распродажи. Так же как и все остальные, он был частью высшего света. Если девушка отказывала ему, он не отставал, упорно добиваясь своего.

Блэр попыталась скинуть его руки со своих плеч:

— Что тебе?

Чак упорно не убирал руки. Еще немного, и она бы его послала. Теперь Чак стал нежно массировать ее плечи:

— Я тут подумал, может, ты мне окажешь честь?..

Блэр напряглась. До этого момента она легко справлялась с Чаком, а теперь понимала, почему Серена терпеть его не может. Блэр отодвинула стул, увернувшись от его объятий, решительно встала.

— Я пошла пописать, — объявила она во всеуслышание, полностью игнорируя Чака. — А потом давайте продолжим вечеринку у меня дома

Аарон поднялся и сделал шаг навстречу сестре, нервно поправляя дреды.

— Ты в порядке? — спросил он.

Но забота Аарона была противна ей так же, как пошлость Чака.

— Естественно.

Она развернулась и решительно направилась к выходу, впечатывая каждый шаг на своих высоких шпильках, стараясь не столкнуться взглядами с Нейтом и его новой пассией.

Народ уже выходил в центр зала, возбужденно переговариваясь. Сейчас должен появиться самый крутой певец сезона — Флоу. Но Блэр было наплевать и на него. Она не собирается биться в конвульсиях из-за какой-то знаменитости. Ведь для себя самой она и так была звездой фильма, который все время прокручивала в своей голове...

Рок-звезда заводит народ

С самого утра Дженни пребывала на седьмом небе. Нейт заехал за ней на такси, и они отправились в окутанный полумраком ресторанчик «Бонд», где подавали суши и слишком много рисовой водки. Затем Нейт вручил ей подарок — бирюзовый кулон в виде звезды. Зеленые глаза его сияли в свете свечей, а русые с золотистым отблеском волосы были так благородно уложены. Дженни хотела запомнить этот образ — как открытку, которую станет рассматривать завтра утром.

Очень хорошо, что на балу Нейт не стал таскать ее по своим знакомым. Они держались особнячком, и даже такие закадычные друзья Нейта, как Скотт Томпкинсон, Энтони Авульдсен и Чарли Дерн, оставили их в покое. Нейт полностью принадлежал ей, и они стояли и тихо обнимались в уголке.

— Ты знаешь, есть такая картина у Густава Климта, «Поцелуй» называется, — выпалила Дженни, с обожанием взирая на Нейта.

Нейт нахмурился:

— Не слышал.

— Да не может быть. Такая известная картина. И очень напоминает наши отношения.

Нейт пожал плечами и посмотрел на сцену:

— О, кажется, этот парень из группы «45» собирается что-то вещать.

Дженни откинулась к стене. Прежде она писала бы кипятком от одного только упоминания имени Флоу, но теперь ей хотелось только одного — целоваться с Нейтом до бесконечности.

— Ладно. — Дженни хихикнула и аккуратно поправила пальчиком помаду на губах. — Мне понравилось.

— Что понравилось? — Нейт рассеянно окидывал взглядом зал.

— Я никогда прежде так долго не целовалась.

Нейт улыбнулся. По дороге в такси он выкурил косячок, и кайф еще не улетучился. Ему нравилось платье на Дженифер— такое

черное и длинное, с разрезами спереди и сзади, окаймленное белыми рюшами, ласкающими ее стройные лодыжки.

Дженни купила это платье со скидкой в магазине «21-й век» — такие заведения посещал неденежный народ, падкий до фирмы, даже если та или иная модель была досадной ошибкой какого-нибудь знаменитого модельера.

Теперь Джейн придется четыре месяца выплачивать отцу деньги из своих карманных расходов. Но Нейт не должен об этом знать. Пусть она будет для него ангелом в черно-белых одеждах. Ангелом с пышными грудками. Нейт провел руками по ее белым мягким ручкам, и Дженни было хорошо, так уютно и тепло. Она чувствовала себя мягкой булочкой из пятизвездочного ресторана. Раздались первые аккорды хита «Соблазни меня», и вдруг, словно ниоткуда, в зале возник Флоу с улыбкой человека, который абсолютно в курсе того, что он самый крутой парень в мире. Из-под расстегнутого смокинга проглядывала ярко-красная футболка с белой надписью «Будьте добры!». Флоу поднялся на сцену. Музыка стихла. Народ восторженно засвистел и зааплодировал. Маленькая ладошка Дженни нырнула в сомкнутую ладонь Нейта, и они вышли из своего укрытия, чтобы присоединиться к толпе.

— Привет всем, — крикнул Флоу, обвел взглядом зал, — и спасибо за то, что вы принарядились и собрали деньги, и были так...

—..добры! — подхватил народ.

В этот самый момент Блэр вышла из дамской комнаты и наткнулась прямо на Нейта с Дженни. «Что за платье на ней? — подумала Блэр. Пошное, стиль а-ля прабабушка: сверху болтается снизу стягивает. Что за парочка? Два недоумка из провинции».

Блэр поправила лямки платья и причмокнула губами, влажными от свежего слоя рубиновой помады. Пора сматываться отсюда. Но не может же она позволить себе выглядеть брошенной. Она барышня гордая. Очень гордая.

— Также хочу поблагодарить организаторов бала Блэр Уолдорф и Серену Вудсен, — продолжал вещать Флоу, заглядывая в свою шпаргалку. — Почему бы им не подняться на сцену и не назвать сумму сборов?

Все вытянули шеи, чтобы увидеть, кто такие Серена и Блэр.

— У! — воскликнула Серена и победной походкой от бедра быстро направилась к сцене: ее светлые длинные волосы развевались, создавая легкий ветерок.

Флоу галантно сделал шаг назад, давая понять, что сражен ее красотой. Серена обвела взглядом зал и выкрикнула в микрофон:

— Эй, Блэр, иди сюда! Поднимайся!

Все взоры были устремлены на Блэр, которая так и застыла у двери дамской комнаты. Она заставила себя улыбнуться и продефилировала под самым носом у Дженни и Нейта.

У Нейта просто челюсть отвисла. Блэр показалась ему стройнее, чем прежде, а ее попка — более обозначенной. Ее длинные волосы искрились, а кожа отливала легким перламутровым блеском и была такой нежной, что хотелось до нее дотронуться. Она была обалденна. И тут Нейт почувствовал, что запутался. Ему захотелось задержать Блэр и сказать: «Постой, я ошибся!» Но Дженни сжала его руку, он увидел ее влажные карие глаза, выемку между пышными грудками и сразу же забыл про Блэр.

Нейт — типичный Лабрадор, щенок на охоте. брось палку — и тот понесется за палкой. Брось теннисный мячик — и тот выпустит из зубов палку и понесется во весь опор за мячиком...

Блэр поднялась на сцену. Флоу передал Саре не листок, не переставая улыбаться улыбкой рот до ушей, хоть завязочки пришей. Он не ожидал, что организаторы бала окажутся такими сногшибательными особами.

— Итак, — сказала Серена и стала читать по шпаргалке. — Мы собрали восемьсот тысяч четыреста долларов. Все сборы пойдут в пользу международного общества помощи животным «Будьте добры!». — Затем она улыбнулась своей знаменитой улыбкой, которая уже не раз украшала страницы светской хроники, и предоставила слово Блэр.

Блэр устраивала уже сотни таких мероприятий и знала всю процедуру как свои пять пальцев. Она наклонилась к микрофону:

— Спасибо всем, что пришли! — и улыбнулась своей царственной улыбкой. — Уходя, не забудь те получить скромные подарки — не пожалеете!

Снова и еще громче заиграла музыка, и народ вернулся к

выпивке и танцам. Флоу наклонился к Серене и что-то прошептал. Его дыхание щекотало ухо. И еще он почему-то пах искусственной кожей.

Серена хихикнула:

— Подождите одну минуточку, ладно? — Она схватила Блэр за руку и потащила со сцены. Из-за чего получалось, что Блэр пятится назад. Они остановились у своего стола. — Он предлагает покататься на лимузине. Ты едешь с нами.

Блэр нахмурилась. Ей совсем не хотелось быть третьей, сбоку припека.

— Нет, я не поеду.

Серена сделала вид, что не слышит. Она не могла позволить, чтобы ее подруга изнывала от скуки.

Кати, Изабель, Чак, Аарон и Майлз все еще сидели за столом, попивая «Столичную» водку, которую Чак внес контрабандой в серебряной фляжке с монограммой.

— Народ, быстро выметываемся! Едем кататься в лимузине Флоу!

В поисках номерка Блэр открыла свою сумочку из полосок норки и армадилла, что не очень-то гармонировало с девизом общества защиты животных. Блэр была зла на подругу, но, с другой стороны, бал все равно испорчен.

А что? Ей нравилась эта идея — сесть в лимузин и кататься по городу, рассматривая мир сквозь дымчатые стекла. Как Одри в «Завтраке у Тиффани».

А может, эта поездка магическим образом переменит ее жизнь и за чередой разочарований последует сплошное исполнение желаний.

Может, да. А может, и нет.

Нейту уже порядком поднаскучило целоваться с Дженни. Он мало выпил, да и косячка хотелось.

— Может, погуляем? — предложил он. Дженни улыбнулась ему снизу вверх. Ресницы Нейта, как и его волосы, казались припорошенными золотой пылью. Единственное, чего ей

недоставало для полного счастья, — это услышать «Я тебя люблю». Может, так оно и случится.

— Пойдем, — ответила она.

Они взяли пальто в гардеробе. Нейт попридержал для Дженни дверь, когда та выходила улицу.

Внизу у ступенек был припаркован огромный черный лимузин с матовыми стеклами. Нейт и Дженни аккуратно спустились по мраморным ступеням. Нейт закурил сигарету с марихуаной. Дженни натягивала черные лайковые перчатки, чувствуя себя разочарованной. Ее не устраивало услышать признание в любви от обкуренного Нейта.

В эту минуту черное стекло лимузина опустилось, и оттуда выглянула светловолосая головка Серены.

— Эй! — крикнула девушка, обращаясь к Нейту и Дженни. — Идите сюда! Гуляем! Давай, давай!

Как всегда, Серена действовала импульсивно. И совсем не учла, что эта парочка окажется малоприятным сюрпризом для Блэр.

Дженни с большим благоговением относилась к Серене, и прокатиться в машине с ней и с кем угодно из ее знакомых казалось таким восхитительным декадансом. Во всяком случае, это лучше, чем бродить по морозу и смотреть, как Нейт курит марихуану. Она дотронулась до его руки:

— Давай, а?

Нейт пожал плечами. Ему было все равно, лишь бы не расставаться со своим косячком.

— Почему бы и нет.

Дверца машины открылась, и Дженни, возбужденно хихикая, пробралась внутрь по чьим-то коленкам, облеченным в сетчатые колготки, по чьим-то ногам, облеченным в брюки. Она устроилась в тесном уголке рядом с девушкой в шикарных туфлях, о которых и мечтать не могла. Дженни подняла глаза... Владелицей этих бесподобных туфель оказалась Блэр Уолдорф. Дженни густо покраснела и резко отвернулась в сторону, наткнувшись на насмешливый взгляд Чака Басса, того самого придурка, который в октябре пытался овладеть ею в дамской комнате клуба «Поцелуй в

губы».

Мораль: не лезь в лимузин, не проверив его содержимого...

Д бережет себя для семейной жизни

... Дэниел Хамфри откусил длинный алый ноготь у Ванессы Абрамс и выплюнул его на старый коричневый ковер в своей спальне. Этот ноготь был длиннее остальных, и ему надоело, что Ванесса все время им царапается.

— Черт, это же мой медиатор! — воскликнула Ванесса и вырвала руку, с досадой осматривая обгрызенный ноготь.

Дэн рассмеялся. Когда он смеялся, его бледное лицо под лохматыми темно-русыми волосами покрывалось морщинками. Дэн очень редко стригся, но этот патлатый облик как нельзя лучше подходил к его образу поэта, глушившего кофе и пребывавшего в вечном раздрае.

— Можно подумать, что ты играешь на гитаре.

Ванесса обиженно дернула плечами и почесала костяшками пальцев свою темноволосую прическу ежик. У нее были огромные карие глаза, тонкие алые губы, и если бы она не стриглась под ежика, то была бы весьма симпатичной. Но Ванесса бунтовала против симпатичности: ей подавайте темные глубинные пласты души, пусть даже уродливые в своей красоте.

— Откуда ты знаешь? — сказала Ванесса. — Днем я с тобой, а по вечерам занимаюсь музыкой, роком.

— Да ты громкую-то музыку терпеть не можешь, — фыркнул Дэни. Он завалил ее на подушки и начал щекотать под мышками. — Тебе только звуки грома во время дождя подавай.

— Прекрати! — завопила Ванесса и задргала руками и ногами. — Дэниел Рэндолф Хамфри, прекрати немедленно!

Нормально, да? Дэн перестал щекотать подругу и сел в постели.

— Какая ты, однако, вежливая.

Черная водолазка Ванессы задралась кверху, обнажая бледный с небольшой складочкой животик.

— Рэндолф, Рэндолф, — произнесла Ванесса, натягивая водолазку на пупок. — Что это за имя такое — Рэндолф? Звучит как

название фирмы презервативов или имя порнозвезды. Рэндолф — кондом со смазкой! — заверещала Ванесса.

Дэн неожиданно умолк, нахмурился и стал ковырять дырку, прожженную сигаретой в его зеленом одеяле. Ванесса села:

— Прости. Знаю. Я обещала не смеяться над твоим вторым именем. И опять поступила как последняя свинья.

Но не это тревожило Дэна.

— А сколько тому Кларку лет? Двадцать два? вдруг спросил он.

Большие глаза Ванессы расширились до огромных размеров. Кларк был барменом, и Ванесса встречалась с ним, пока Дэн не дозрел до мысли, что они с Ванессой могут быть не просто друзьями.

— Да, ну и что? — спросила Ванесса.

— Да так.

Ванесса не понимала, к чему он клонит.

— Кажется, он бармен? Настоящий самец? — Дэн откинулся на подушки и закурил уже миллионную сигарету за день. Он курил, глубоко затягиваясь, выпуская клубы серо-голубого нездорового дыма прямо над головой Ванессы. Она видела, что он пытается держаться, но в глазах его была паника.

— Так, значит, вы оба... то есть... занимались сексом?

Ванесса с трудом сдержала улыбку. Подумаешь, занималась сексом.

— Ну, типа того.

— Так типа того или все же занимались?

— Ну, занимались, но... как тебе сказать... не много, — уклончиво ответила Ванесса.

В сущности, она переспала с этим Кларком всего пару раз. Впервые это произошло днем, и она так стеснялась своего тела, что почти не получила удовольствия. Во второй раз она раскрепостилась более, но недоумевала, что же в сексе хорошего. Он казался ей чем-то первобытным. Тем же занимались зебры или гиены в период спаривания. Она видела это в передачах про животных. И все же, когда у нее получилось, ей было приятно. Она почувствовала себя

более значительной: вот и она внесла свою лепту в историю секса...

— Понятно, — выдавил Дэн и снова затаился. Потом еще.

Он тупо рассматривал цветную строчку на белой наволочке, разукрашенной пятнами от кофе. Он еще был девственником, а Ванесса — нет. Он не знал, что должен чувствовать человек в подобной ситуации.

Впрочем, кое-что он все-таки чувствовал. Он чувствовал себя глупцом, кретином, тощим неадекватным идиотом. Зачем Ванессе понадобился он такой.

— Послушай, я знаю, что ты еще мальчик, — вдруг напрямик сказала Ванесса. — Но это вовсе не означает, что ты должен им оставаться. — Она многозначительно вскинула свои черные бровки и улыбнулась.

Дэн улыбнулся в ответ, залившись красным румянцем.

— Ты так считаешь?

Ванесса отчаянно закивала головой и подползла к нему:

— Конечно. — Она положила руки на его худую грудь и опрокинула на подушки. Потом выхватила сигарету и отправила ее в полупустой стакан стылого кофе на прикроватной тумбочке. — Не бойся! — В ее голосе зазвучала хрипотца роковой женщины. — Я знаю, что делаю.

Она нежно поцеловала его в губы, начала раз деваться сама и раздевать Дэна. Сначала она стянула с него серую футболку, затем прочь полетела ее черная водолазка. Под водолазкой оказался черный топик. Ванесса вообще носила все черное.

Дэн сделал глубокий вдох и закрыл глаза. Для него секс был рождением и смертью, поэтическим таинством. А не черт-те чем, что делается от скуки субботним вечером, накануне экзамена. Секс — это когда двое изучили друг друга глубинно, с интеллектуальной, духовной, философской точек зрения. Дэн даже допускал мысль, что решится на секс только после женитьбы, с твердым намерением рожать детей. Он уже спланировал, что их будет пятеро, каждому придумал имена в честь своих любимых писателей: Кафки, Гете, Сартра, Камю и Китса. Но даже если допустить, что секс произойдет до женитьбы, самый первый раз он должен стать процессом открытия друг друга, как будто вы учитесь говорить на новом языке.

Но Ванесса уже выучила этот язык. С другим парнем.

— Какие у тебя узкие ступни! — Ванесса сползла на пол и, стоя на коленях, начала стягивать с Дэна носки.

Дэн присел в кровати и поджал ноги:

— Погоди.

Ванесса снова заползла на кровать и села рядом, скрестив ноги по-турецки: на ней оставались только черные колготки и черный топ.

— Ну что?

— Я не хочу этим заниматься, — сказал Дэн и мученически сложил руки на худой груди. Он еще оставался в брюках, но чувствовал себя совершенно голым. — То есть я хочу сказать, не прямо сейчас.

Ванесса шутливо ткнула пальцем в его живот:

— Я тоже первый раз боялась. Но на самом деле в этом нет ничего страшного, — сказала она ободряюще. — Уверяю тебя.

Дэн сглотнул сухую слюну и начал рассматривать потолок. Прямо над ним в лепнине была трещина.

— Я бы хотел подождать, когда это будет более... органично, что ли...

— О'кей, — осторожно произнесла Ванесса. — Но это же просто секс. Это не стихотворение.

Нет, она его явно не понимала. Для Дэна это было стихотворением. Может быть, даже самым главным стихотворением в его жизни. Он потянулся к своей футболке и стал натягивать ее.

— Я хочу обождать с этим, вот и все.

— Отлично, — сказала Ванесса. Она уже начинала терять терпение. Дэн всегда слишком перемудривал, вечно писал что-то про них двоих в своих маленьких черных блокнотах. Ванессе нравилось, что он такой впечатлительный, романтичный, но неплохо бы для разнообразия забить на внутреннее содержание заняться внешним. Она была влюблена в него с самого первого дня — они повстречались три года назад и стали самыми близкими друзьями. Поэтому не хотелось портить отношения, когда наконец они почти вместе.

Дэн закурил сигарету. Руки у него тряслись от волнения.

Ванесса снова ткнула его пальцем в бок:

— Эй, да не переживай ты так! Мне и без этого хорошо. Слышишь?

Дэн кивнул. Ванесса потянула его за руку, чтобы он обнял ее. Они снова откинулись на подушки. Дэн пускал колечки дыма, и они долетали до красного бумажного китайского фонарика над их головами. Он нежно поглаживал большим пальцем ершистую голову Ванессы. Ему было приятно, что не надо вдаваться в лишние объяснения. Ведь в этом и состояла их дружба. Да она и понимала-то его больше, чем он себя.

Так они тихо лежали, наблюдая, как сигаретный дым тает под потолком. Это было еще одним плюсом: когда ты рядом с другом, можно и помолчать.

— После окончания экзаменов сниму еще один фильм, — сказала Ванесса. — Боюсь, что «Война и мир» получился слишком мрачноват: нельзя посылать такой в Нью-Йорк.

Последний фильм Ванессы, по сути, был короткометражкой, в которой Дэн сыграл князя Андрея, подсевшего на кокаин. Ванесса уже подала документы в Нью-Йоркский университет, но ей очень хотелось вместо очерка сделать фильм — ведь она собиралась на режиссерский. Ей не терпелось снять настоящее кино. Еще только одна четверть в школе «Констанс Биллар», и она свободна как ветер!

Дэн продолжал дымить. Он не понимал, отчего волнуется Ванесса. Ее фильмы мрачноваты, но в этом и была ее гениальность. В университете Ванессу оторвут с руками и ногами.

— Уж с кем проблемы, так это со мной, — вдруг признался Дэн. Его руки опять дрожали.

— В каком смысле? Брось. Любой приличный колледж будет умолять, чтобы ты пришел именно к ним.

— Вот тебя волнует, что фильмы твои мрачные. А мои стихи, они... — Дэн замолчал, подбирая слова. Его стихи слишком личные, и весьма странно посылать целую обойму таких перлов совсем незнакомым людям. Да это все равно что открыть душу чужому, кто не читал ни Гете, ни Камю. Разве сможет чужой понять его аллюзии?

— А знаешь, тебе надо попробовать напечататься, — предложила Ванесса. — Тогда в приемной комиссии сразу заинтересуются.

Дэн забыл сигарету в пустом бумажном стакане.

— Ну да, щас, — сказал он. Он любил писать, но, упаси боже, отсылать это для публикации. Да он еще и голоса-то своего не обрел. Каждое новое стихотворение звучало по-иному.

— Да я серьезно. — Ванесса снова села в постели. — Тебе надо напечататься.

Дэн забрался под покрывало.

— А, — произнес он с горечью. Он не был готов для секса, не был готов печататься. Он чувствовал себя совершенно потерянным.

Дж сожалеет, что примазалась

В лимузине Блэр оказалась зажатой между грудастенькой Дженни и дылдой Майлзом. Серена устроилась на коленях у Флоу на переднем сиденье («Места же мало», — сказала она), а Нейт притулился возле окна и был в улете. Он скрутил сигареты с травкой для Кати, Изабель и Чака: уж лучше бы они напились, чем обкурились. Аарон сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, и играл в Play Station, которую нашел на сиденье.

— И как наше настоящее имя? — спросила Серена у Флоу. На самом деле она смотрела MTV и прекрасно знала, что его зовут Хулиан Просперо.

Флоу улыбнулся своей знаменитой застенчивой улыбкой, украшавшей самые разные светские журналы («Спин», «Роллинг Стоунз», «Энтетеймент Уикли», «Интервью» и т. д.) и ответил:

— Военная тайна.

— А знаешь, вблизи ты так себе, — сказала Серена и с демонстративным безразличием отвернулась. Конечно, она солгала. Вблизи он был просто обворожителен и нравился ей в десять раз больше.

Серена понимала, что начинает крутить динамо, но — ах! — ей так нравились темные курчавые полосы на его висках, бронзовая кожа, его длинные тонкие пальцы. Почему бы не подинамить? У Флоу всего одна ночь в Нью-Йорке, завтра он уедет в Лос-Анджелес или куда-нибудь еще, а она погрузится в учебу. Ей было хорошо.

Серена всегда хотела, чтобы ей было хорошо. Флоу поморщился, словно устыдясь своего божественного облика.

— На самом деле я ниже ростом, чем кажусь. — Он нагнулся и открыл маленький холодильничек под сиденьем. — Эй, народ, кто хочет шампанского?

— С удовольствием, — с готовностью ответила Ванесса. — Эх, лучше напиток, чем прослезиться!

— Я тоже буду, — робко проговорила Дженни. Лимузин тряхнуло на скорости, и грудки Дженни бойко подпрыгнули. Она

тихонько посмотрела на Нейта, в надежде, что тот заметил, но Нейт впился в окно и, верно, уже пребывал далеко отсюда...

Майлз помог Флоу разлить вино по хрустальным фужерам, протянул один из них Блэр и чокнулся с ней.

От нечего делать Блэр стала разглядывать лицо Майлза. У того были круглые золотисто-карие глаза, точно как у Муки, Ааронова пса. Его резко вздернутый, как лыжный трамплин, нос был осыпан веснушками, а белесые волосы торчали во все стороны. Выступающие жилы на долговязой шее... Наверное, качается на тренажерах или играет в баскетбол. Этот парень напоминал какого-то мультяшного героя с телом спортсмена. Почему бы и не пофлиртовать? Блэр положила руку ему на колено.

— Благодарю, — сказала она и отпила глоток шампанского.

Майлз улыбнулся: наверное, купился; вот оно — начало красивых отношений...

Между тем Флоу продолжал осыпать Серену цветами комплиментов.

— Ты самая красивая девушка из всех, что я встречал за последнее время, — шептал он ей на ушко. — А может, даже за всю мою жизнь. Ты, случайно, не манекенщица? Или актриса?

Серена промокнула мизинец шампанским и аккуратно слизнула капли. Она думала, что Флоу будет нести какую-нибудь пургу, но его слова казались ей совершенно искренними. Если бы он не был рок-звездой, это было бы скучно, но он-то был звездой!

— Нет, — ответила она. — Я — это просто я. Просто — я.

Серена скромничала. Ее фотографии прописались в журналах светской хроники.

Флоу продолжал поедать ее взглядом.

Серена засмеялась:

— Прекрати!

— О, бейби, — раздался голос мерзкого Чака. Он курил травку. — Кому-то сегодня подфартило. — Он закрыл глаза, будто вырубился.

— Я хочу есть, — заявила Кати. Она зачем-то открыла

пепельницу в дверце машины, словно там можно было найти что-то вкусненькое, а потом снова закрыла ее. — У вас ничего нет поесть?

— Я... торчу, — заявила Изабель. Ее глаза буквально лезли на лоб.

Аарон продолжал сидеть на полу машины. Он поднял голову, увидел, что рука Блэр покоится на колене Майлза, выключил PlayStation и втиснулся между ними двоими. Блэр недовольно пискнула.

— Тогда подвинься, — проворчал Аарон. — Эй, куда мы едем? — спросил он у Флоу.

Тот провел своими длинными музыкальными пальцами по струящимся волосам Серены:

— Мы едем в центр. Зайдем в какой-нибудь ночной клуб.

При этих словах Дженни крепко сжала в руках бокал с шампанским. Конечно, им хорошо говорить про клубы. Они выглядели старше своих лет и могли себе позволить поддельные документы. А у нее, Дженни, из всех взрослых атрибутов была только грудь, иначе бы она выглядела лет на десять. Однажды ей даже не хотели давать кассету в кинопрокате, потому что фильм был с пометкой «Детям не рекомендуется». Вот и сейчас подъедут к клубу, зайдут туда преспокойненько, а ей вышибала скажет, что деткам пора баиньки. Уж лучше бы они просто погуляли с Нейтом. С ним ей было спокойней, чем в компаниях.

— Нейт, — проговорила она, наклонившись к нему и дотрагиваясь до его руки. — Мне скоро пора домой. — Уже за полночь, а она обещала быть дома не позднее часа.

К удивлению присутствующих, Нейт был вполне в фокусе. Он видел Блэр, льнувшую к какому-то страшилищу с соломенными волосами. Он даже заметил, что Дженни неуютно в этой компании. Просто в подобных сомнительных ситуациях Нейт ждал подсказки извне.

— Ладно, — ответил он Дженни. — Выходим. Травка была такой славной, и ему совсем не хотелось попасть в шумный клуб. Он проводит Дженни, позвонит Джереми на сотовый, и они с ребятами пойдут в бар на Ривингтон-стрит. Там в тихой комнатке с мягкими диванчиками можно будет откинуться и тихо посмолить.

— Эй! Вы нас не высадите? — Нейт постучал по стеклянной

перегородке водителю.

Блэр улыбнулась. Неужели она так задела Нейта, что тот готов ретироваться?

— Эй, Нейти! Разве вы не идете с нами? — спросила Серена.

Нейт пожал плечами:

— Я должен отвезти ее домой.

Дженни нахмурилась. Ей не нравилось, что Нейт говорит о ней в третьем лице. Лимузин остановился, водитель открыл для них заднюю дверцу, и Дженни с Нейтом выбрались наружу.

— Пока всем! — крикнула Дженни, заглянув напоследок в машину.

Чак посмотрел на нее — глаза сощуренные, как щелочки — и сказал:

— Жаль, жаль.

Дженни не могла объяснить себе, но была уверена: он имел в виду что-то гадкое.

— Пока! — крикнула Серена, единственная, кто хоть как-то прореагировал на их уход. — Счастливой сдачи экзаменов!

... В такси Нейт и Дженни не проронили ни слова. Нейт смотрел в окно и считал про себя проплывающие мимо магазинчики и рестораны: каждый раз, доходя до двадцати, он сбивался и начинал считать снова. Дженни сидела, переплетя ноги, и мучилась, почему все пошло не так. Наверное, это моя вина, рассуждала она. Ведь именно она затащила Нейта в этот лимузин. Такси остановилось около дома Дженни, на углу 99-й улицы и Вест-энда. Дженни потянулась к ручке, чтобы открыть дверцу.

— Эй, — сказал Нейт и погладил рукав ее пальто.

Каким бы ни был обкуренным, он был слишком воспитан, чтобы не пожелать Дженни спокойной ночи.

Он поцеловал ее в щечку и ободряюще улыбнулся, и Дженни почувствовала щемящий запах его волос.

Она тоже улыбнулась: ей так хотелось притвориться, что вечер

прошел прекрасно.

— Спокойной ночи! — Как ей не хотелось уходить... — Спокойных снов, — сказал Нейт. Его зеленые глаза лучились мягким светом. Ах! Он может быть таким милым! Она все-таки любит его. Дженни захлопнула за собой дверцу такси и побежала к подъезду. Окрыленная, она даже не села в лифт, а понеслась вверх по лестнице на восьмой этаж. Запыхавшаяся, она открыла ключом дверь и вбежала в квартиру.

Дэн как раз направлялся в свою спальню с двумя кружками растворимого кофе.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Дженни скинула пальто из искусственного меха и бросила его на спинку стула в прихожей. Пальто соскользнуло на пол. Но в этом доме не было принято поднимать вещи, если они упали. И вообще, их огромная четырехкомнатная квартира словно жила сама по себе, отдельно от хозяев.

— Как дела? — спросил Дэн.

Дженни поднесла руку к бирюзовому амулету на шее.

— Все хорошо, — сказала она и кивнула в сторону кружек. — Ванесса все еще здесь?

Дэн почувствовал: с сестрой что-то не так.

— Не хочешь зайти и поболтать с нами? Дженни и Дэн редко цапались, но и таким внимательным он бывал нечасто.

— Зайду, — согласилась Дженни и пошла за ним в спальню.

Ванесса сидела на кровати — в черном топе и черных колготках.

— Привет, Дженифер, — сказала она и взяла кофе, протянутый Дэном. — Я все еще могу так обращаться к тебе?

Дженни утвердительно кивнула. Только Нейту и Ванессе было позволено называть ее Дженнифер. С Нейтом это получилось случайно, с самого начала, когда они познакомились в парке. А Ванессу она сама об этом попросила. Ванесса была очень мила. Она уважала Дженни. Кровать Дэна была вся перевернута: одежда Ванессы валялась на полу. Ясно: они занимались сексом. Дженни

стояла в дверях, не решаясь войти.

— А вопрос можно? — сказала она. Правда, было непонятно, к кому он обращен. Наверное, было бы неплохо получить ответ сразу от обоих. Ванесса обхватила ладонями кружку, отпила глоток:

— Спрашивай.

— Только честно: что вы думаете о Нейте?

Дэн нахмурился. Они с Нейтом учились в разных школах, но в прошлом месяце, когда он ездил в университет Брауна, его попутчиками оказались Нейт с друзьями и Серена Вудсен. Дэн сразу понял, что Нейт — марихуанщик, из богатых. Может, он и неплохой, но и хорошего мало. Дэна убивало, что его башковитая красивая сестричка связалась с таким сердцеедом. С другой стороны, он понимал ее мотивы. Нейт был старше, да и покажите девчонку, которая по нему не сохла бы. Правда, до тех пор, пока до них не доходило, что он прост, как ботинок. Дэн опасался, что Нейт склоняет Дженни к занятию, до которого та не доросла. Но она как будто не выглядела расстроенной и домой пришла на целый час раньше. Лучше пока оставить эту тему.

Ванесса пожала плечами. Она никогда не стала бы тратить свое драгоценное время на таких, как Нейт, но зачем разочаровывать Дженни?

— Я его не очень-то хорошо знаю, но девчонки из «Констанс» только о нем и говорят. Наверное, для бойфренда он вполне сгодится.

— Точно. — Дэн кивнул. Очень осторожно сказано.

Дженни нахмурилась:

— Ладно. — Она только еще больше запуталась. — Я пошла в душ.

Она закрыла за собой дверь и отправилась в свою комнату. «Бойфренд», — повторяла она про себя. Как это понимать? Ей не нужен какой-то там бойфренд. Ей хотелось, чтоб было как на картине Густава Климта «Поцелуй». Ей хотелось свечения, когда по телу бегают иголки и объятие не кончается никогда.

А кто этого не хочет, девочки?..

Хочешь быть добрым, будь жестоким

Когда лимузин остановился у клуба «Горгона», Кати, Изабель и Чак дрыхли и представляли из себя куча-мала из перепутанных рук, ног, шарфов и пальто, сваленных на кожаном сиденье. Блэр, Серена, Флоу, Майлз и Аарон стояли на тротуаре, с брезгливостью взирая на это зрелище.

— Слава тебе господи! — промолвила Блэр.

Слава богу, что Кати с Изабель были в отключке. Потому что если бы они начали гнать наркотическую пургу насчет того, что им все мерещится в пурпурных тонах или типа того, она просто бы повесилась.

— Ну просто как щенки слепые, — заметила Серена.

— Может, разбудить их? — предложил Майлз.

— Нет!!! — возопили подруги в унисон.

— Послушай, Майлз, это ведь клуб твоего отца? — поинтересовался Аарон. Майлз покраснел и начал внимательно изучать свои ботинки.

— В общем, да.

А Блэр подумала: «Как мило, что он такой застенчивый!»

— Вот и отлично! — сказал Флоу и взял Серену за руку, и их пальцы переплелись. — Пойдем? — обратился он к девушке.

Серена испытывала приятное возбуждение от предчувствий. Она обожала это состояние. Сжав пальцы Флоу, она ответила:

— Пойдем, — и направилась к клубу. Швейцар уже снял с крючка красную бархатную веревочку, чтобы пропустить их. И тут вдруг Блэр вспомнила, что Чак доставил ей пару неприятных моментов на балу. «Пробил час мести», решила она.

— Пойдите! У кого-нибудь есть ручка?

Флоу вытащил из внутреннего кармана смокинга фломастер «Шарпи», которым он обычно подписывал автографы. Блэр осторожно залезла в лимузин, стараясь не разбудить Чака, и начертала на его медном лбу: «Отвезите этого козлика ДОМОЙ».

Потом захлопнула дверцу.

— Спасибо, — сказала она, возвращая фломастер Флоу.

Они уже обошли швейцара-громилу с большой окладистой бородой, когда услышали за спиной многозначительное: «Гм».

— Гм, — нерешительно кашлянул Аарон, нервно щелкая зажигалкой. — Я, пожалуй, пойду домой. Мне завтра с утра надо позаниматься.

Блэр удивленно вскинула брови:

— Ну и что? Мне тоже.

— Тогда пойдем вместе? — предложил Аарон.

Блэр взглянула на Серену, та отчаянно затрясла головой.

— Нет, — выдохнула Блэр. — Может, все-таки пойдешь с нами? — предложил Майлз. — Там здорово. Есть даже отдельная комната.

— Чудненько! — с энтузиазмом заметил Флоу.

Аарон отрицательно качал головой:

— Вы идите.

Он был пятый лишний.

Четверка немного постояла, глядя вслед удаляющемуся Аарону: тот шел, засунув руки в карманы смокинга, черные фалды которого развевались, как у старого ворона. Флоу обхватил Серену за талию и увлек ее к входу.

— Кто последний в дом войдет, тот ледышкой замрет! — засмеялась Серена.

Блэр устремилась за подругой, но Майлз удержал ее за руку:

— Эй, хочу позволить себе одну вольность.

Блэр посмотрела на Майлза. В конце концов, кто положил ему руку на колено, когда они ехали в лимузине? Майлз наклонился и нежно поцеловал Блэр в губы. Поцелуй джентльмена.

— Я мечтал об этом весь вечер, — признался Майлз, смущенно улыбнувшись.

Блэр подумала, почему бы и ей не раскрепоститься, как Серена. И не развлечься с парнем, который гораздо лучше Нейта. В конце концов, потом она может выкинуть этого Майлза из головы.

Она лукаво улыбнулась:

— Ой, теперь мы с тобой ледышки, — сказала она и потянулась к нему губами. На этот раз поцелуй уже был более горячим...

Придерживаясь объема три тысячи слов или меньше, расскажите о человеке, на которого вы равняетесь. Попытайтесь описать как можно более самобытно, в чем состоит его влияние на вашу жизнь.

Блэр Уолдорф

**ОЧЕРК СОИСКАТЕЛЯ НА ПОСТУПЛЕНИЕ В
ЙЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

18 ДЕКАБРЯ

Одри Хепберн родилась в Брюсселе 4 мая 1929 года в семье датской баронессы и бизнесмена англо-ирландского происхождения. В свидетельстве о рождении было проставлено имя Одри Катлин фон Хеемстра Растон. Ей было всего три недели от роду, когда она заболела крупом. У Одри произошла остановка сердца, но ее мать была столь решительна, что шлепала дочь по щекам до тех пор, пока та не задышала. Может, с того самого момента крошка Одри закалилась против жизненных невзгод. И много позже, уже взрослая Одри, будучи тяжело больной, мужественно боролась с болезнью и с достоинством прожила свою жизнь до самого конца.

Когда мне бывает трудно в школе, от перегрузки или от усталости, я всегда вспоминаю Одри Хепберн.

И еще я усвоила, что, если четко знать свою цель и стремиться к ней, все старания будут вознаграждены. Как были вознаграждены старания Одри...

*Все имена и названия изменены или сокращены
до первых букв, чтобы не пострадали невиновные.
То бишь я.*

народ!

Как, по-вашему? Неужели знаменитости интересней обычных людей?

Мы обсуждаем их, как близких знакомых. Жалеем их, когда у них тяжелые времена, радуемся, когда играют их свадьбы и раздаются «Оскары». Мы критикуем их прически, нам известно, когда они толстеют или, наоборот, сбрасывают вес. Мы мечтаем подружиться с ними. Конечно, они носят дорогую одежду, у них тьма домов, они всегда могут заявиться без предупреждения в самый крутой ресторан. Но ведь то же самое обстоит и с нами. И сами знаменитости интересны лишь тем, что они знамениты. Но ведь и среди нас встречаются интересные люди, такие, как, например, я...

ОБЕГАЯ ВЗГЛЯДОМ

В субботу вечером С и Флоу (да, тот самый, который получил приз MTV) отплясывали до опупения в клубе «Горгона». После этого их видели входящими в отель «Трибека стар». Уж не собирались ли они снять там на ночь номер? Ай-ай-ай. Я думаю, об этом мы завтра будем читать в таблоидах. Б и ее новый знакомый М тоже были в «Горгоне», уединившись в укромном местечке. К, И и Ч вообще не поняли, где они, когда под утро вылезали из лимузина: водитель остановился на бензоколонке где-то возле Третьей авеню. Водитель был добрым малым и развез несчастных по домам. А между тем медленно брел по Пятой авеню в своем шикарном смокинге. На лице его была написана грусть, никак не совместимая с его дредами...

ВАШИ ПИСЬМА

Q: Привет, Сплетница!

А я знаю точно, что Флоу голубой. И он встречается с С только для того, чтобы про него так не подумали.

— Снупи

А: Дорогая Снупи!

Я тоже обратила внимание на Черно-белом балу, что брюки Флоу слишком обтягивают его ягодицы. Так что, возможно, ты права!

— Сплетница

Q: Привет, Сплетница!

Я учусь в одном классе с М в «Бронксдейле». И два года назад была влюблена в него. Мне нравилось, как он барабанит пальцами по парте во время урока. И еще у него был такой обалденный оранжевый «Порш» старой модели. Но ума не приложу, зачем он сдался Б: она такая шикарная девчонка.

— Оливия

А: Дорогая Оливия!

Видишь, к чему привела твоя нерешительность? Б увела у тебя предмет обожания. Но в конце концов, если ты не подсуежилась, попросись хотя бы, чтобы он покатал тебя на своем оранжевом «Порше».

— Сплетница

НАПУТСТВИЕ ПЕРЕД ЭКЗАМЕНАМИ

Не будьте зубрилками! И хотя вам нужны хорошие отметки для поступления в колледж, но вы же понимаете: перед смертью не надышишься. Кстати, о смерти: лучше примите ванну с солью Мертвого моря, выпейте бокал шампанского, покрасьте ногти ярким лаком и спокойно заваливайтесь спать. Это лучше, чем писать

идиотские шпоры, чтобы всего-то воспользоваться ими утром перед экзаменом.

Удачи вам! Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

Признайтесь, вы от меня без ума.

СПЛЕТНИЦА

Даже крутые девушки держат экзамен

Понедельник, первый день экзаменационной недели. Третий этаж школы для девочек «Констанс Биллар». Экзамен по французскому. Старшеклассницы — в одинаковых серых шерстяных мини-юбках, черных кашемировых водолазках, черных шерстяных колготках и черных замшевых туфельках от Гуччи — сидят за столами и судорожно строчат свои ответы в экзаменационных тетрадках с голубыми обложками. Блэр в первом ряду, напротив дежурного учителя мистера Бекхема. Она терпеть его не может из-за тройки, которую тот вклеил ей за последний доклад по кино. Доклад был посвящен Вуди Аллену. Блэр утверждала, что Вуди Аллен снимает сплошь фильмы про психопатов из Нью-Йорка, а это, мол, никому не нужно. Оказалось, что мистер Бекхем — поклонник этого режиссера.

Начало письменного экзамена предварял ряд вопросов, на которые нужно было ответить в объеме одного параграфа. Первый вопрос: *Qu'est-ce que vous voulez faire pendant votre temps libres?* — Чем вы любите заниматься в свободное время?

Это проще простого. Блэр с удовольствием покупала дорогую обувь, ходила по ресторанчикам с Сереной и заказывала бифштекс с водкой «Ketel One» и тоником. Ну, и все это под сигаретку. Летом она не прочь поиграть в теннис. Еще она любила под фильм «Завтрак у Тиффани» на DVD, целоваться с Нейтом, лежа в кровати. Правда, это уже в прошлом.

Следующий вопрос: *Decrivez votre famille.* — Расскажите о своей семье.

Блэр сердито вздохнула. Она прекрасно знала французские аналоги эпитетов «глупый гомосек» (отец), «полная психопатка» (мать), «толстый, слащавый неудачник» (отчим). Но мадам Роже, училка французского, была дамой, начисто лишенной чувства юмора. Поэтому Блэр великодушно нарекла своего папочку «красивым человеком» и расписала, что у него такое же хобби, как и у нее, то есть покупать обувь; мамочку — «блондинкой с мягким нравом и такой самоотверженной, что она даже может забыть, как ее зовут»; отчима — «весельчаком, который заливисто смеется и весьма неординарно одевается». С младшим братом Тайлером все обстояло

гораздо проще: «Может, он еще и вырастет человеком, но пока его лучшие друзья „Play Station-2“ и поп-музыка восьмидесятых». Теперь Аарон... Блэр на секунду задумалась. Ей нравился Аарон, хотя в последнее время он какой-то необычайно тихий и замкнутый. Но для сводного брата далеко не худший вариант. Блэр улыбнулась и написала: «А мой сводный брат Аарон, наверно, будет спасать весь мир». Такого комплимента она не выжимала из себя никогда прежде.

Третий вопрос: *Imaginez qu'un djinn apparait sur votre epaule pour vous dire qu'il vous accordera un seul souhait. Quel serait votre souhait?* — Представьте себе, что на вашем плече сидит маленький джинн и говорит, что он исполнит ваше единственное желание. Какое будет желание?

Блэр в задумчивости постучала карандашом по столу. Какое бы желание загадать? Конечно, она хотела бы поступить в Йель. Но еще чтобы ее мать с Сайрусом остались где-нибудь на пожизненный медовый месяц. И чтобы Нейт поселился в Антарктиде. Тогда она не будет наталкиваться на него и его подружку. Конечно, еще она хотела подкупить нубуковые ботинки, но пока не нашла ничего подходящего. Да, чуть не забыла про короткую дубленку и лисью шапку-ушанку.

Блэр, в общем-то, было все равно, что ее отец голубой, но было бы лучше, если бы его бойфренд жил в Нью-Йорке, а не во Франции, тогда отец ходил бы с ней по магазинам. И еще она жалела, что Серена не выбрала класс французского: они сидели бы сейчас рядом и обменивались записочками. Еще она жалела, что они с Нейтом не попробовали, то есть не дошли до секса, поэтому она до сих пор девственница. И еще она жалела, что они так долго прокутили в субботу, а теперь из-за этого у нее болела голова. Наверняка Майлз уже названивает куда-то, оставляя пламенные сообщения на автоответчике, ведь она намеренно дала ему неправильный номер...

И хотя в субботу было весело, ей совершенно не нужен сейчас новый бойфренд.

Мистер Бекхем громко откашлялся, и Блэр подняла голову. Волосы у него были желтого цвета: не соломенного, а именно противного желтого цвета, как сопли у простуженного. Блэр снова взглянула на преподавателя, их взгляды встретились... И тут произошло что-то небывалое: мистер Бекхем покраснел. Как влюбленный.

Не поняла.

Блэр смущенно отвела взгляд. Закинула ногу на ногу. Нервно задрывала ногой и постаралась сосредоточиться на вопросе об одном желании.

Единственное, чего ей хотелось сейчас, так это чтобы учитель по истории кино, который, как она считала, терпеть ее не мог, не пялился на нее. Еще неплохо было бы оказаться на пляже, а не торчать в этой душной комнате. Она пожалела, что не позавтракала, потому что начинало сосать под ложечкой. Желаний — хоть отбавляй. Но нужно выбрать только одно. Какое?

И Блэр написала, что хочет поступить в Йельский университет. Конечно, ничего оригинального. Но лучше уж выглядеть занудой, чем раскрывать душу перед мадам Роже. Она нарисовала на полях черновика маленький ботинок на высоком каблуке и снова посмотрела на мистера Бекхема. Тот все еще пялился на нее, красный как рак. Он чего вообще? Собирается ее замочить или представляет ее в неглиже? Блэр с отвращением отвернулась. Взглянула на часы от Картье. Еще один долбаный час. Следующий вопрос...

Двумя этажами ниже, в большой аудитории, Серена корпела над экзаменом по истории Америки.

Хотя нет. Корпела не то слово. Серена не умела корпеть.

Она уже пересчитала, сколько у нее посеклось волос в хвосте — девять, — и уже в очень краткой форме ответила на вопрос о роли англичан во Второй мировой войне. Она описала, что тогда в магазинах всего не хватало и англичанки не могли себе позволить носить чулки, потому что фабрики не выпускали нейлон. И тогда эти отважные модницы нарисовали сзади на своих ногах стрелочки, чтобы все думали, будто они ходят в чулках.

Серена вздохнула. В те времена девушка могла спокойно встречаться с парнем без боязни, что их фотографии будут пестреть во всех журналах и газетах. А в наше время это еще и веб-сайты. Ужас.

Но это же глупо. Они распрощались, просидев до утра в баре отеля «Трибека стар». Он улетел на личном самолете в Нижнюю Калифорнию, чтобы доснимать клип к песне «Life of Krime». Он был

очень мил, и они прекрасно провели время, но все-таки они были не пара. Ведь пара — это когда вы встречаетесь каждый день. Когда вы влюблены. А у них просто страсть, какая там любовь! Хотя он уже прислал ей цветы. Тридцать черных тюльпанов! Большой дефицит, между прочим.

Серена привыкла получать подарки от парней, так что цветами ее не испугаешь, если, конечно, это не примет хронического характера. Иногда парни так влюблялись в нее, что просто теряли чувство меры. Взять хотя бы Дэна Хамфри. Осенью он ходил за ней повсюду, как щен, и строчил такие серьезные, ну просто больные стихи про любовь, что Серена дрогнула. Ей нравился Дэн, но он был слишком уж замороченный. К счастью, Дэн переметнулся на Ванессу, которая была ему под стать, так что они теперь два сапога пара.

Серена прочитала следующий вопрос: «Когда американские Вооруженные силы вступили во Вторую мировую войну и почему?»

На этот вопрос хотелось бы задать контрвопрос: ей вообще когда-либо в жизни пригодится это? Вот на этот вопрос она знала твердый ответ: никогда! Да кому интересно, что там было много лет назад, когда у нее самой впереди светлое будущее, полное неизведанных поворотов судьбы.

Кто-то тронул ее за плечо. Серена подняла голову. Мистер Хэнсон, латинист. Сегодня он дежурный учитель на экзамене по истории. Длинный и тощий, и усы у него всегда строго одной и той же длины, поэтому все девчонки подозревали, что усы накладные.

— Да? — удивленно спросила Серена. Она явно замечталась, но со стороны могло восприниматься — просто задумалась, что вполне нормально для экзамена. — Что-то не так?

Мистер Хэнсон улыбался из-под своих усов.

Он положил на стол номер «Поуст», открытый на шестой странице, где описывались все светские сплетни. На фотографии красовались Серена и Флоу в момент, когда они садились в машину у клуба «Горгона».

— Простите, что прерываю вас, но мне показалось, что вы уже закончили свою экзаменационную работу. Не могли бы вы передать это для автографа Флоу, — прошептал мистер Хэнсон. — Я его фанат. И если можно, хотелось бы получить и ваш.

Серена заморгала от удивления. Во-первых, кто бы мог подумать, что мистер Хэнсон — фанат Флоу. А во-вторых, она не собирается просить у Флоу автографа. И в-третьих — алле, господин учитель, экзаменационная работа и близко не закончена!

— Флоу сейчас в Нижней Калифорнии, — шепотом проговорила Серена. — Ничего, если только я подпишу?

Она стыдливо оглянулась. Все отложили свои тетрадки и стали шушукаться, уставясь на нее и мистера Хэнсона.

— А я слышала, что Флоу и Серена помолвлены, — поведала Ники Баттон своей подруге Алисии Эдвардс. — Они поженятся в Лас-Вегасе под Новый год.

— Вот «Поуст» пишет, что они познакомились на Черно-белом балу в субботу, — сказала Изабель Коутс Кати Фаркас. — Но это же неправда.

На что Кати ответила:

— Они познакомились в прошлом году в закрытой клинике для наркоманов. Флоу уже раз двенадцать лечился. И она тоже.

Серена поставила свой автограф и протянула журнал мистеру Хэнсону. Оставалось надеяться, что преподаватель не вклеит ей пару по-латыни лишь за то, что она оставила его без автографа Флоу.

Но он шепотом поблагодарил ее, любовно разглядывая автограф. Он был счастлив:

— Я уверен, что через несколько лет ему цены не будет!

— Нет проблем, — ответила Серена. Гул в аудитории нарастал.

— Всё, всё, всем работать, — строго произнес мистер Хэнсон и вернулся к своему столу.

Серена вновь уставилась в экзаменационный листок и прочитала: «Когда американские Вооруженные силы вступили во Вторую мировую войну и почему?»

Но не успела она и подумать, как ее окружило человек пятнадцать одноклассниц; каждая протягивала журнал и просила оставить на нем автограф. Мистеру Хэнсону ничего не оставалось, как сдаться:

— Ладно, пять минут дополнительного времени. Но чтобы через пять минут все сидели на своих местах.

— Чур мне первой! — завопила Рейн Хоффштеттер, подсовывая свой экземпляр журнала Серене под нос.

— Нет, мне! — Лаура Сэлмон попыталась отпихнуть Рейн в сторону.

Серена хмыкнула. Два месяца назад, когда она перешла сюда из школы-пансиона, к ней отнеслись, как к прокаженной. А теперь вот они дерутся за ее автограф. На минуту она задумалась, рука замерла над газетой, протянутой Лаурой. Потом написала: «Ведь вы же все меня любите. Серена».

Секс, любовь и Франкенштейн

В гимнастическом зале были расставлены столы. Экзамен по английской литературе в школе «Риверсайд» для мальчиков был бесконечно долгим и сложным. Но Дэн ничуть не волновался. Он дважды читал «Франкенштейна» Мэри Шелли и помнил наизусть лучшие стихи Китса. Да он во сне может написать очерк по английской литературе и получить за него пятерку. Досконально разобрав «Оду ласточке», Дэн открыл тетрадку на последней странице и попробовал набросать свое новое стихотворение: возможно, он вставит его в работу соискателя на поступление в колледж. Как правило, из-под его пера выходила тревожная любовная лирика. И это стихотворение, как и многие другие, было посвящено Ванессе:

Обрывки бумаги,
Дольки лимона:
Соленые слезы в глазах...

Сейчас он пробовал писать вольным стихом, хотя порой и не понимал, какой смысл вкладывает в строчки.

Твое лицо
Орех.
Залечиваешь порезы.
Ты — смазка для моего двигателя.

Гм... Смазка для двигателя? Попахивает пошлой эротикой. Такое Ванессе показывать не стоит. Вообще-то Дэн хотел выразить, что она — его вдохновение. Уставившись на последнюю строчку, он пытался более точно выразиться. Что-то не шло. Он вырвал листок из тетрадки, скомкал. Почему перестали получаться стихи?

Дэн почувствовал на себе чей-то взгляд. Повернулся. Слева от него — Чак Басс. В седьмом классе Чак был ниже всех ростом, носил очки в роговой оправе и вельветовые коричневые костюмчики, и вид был все время такой, будто ему нужно срочно выйти пописать. Тогда,

в седьмом, они с Дэном на уроках английской литературы сидели вместе. И вот однажды учитель дал задание написать стихотворение, посвященное человеческому телу, любой его части. Чак ничего толком не смог выдать из себя и подвинул Дэну записочку, умоляя сделать это за него. Дэну ничего не стоило написать стихотворение, и он легко сложил стих про руки. Чак, естественно, выдал его за свое. А Дэн написал еще одно, уже про рот, но оно получилось хуже, чем про руки.

В результате Чак получил пять с плюсом с одобрением учителя: «Вот видишь, можешь, если постараться». А Дэн довольствовался четверкой и пометкой: «Я знаю, ты мог бы написать лучше».

Сначала Дэну было наплевать. В конце концов, он помог товарищу. Но в следующем году Чак вытянулся, начал бриться, нацепил на палец розовое кольцо с монограммой, накинул на шею синий кашемировый шарф и вообще вести себя стал как последняя свинья, особенно по отношению к девчонкам. В прошлом месяце он чуть было не соблазнил его сестру, прямо в женском туалете. И Дэн возненавидел Чака, но тому было наплевать. Время от времени на уроках он просил Дэна о помощи, но получал неизменное: «Отвали».

Сейчас Чак паялился в тетрадь Дэна, пытаясь прочитать его очерк про «Оду ласточке». Дэн перевернул страницу и на чистом листе написал: «ЧИТАТЬ УМЕЕШЬ, ИДИОТ? А ПОШЕЛ ТЫ!» Чак зло сощурился и показал Дэну средний палец.

«А ПОШЕЛ ТЫ», — снова написал Дэн и подчеркнул фразу дважды.

Прежде чем перейти к следующему заданию, Дэн просмотрел свой текст. Он цитировал: «Я слушал во тьме, как может ласточка петь, // И вновь призывал предрассветную смерть».

Как это было похоже на его любовь к Ванессе. Ведь это она была его черной ласточкой. И Дэн действительно любил слово «смерть»: недаром он курил сигареты одну за другой, мало спал и глушил кофе. Но именно Ванесса не давала ему сойти с ума. Она спасала его.

Дэн снова взял ручку и попытался придумать что-то в духе Китса. Но как он ни старался, лучше, чем уже сказал Китс, у него не получалось. Тогда он прочитал следующий вопрос экзамена: «На занятиях мы много обсуждали символический образ

человекообразного существа Франкенштейна, созданного Мэри Шелли. Каким вам видится Франкенштейн?»

Дэн задумчиво уставился на красную вывеску «Выход» над дверью гимнастического зала. Во Франкенштейне было что-то пугающее и одновременно прекрасное. Ведь он никому не желал зла, но все равно был монстром. По сути, он был олицетворением любви: пугающая и одновременно освобождающая душу, томительная и печальная...

Дэна охватила дрожь вдохновения и на чистом листе в конце тетрадки он написал начальную строчку: «Ты мой Франкенштейн».

О боже, какой же тогда будет вторая строчка?..

Ванесса сидела на последнем ряду в той же аудитории, что и Серена. Она написала свой письменный экзамен по истории на сорок пять минут раньше. И сейчас наблюдала, как одноклассницы облепили Серену, словно рабочие пчелки свою матку. Подумаешь, ну опубликовали фотографию, где Серена красуется с этим пресным, лишенным музыкального слуха музыкантишкой.

Между тем Ванесса составляла план маршрута для съемок. Она собиралась снять документальный фильм и представить его как вступительную работу в Нью-Йоркский университет. И плевать ей на шестую страницу журнала «Поуст». Она запечатлит события, по-настоящему достойные внимания: то, что происходит перед самым носом у горожан, в то время как они тупо читают свою желтую шестую страницу.

Во-первых, она встанет ни свет ни заря и отправится в порт и будет снимать там рыбаков, что причаливают к берегу, подвозя улов для Фалтонского рыбного рынка. Она ненавидела запах свежей рыбы, но ничего не поделаешь — нужно проследить путь рыбы до рынка, как ее продают по ресторанчикам по тридцать два цента за пуд. Она покажет, как потом эта рыба будет подаваться посетителям дорогих ресторанов: поджаренная, обсыпанная фисташками, украшенная нарезанными помидорчиками, а сверху приправленная грибным соусом, и одно такое блюдо будет стоить долларов двадцать девять, и поесть его будет какая-нибудь тетка с Парк-авеню, страдающая недержанием мочи, дважды разведенная. И эта тетка отведала только пару маленьких кусочков, остальное же выбросят на помойку...

Ванесса была готова снимать и снимать, чтобы показать вот такую иронию жизни: с горько-сладким привкусом. Да, она была пессимисткой, а Дэн романтиком, но, будучи пессимисткой, она любила Дэна. Вот только она никак не поймет, отчего он так комплексует по поводу их интимных отношений. Чем больше он тянет с этим, раздувая проблему до мировой, крапая стишки и доводя себя до полной бессонницы, тем страшнее будет для него разочарование. Ванесса не знала, как воздействовать на Дэна. Знала только, что надо мягко и терпеливо. Но как? А может, просто связать его по рукам и ногам и раздеть донага? А что, неплохая идея!

Ванесса улыбнулась, удивляясь собственной смелости, и снова стала обдумывать сценарий съемок.

Про рыбу будет день первый. День второй: она будет снимать копов на мотоциклах, патрулирующих по Центральному парку. Наверное, им плевать, что несовершеннолетняя молодежь принимает наркотики на Овечьем лугу и пьет пиво. Ей хотелось выяснить: почему они никого не арестовывают, а просто прохлаждаются как придурки. Наверное, в полиции ей не дадут разрешения на съемки, но попробовать стоит.

А потом она выберет героя, например продавца хот-догов. Покажет его дом, семью, собаку. Узнает, есть ли у него постоянные покупатели. А может, в ожидании покупателя он читает какую-нибудь замороченную книжку типа «Радуга тяготения» Томаса Пинчона, мечтая, как однажды поведет за собой людей? Или этот человек просто счастлив от своей работы, имея возможность целыми днями поесть бесплатно свои хот-доги...

Ванесса оторвалась от тетрадки, наблюдая, как «рабочие пчелки» рассаживаются по своим местам.

— Все, леди. Спасибо, Серена, — раздался голос мистера Хэнсона. — Прошло целых десять минут.

Ванесса видела, как Серена принялась судорожно раздирать ломаные концы волос.

В октябре Ванесса собиралась снять Серену и Дэна в своей короткометражке на тему «Войны и мира». Но Дэн был по уши влюблен в Серену и вел себя как полный идиот, и Ванессе ничего не оставалось, как подыскать для съемок другую «актрису». Она оказалась на редкость бездарной и шарахалась от камеры как

ужаленная. Серене льстила влюбленность Дэна, но тут в дело вмешалась бритоголовая Ванесса в своей черной водолазке и гриндерах. Она-то и спасла разбитое сердце друга и зализала его раны.

Ванесса скрестила ноги и задумалась: оттого, что она спасла друга, ей еще больше хотелось заняться с ним сексом. Она вздохнула. Во время каникул будет много времени, и родители не будут их пасти. Рано или поздно с ними это случится.

Понятно вам? Несмотря на такую маргинальную внешность и презрение ко всему человечеству, Ванесса всего лишь обыкновенная семнадцатилетняя девчонка, к тому же ранимая. Как и мы с вами...

Н никак не может выбросить из головы Б

Во время часового перерыва между экзаменами по математике и химии Нейт, Энтони Авульдсен, Чарли Дерн и Джереми Скотт Томпкинсон заскочили в ресторанчик «Джексон Хоул», чтобы перекусить. Экзамен по математике выжал из них все соки, и теперь они жадно пожирали гамбургеры, картошку, запивая все этой колой, отчего чувствовали себя паршивей не бывает. Нейт мысленно отметил, что неплохо бы владельцу ресторана раскошелиться на вентиляторы, чтобы в воздухе не витал этот тошнотворный запах жареного лука. Между тем Нейт поочередно думал то о Дженни, то о Блэр, причем думал безотносительно, безо всяких эмоций. Таков был Нейт.

Дженифер не звонила ему с того самого вечера, и это было совсем на нее не похоже: обычно она присылала на его электронный адрес в школе «Сент-Джуд» зашифрованные коротенькие sms-ки или e-mail'ы. Наверное, сейчас ей просто недосуг — погружена в экзамены.

Нейт отодвинул тарелку и вытащил из кармана сотовый. Нужно послать Дженифер sms-ку, для поддержания ее духа.

«...жл успех, — набил он, — в чтврг мы с тб поедем за рждствнскм пкпкми. Н.».

Джереми свел руки за головой и покрутил шеей, чтобы снять напряжение.

— Эй, кому ты там строчишь? — Джереми был маленького росточка и такой худющий, что казалось, вот-вот потеряет свои штаны. Но зато прическа у него была, как у рок-звезды, и манера вести разговор грубая, мужская.

— Не твое дело, — огрызнулся Нейт.

Энтони отправил в рот пригоршню холодного, сдобренного кетчупом французского картофеля. Он посещал почти все спортивные секции школы «Сент-Джуд», поэтому мог целыми днями есть и не терять форму.

— Слушай, а Блэр классно выглядела на балу, — изрек он.

Нейт утвердительно кивнул, вспоминая ее сбитую попку, обтянутую черным платьем.

— Конечно, буфера у нее не то что у Дженифер, — заметил Энтони.

Парни давно перестали подначивать Нейта, что он, мол, встречается с соплюшкой, но время от времени не могли не пройтись по поводу ее бюста.

Нейт улыбнулся. Потом нахмурился, пытаясь припомнить, как на балу выглядела Дженифер. Но в его воображении всплывали только пышные темные кудряшки, ложбинка на груди и тихая улыбка.

Он сделал пару глотков колы и напряженно задумался, сощулив свои огромные зеленые глаза.

Это было занятие не для Нейта, редкий случай, когда он напрягался.

А действительно, ведь он никогда раньше не пытался сравнить Дженифер и Блэр. Ему нравилась Дженифер — она не такая требовательная и никогда не отвлекала его от собственных мыслей. А вот Блэр вечно приставала: о чем думаешь, да куда собрался и с кем. Дженни так не напирала. Блэр же непременно подавай все сразу: вместе в Йельский, вместе жить и снимать квартиру. Блэр делала ему дорогие подарки, и он был вынужден отвечать тем же. А у Дженни была бесподобная грудь.

Но какая бы ни была Блэр, они знали друг друга как облупленные, да и выросли они вместе. И когда встречались, всегда чувствовал, будто их объединяет общая цель. Как эти красные булабочки, которые Нейт втыкал в карту, приплывая на своей яхте в какое-нибудь новое место. Они двигались в одном направлении, и у них была общая цель — секс, и эта цель была почти достигнута. И было что-то еще, необъяснимое, объединявшее их, — биение их жизни в одном ритме. Они как два поплавка одного гидросамолета. Им обоим по семнадцать. Оба заканчивают в июне школу. Оба будут поступать в колледж.

А Дженифер? Большая разница в возрасте, так что до секса еще дожить надо. Ведь ей всего четырнадцать. Еще три года она будет

надевать школьную форму, каждый день отправляясь в «Констанс Биллар». А Нейт поступит в колледж, и неизвестно, чем обернется его жизнь. Других парней разница в возрасте отпугнула бы, а он даже находил в этом успокоение. Пока он дрейфует в открытых водах жизни, Дженни будет сидеть дома, бросив якорь. Он может слать ей e-mail'ы, звонить, приезжать на пару дней, и все будет спокойно и надежно.

Чарли подхватил вилкой недоеденный соленый огурчик и положил его на тарелку Нейта:

— Что-то ты скис, приятель.

Нейт посмотрел на друга и нащупал в кармане мешочек с травкой. Взглянул на часы:

— Может, курнем по-быстрому?

Все три друга одобрительно закивали. Нейт улыбнулся и встал. У него был вид человека, принявшего решение; правда, он еще не смог его сформулировать.

— Ладно, братцы, пошли перекурим.

Примеривай парней как одежду

Старшеклассницы «Констанс Биллар» сдавали экзамены, а у Дженни был час здоровья, на котором обсуждались такие темы, как любовь, секс, как правильно подобрать шампунь, как применять физиогномику, оценивая мальчиков, и прочее.

Одиннадцать девчонок сидели кружком на полу у залитого солнцем окна. Эта была очень уютная комната, специально обустроенная для доверительных бесед. В отличие от бездушного зеленого ковролина, которым была застелена вся школа, здесь на полу лежал пушистый малиновый ковер. Стены были поклеены обоями василькового цвета, а поверху был пущен нежно-белый бордюр. У стены стояла небольшая доска с цветными мелками. И что самое важное — не было никаких столов, чтобы девочки могли раскрепоститься и выговориться.

Уроки здоровья вела мисс Дохерти, по совместительству преподаватель современного танца. Ей было лет двадцать пять, свою фигуру она слепила, занимаясь йогой. У нее были длинные золотисто-каштановые волосы, бледная нежная кожа безо всякой косметики. Она не была похожа ни на одну из училок, по сравнению с ней те просто противные мужеподобные тетки. Девочкам нравилась раскованная, доверительная манера общения мисс Дохерти, но одно смущало: она говорила об интимных частях тела с такой легкостью, словно они принадлежали не живым людям, а куклам. Обычно она предлагала девочкам самим выбрать тему для обсуждения, поэтому, как правило, все беседы крутились вокруг мальчиков.

— Мне лично непонятно, как мы можем видаться с ними, если девяносто процентов времени общаемся друг с другом, — пожаловалась Ким Свонсон и провела рукой по своим блондинистым волосам. Она с четвертого класса каждые два месяца осветляла волосы в салоне Джона Бэрретта.

Дженни сидела рядом с Ким и не могла налюбоваться на нее. Французский маникюр, загар из солярия, на ресницах тушь от Шанель. Тени, блеск для губ, в ушах квадратные бриллиантовые пусетки от Картье. Белоснежная рубашка от Агнес Би. Если бы Ким меньше занималась собой, может, у нее оставалось бы время для мальчиков.

Мисс Дохерти улыбнулась своей всепонимающей улыбкой:

— Конечно, Ким, ты права. Я бы посоветовала тебе посещать кружок драмы или хор, где занимаются и мальчики. И если у твоих подруг есть приятели, не стесняйся, попроси, чтобы они и тебя познакомили с ними.

— Мисс Дохерти, чтобы встречаться с парнем, обязательно нужно любить его? — спросила Джессика Соумс.

Джессика была вылитая Белоснежка: густые черные волосы, пухлые алые губки, серые глаза и длиннющие ресницы. Белоснежка-то Белоснежка, но Джессика не была чистой, как первый снег. Месячные у нее начались в четвертом классе, и поговаривали, что девственности она лишилась еще в шестом. Она славилась самой пышной грудью, но потом ее переплюнула Дженни.

Мисс Дохерти заправила за ухо прядку волос, провела мизинчиком по бровям, пытаясь подобрать удобоваримый ответ, чтобы не вдаваться в особо интимные подробности. Но тут голос подала Дженни Хамфри:

— Когда ты начинаешь встречаться с парнем, то не сразу можешь разобраться, любишь ли его. Но если поняла, что не любишь, лучше расстаться.

Все девчонки и учительница уставились на нее. Мисс Дохерти — потому что Дженни Хамфри всегда отмалчивалась, и для нее было откровением, что у той может быть собственное мнение. Девчонки же знали: Дженни увела Нейта Арчибалда у Блэр Уолдорф, что просто маловероятно. И сделать это было возможно только одним-единственным способом... Неужели Дженни Хамфри — подпольная шлюшка и заявляет сейчас об этом во всеуслышание?

Увидев любопытствующие взгляды, Дженни смутилась и залилась краской:

— Я хотела сказать, что если вы еще не признались в любви, то можно и не расставаться, продолжать встречаться и ждать, когда объяснитесь.

Мисс Дохерти одобрительно кивнула головой. Тема любви была ее коньком.

— Когда влюбляешься в первый раз, трудно осознать это. Некоторые юные особы даже путают любовь с лихорадкой.

Девчонки захихикали, а Дженни улыбнулась. Она понимала, о чем говорит учительница. Порой, когда она была с Нейтом, у нее кружилась голова и подгибались коленки, и она боялась, что от волнения заболит воспалением легких или еще чем-нибудь.

Мисс Дохерти между тем продолжала:

— Но я считаю, что вовсе не обязательно любить, когда встречаешься с мальчиком. Ведь тебе всего четырнадцать, замуж не выходить. Ты только учишься общаться с людьми. Это как подбирать одежду. Нужно примерить на себя разные стили и покрои, прежде чем найдешь свой.

Дженни нахмурилась. Она не собиралась примеривать на себя разные стили и покрои. Ей нужен был только Нейт.

— Извините, так мы говорим о сексе с парнем, которого не любим, или просто о дружбе? — с вызовом спросила Алисия Армстронг, возбужденно теребя розовый кожаный браслетик на запястье. — Лично я считаю, что для секса необходимо любить человека.

— Верно, — согласилась Дженни и снова покраснела.

И все девчонки опять уставились на нее. Она что, призналась, будто у нее с Нейтом секс?

Дженни говорила вовсе не о сексе, но теперь до нее дошло, что подразумевала Джессика под фразой «встречаться с парнем». Дженни нервно выдернула шерстяную нитку из ковра. Для нее это вообще не предмет обсуждения. Секс равняется любви? Должна ли она сама признаться Нейту в любви или следует подождать, когда тот признается первым?

Дженни подняла руку, но ее опередила Азария Муниц:

— Мисс Дохерти, правда ли, что нужно менять шампуни, чтобы они не приносили вреда? — У Азарии были длиннющие волосы медово-золотистого цвета, достающие до самых бедер, а ее шкафчик был вечно забит средствами по уходу за волосами.

Мисс Дохерти с легкой неприязнью посмотрела на Азарию:

— Мне кажется, если пользоваться хорошим шампунем с натуральными компонентами, то от этого не будет никакого вреда. — Она мило улыбнулась и вернулась к обсуждению своей любимой

темы: — Да, Дженни? Ты хотела что-то сказать?

Дженни уставилась в потолок, пытаясь правильно подобрать слова. Но она и рта не успела открыть, как в разговор влезла Джессика:

— А правда, что все ощущения у парней находятся на кончике пениса? — Джессика произнесла это с таким серьезным видом, сдвинув бровки, словно они обсуждали тему открытия атома. Все девчонки захихикали. Джессика горазда задавать шокирующие вопросы.

— Джессика, ты перебиваешь своих товарищей, — ровным тоном заметила учительница. — Отвечу кратко: да, кончик мужского полового члена обладает чувствительностью, которая у разных особей варьируется. — Она повернулась к Дженни: — Дженни, твой вопрос?

Дженни прямо задохнулась от таких слов. Пенис? Пенис, пенис! Ей хотелось дико расхохотаться.

— Итак? — снова спросила мисс Дохерти. Дженни прикрыла рот ладошкой:

— Да нет, ничего.

Джессика злорадно сощурила глаза:

— А что тебя так развеселило, Дженни? Ты вспомнила про самую чувствительную часть у Нейта?

Дженни перестала улыбаться и сердито скрестила руки на груди. Она негодовала.

— Джессика, без имен, пожалуйста, — строго одернула ее мисс Дохерти. Она поправила ноги, скрещенные в позе лотоса и откашлялась. — Хочу еще раз напомнить, девочки: наша беседа носит конфиденциальный характер. Ничто из сказанного не должно выноситься за пределы этой комнаты.

Ха-ха! Тогда откуда вся школа знает, что Алисия Армстронг не пользуется гигиеническими тампонами (ее родители боятся — тампоны нарушат ее девственность)?

Дженни не такая дура. Она знала: любое ее слово разнесут по школе, лучше попридержать язык и не говорить ничего такого, из чего девчонки раздуют черт знает что.

— Помню, когда я впервые увидела настоящий пенис, — вклинилась Джессика, вызывая очередную бурю веселья у присутствующих, — я просто опрокинулась!

Мисс Дохерти улыбнулась улыбкой йога. Никакая Джессика неспособна вывести ее из равновесия.

— Хочу напомнить, что вы задаете вопросы, а я...

— И с эрекцией непонятно, — выпалила Ким Свонсон. — Как происходит эрекция?

— А правда, что у мальчишек по утрам встает? — прибавила Рони Чанг.

Мисс Дохерти вздохнула. И пока она пыталась как можно деликатнее ответить на этот вопрос, Дженни вырубил свой слух, ей не хотелось никого слышать, она предпочитала думать о любви.

Что ж, если парни подобны одежде, которую, по словам мисс Дохерти, примеривают девушки, тогда Нейт для нее все равно что ее самые лучшие джинсы «Дизель» — она надевает их только по особым случаям. И сколько бы она их ни надевала, сколько бы ни стирала, они сидели только лучше, и Дженни уже не могла без них обходиться, они стали как вторая кожа. И если она точно так относилась и к Нейту, то почему бы ему об этом не сказать?..

Экстраординарный ответ на ординарный вопрос

Ранним утром Блэр сдала очерк соискателя на поступление в Йельский университет. После экзаменов по французскому и математике она заглянула к координатору по высшему образованию — мисс Глос.

Та сидела за столом, перебирая бумаги, скрестив свои длинные, изящные ножки.

— Привет, Блэр. Присаживайся.

Блэр не сводила глаз с грубых коричневых ортопедических туфель мисс Глос. Какая глупая женщина! Иметь в ее возрасте такие ножки и носить такую безобразную обувь! Она села на жесткий деревянный стул напротив стола мисс Глос.

— Я прочитала твой очерк. — Мисс Глос порылась в стопке бумаг и вытащила работу Блэр — несколько страниц, скрепленных степлером, затем сомкнула тонкие губки и приложила бумажный носовой платок к носику. Мисс Глос страдала носовыми кровотечениями, и поговаривали, будто ее болезнь заразная. Девчонки даже боялись принимать свои работы из ее рук.

Блэр приподняла свои аккуратные бровки и сказала:

— И?..

Мисс Глос, мышиного цвета волосы которой были аккуратно загнуты к подбородку, и складывалось ощущение, что это парик, внимательно посмотрела на девушку.

— Мне кажется, — сказала она, — что если ты серьезно намерена поступать в Йельский университет, тебе стоит этот очерк переписать.

Блэр потребовалось несколько секунд, чтобы переварить эту новость.

— Но...

Мисс Глос открыла работу Блэр и начала стучать по ней длинным неопрятным желтым ногтем.

— Образ Одри Хепберн передан тобою хорошо. Но в работе отсутствует личность автора. Ты должна показать вступительной комиссии, что умеешь хорошо писать и творчески мыслить, а не просто давать экстраординарные ответы на ординарные вопросы. — И она вручила Блэр ее работу.

Блэр приняла из рук преподавательницы исписанные ее собственным почерком страницы, брезгливо удерживая их большим и указательным пальцами. В висках стучало. Ее так и подмывало послать мисс Глос куда подальше, а еще посоветовать купить себе новый парик, но та была сильным координатором и могла при поступлении оказать Блэр немалую помощь.

— Хорошо, — сдержанно ответила Блэр. — Я перепишу.

— Вот и умница. И меньше думай о литературной стороне. Главное, не столько построить фразу, сколько передать свои эмоции.

Блэр кивнула. Она пригладила юбку руками, тяжело переживая свой позор, но пытаясь вести себя так, как повела бы на ее месте Одри Хепберн.

— Счастливого Рождества, — вежливо сказала она.

Мисс Глос снова промокнула свой носик бумажным платочком и улыбнулась:

— Счастливого Рождества, Блэр.

Блэр вышла, плотно прикрыв за собой дверь, швырнула заразные листки в металлическую корзину, стоявшую в коридоре, раздраженно вздохнула. Ее отдых на Сент-Бартсе накрылся медным тазом. Серене придется ехать куда-нибудь без нее, потому что теперь придется все каникулы просидеть в четырех стенах, переписывая работу заново. На мгновение Блэр захотелось просто написать записку, типа: «Блин, вы примете меня или нет?» — и отправить ее в приемную комиссию, но она вспомнила, что учинила на собеседовании, и решила: с нее довольно и той истерики.

Поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, чтобы забрать из шкафчика свое синее кашемировое пальто, Блэр натолкнулась на Кати Фаркас и Изабель Коутс, которые спускались вниз.

— Как твой экзамен по французскому? — спросила Кати. Утром она попала под дождь, и ее соломенные волосы закудрявились в прическу «взрыв на макаронной фабрике».

Кати сейчас очень напоминала пуделя, прибабахнутого молнией. Блэр аж передернуло. Ужас!

Изабель пригладила пальцами кончик своего конского хвостика и гордо подняла носик. Она была уверена, что Блэр задастся по поводу своих хороших отметок.

— А знаете, — сказала Изабель, — вчера я приходила на консультацию мистера Ноубла, он дал нам пару дельных советов по истории, и мне это очень пригодилось. Да и экзамен был весьма легкий.

«А ты меня достала», — подумала про себя Блэр. Отец Изабель был актером, но работал в основном на дубляже, у него еще был такой подчеркнuto английский акцент. В своей манере разговаривать Изабель косила под своего папочку, и вместо того чтобы сказать, например, «тупой», она говорила «весьма легкий», поэтому она сама была тупой.

Кати между тем поддержала подругу:

— Да и длился недолго. Кстати, ты не знаешь, Серена еще не закончила работу? Когда мы уходили, она сидела, накручивая волосы на палец. — Конечно, Кати упустила позорный эпизод с подписыванием автографов.

— Не сомневаюсь, у нее все будет в порядке, — сказала Блэр.

Серена никогда не брала никакие дополнительные дисциплины, но тем не менее умела держаться на плаву и не вызывала особых нареканий.

Она была способной, но учителя неизменно повторяли, что Серена не выкладывается полностью. И это тянулось со второго класса. В глубине души Блэр устраивало, что Серена не слишком заумная. Иначе с ней невозможно было бы дружить.

— А что у тебя с Майлзом? — любопытствовала Изабель.

Блэр просто ушам своим не верила! В ту субботу, когда Блэр, Серена, Майлз и Флоу отправлялись в «Горгону», Кати и Изабель дрыхли в лимузине и были в полной отключке. Да их же просто кинули! А с них как с гуся вода, будто они ее задушевные подруги. Неужели эти дурочки надеются, что она станет распространяться про какого-то там Майлза, которого она, может, видела в первый и последний раз.

— С Майлзом? Ничего особенного, — холодно ответила Блэр.

— Ах-ах, — проворковала Изабель. — Какие мы скрытные! Значит, все-таки между вами что-то было.

Блэр удивленно вскинула брови:

— Думайте что хотите.

— А что сказала мисс Глос про твой очерк? — спросила Кати.

Вот что значит учиться в маленькой частной школе. Вся твоя жизнь как на ладони. Блэр это просто бесило. Ничего не ответив, она стала подниматься по лестнице, ее рубиновое колечко постукивало по перилам.

— Пока, девчонки. Мне нужно заниматься английским.

— Нет, подожди, — окликнула ее Изабель. Блэр обернулась:

— Ну что еще?

— А что, Серена и Флоу действительно помолвлены?

Блэр чуть не расхохоталась им в лицо. Сказать им правду? Нет, лучше поиздеваться.

— Увы, да, — сказала она, неодобрительно покачав головой. — И по-моему, это весьма неосмотрительно с ее стороны.

Кати и Изабель переглянулись, обалдев от счастья: услышать такую новость, считай, из первых уст!

— Так ты с ней едешь на Сент-Бартс? — поинтересовалась Кати.

Блэр молча кивнула и повертела колечко на мизинце.

— Там мы и собираемся обсудить все детали предстоящей свадьбы.

— Ой, это просто классно! — воскликнула Изабель, начисто забыв про свой английский акцент. — Как ты думаешь, она не возьмет нас подружками невесты?

Блэр развернулась и вспорхнула вверх по лестнице, точь-в-точь как Одри в своем шикарном платье от Гивенчи в фильме «Забавная мордашка».

— Все может быть, — ухмыльнулась Блэр, — только при условии, что вы будете очень-очень милы с ней.

Ей придется сидеть все каникулы, переписывая этот дурацкий очерк. Надо же хоть на ком-то отыгаться...

*Все имена и названия изменены или сокращены
до первых букв, чтобы не пострадали невинные.
То бишь я.*

народ!

НАКОНЕЦ-ТО ЭКЗАМЕНЫ ПОЗАДИ, ТЕПЕРЬ МОЖНО И
РАССЛАБИТЬСЯ.

СПИСОК РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПОЖЕЛАНИЙ

1. Лисья шапка-ушанка, хотя вполне возможно, что я забуду ее в такси после очередной гулянки.

2. Маленькая замшевая сумочка с бахромой для хранения ключей, кредитной карточки и помады.

Разве можно желать большего? Нет, еще кое-что.

Годовой абонемент в салон красоты «Красная дверь» с полным набором услуг: маски для лица, эпиляция, обертывания грязями из морских водорослей, укладки-стрижки, осветление волос.

1 пара нубуковых ботинок, 1 пара темно-коричневых замшевых ботинок, 1 пара черных длинных сапог — все это от фирмы «Стефани Келайан», каблук не меньше 8 см. Хорошей обуви не бывает много.

1 дубленка

1 огромная коробка шоколадных трюфелей «Годива» — моя

слабость. Одна из моих слабостей.

1 белый кашемировый халат, такие же белые кашемировые носочки.

Весь Хичкок на DVD.

И чтобы меня приняли во все колледжи, куда буду пробовать поступать.

Это будет Новый год, который изменит всю мою жизнь!

ОБЕГАЯ ВЗГЛЯДОМ

Б заказала в манхэттенской библиотеке все имеющиеся книги о своей любимой Одри Хепберн. А и его друг М выгуливают возле школы «Констанс Биллар» боксера А (боксер — это собака, а не человек) и заглядывают в окна первого этажа. Интересно, кого они там высматривают? С пытается всучить привратнику полный аквариум мальков морской щуки. Неужели Флоу дошел так далеко в своих подарках? Н со своими дружками, как всегда, курят марихуану на Овечьем лугу. Дж сидит на уроке художественного творчества и рисует красочную рождественскую открытку для Н. Д выбрасывает в урну на Бродвее свой самый драгоценный черный блокнот. Такова трудная доля писателя. В преследует с видеокамерой несчастного продавца хот-догов в Уошингтон-сквер-парке. К и И дерутся из-за одной-единственной лисьей шапки-ушанки на распродаже в «Интермиксе».

ВАШИ ПИСЬМА

Q: Дорогая Сплетница!

Я все пытаюсь догадаться, кто ты такая. Если ты упомянула о поступлении в колледж, значит, ты старшеклассница. Я же учусь в средней школе, но тусуюсь со многими старшеклассниками. Так что

не думай, что ты круче всех. А может, ты физрук-извращенец или типа того?

— Ха

А: Дорогая Ха!

Отгадай все же, кто я? Но я не расколуюсь. Хочу лишь предупредить: если в реке найдут мертвое тело физрука в шортах цвета хаки и со шнурком от свистка вокруг шеи, то это будет не мое тело.

— Сплетница

Q: Послушай, Сплетница, что ты думаешь насчет слухов вокруг С и Флоу? Они действительно помолвлены? Она так загадочно себя ведет. Ее не поймешь.

— Призрак

А: Дорогой Призрак!

Действительно С очень сдержанно себя ведет (в смысле сплетен насчет ее романа с Флоу). Но будем реалистами. Ей всего семнадцать. Если они и помолвлены, то до свадьбы все равно далековато.

— Сплетница

Q: Привет, Сплетница!

Я не знаю, в курсе ли Б, но этот парень, который запал на нее в субботу — этот барабанщик — он тоже едет на каникулы на Сент-Бартс.

— Информатор

А: Дорогой Информатор!

Ой! Я думаю, Б ждет большой сюрприз, к тому же не очень приятный.

— Сплетница

И НАКОНЕЦ...

Эй? А зачем нам учиться после зимних каникул, если отметки уже не имеют решающего значения? Давайте просто приходить в школу на ланч или в кружок драмы, и так весь семестр. И вообще, нам пора на заслуженный отдых!

Признайтесь, вы от меня без ума.

СПЛЕТНИЦА

Магазин «Барниз» закаляет характер

В четверг накануне Рождества школа «Констанс Биллар» наконец распустила своих учениц на двенадцатидневные каникулы. После занятий Дженни встретила с Нейтом возле магазина «Барниз». На Дженни был голубой свитер с капюшоном, черная парка с воротником из искусственного меха, короткая серая школьная юбочка, красные мохеровые перчатки и красная мохеровая шапочка, из-под которой торчали темные кудряшки. Она была так мила, что Нейт поцеловал ее ладошку, одетую в перчатку. Он только что прикупил партию травки у своего поставщика на углу 18-й улицы и Мэдисон-авеню, по поводу чего пребывал в приподнятом настроении.

— Я скучал без тебя, — сказал Нейт. Его изумрудного цвета глаза сияли в зимнем сумраке, как звезды.

Сердце у Дженни запело.

— Я тоже скучала по тебе, — сказала она, и щечки ее зарделись. Она вынула из кармана парки конверт с рождественской открыткой собственноручного исполнения. — Это тебе.

Нейт раскрыл конверт и недоуменно уставился на нечто, нарисованное угольным карандашом, акварелью и золотым фломастером.

— Это снеговик обнимается с оленем, — пояснила Дженни. — Я пыталась соединить стили Матисса и Пикассо. Не уверена, что получилось.

Нейт представления не имел, кто такие эти Матисс и Пикассо. Он раскрыл открытку. На ней золотистыми сверкающими буквами было написано: «СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА, НЕЙТ! С ЛЮБОВЬЮ, ДЖЕНИФЕР». Нейт улыбнулся и положил открытку в карман пальто:

— Спасибо.

Они взялись за руки и вошли в магазин.

— Ну, что купить тебе в подарок? Чур я первый.

Дженни предварительно взяла в долг у отца еще пятьдесят

долларов, но это уже ничто по сравнению с теми деньгами, которые она задолжала. За то время, пока Дженни встречалась с Нейтом, она потратила столько, сколько не израсходовала за всю свою предыдущую жизнь.

Но мы, девочки, знаем: выглядеть хорошо дорогого стоит.

В мужском отделе Нейт выбрал пару серых носков из мериносовой шерсти.

— Может, это?

— Носки? Но я хочу подарить тебе что-то особенное. Что-то... со смыслом, — проговорила Дженни.

Rapache — вот что она имела в виду. Изысканный стиль. Это слово Дженни вычитала в журнале «Вог». Ей нравилось это слово, Rapache, оно было с претензией.

Нейт отложил носки и посмотрел на другие прилавки.

— Я не хочу, чтобы ты тратила на меня много денег, Дженифер.

Дженни просто засияла от счастья. Ей было приятно, что Нейт называет ее Дженифер. Ей нравились его маленькие трогательные послания по сотовому. Ей нравились его золотистые волосы и загорелое лицо. Нравились всякие мелочи, как, например, то, что он поцеловал ей сейчас руку. И — ах! — как ей нравилось это умение парой фраз — и какой у него сексуальный голос — заставить ее почувствовать себя счастливой.

— Нет, носки? Это исключено, — настаивала Дженни. — Пусть будет что-то особенное.

— Хорошо, — ответил Нейт. Мило. Очень мило, что Джейн не любит делать дежурные подарки. Она так искренна и ничего не ждет взамен.

— Может, это? — сказала Дженни и взяла в руки фланелевые шорты цвета пейсли, со шнуровкой. — Мне кажется, в них удобно спать.

Нейт нахмурился:

— Они больше подойдут для голубых.

Дженни положила шорты на полку:

— Ты прав. Извини.

Тут ей в глаза бросились шорты-боксерки с фототрафаретами. Они были аккуратно разложены на столе. Вот то, что нужно! Яркосиние боксерки с красными корабликами. Изумительно! Нейт обожает корабли. Шестьдесят долларов. Немного дороже, чем она предполагала, да и вообще дороговато для нижнего белья. Но ради любимого парня Дженни готова и не на такую жертву.

— Классные боксерки! С корабликами, — заметил Нейт. — Правда, никто, кроме меня, не будет знать об этом.

Дженни представила себе Нейта в этих боксерках и почувствовала, как жар прихлынул к щекам.

— И все же эти шорты просто созданы для тебя. — Дженни подошла с боксерками к кассе. — И подарочную упаковку, пожалуйста. — Дженни повернулась к Нейту: — Хочу, чтобы это выглядело настоящим подарком. — Ее карие глаза блестели от счастья. У нее такой шикарный бой-френд, она купила ему роскошный подарок, и он улыбается ей такой обалденной улыбкой, что так и хочется закричать: «Я счастлива!» Джейн вручила Нейту черный фирменный пакетик: — Счастливого Рождества!

— Спасибо, Дженифер. — Нейт не думал, что в этой груде трусов ему может что-то понравиться, но Дженни откопала то, что надо. Он взял ее за руку: — А теперь моя очередь. Пойдем выбирать подарок тебе.

Они поднялись на лифте на шестой этаж. Пока двери лифта не открылись, Дженни не знала, куда ведет ее Нейт. Черт! Отдел женского белья.

Дженни слегка оробела. Она думала, что Нейт захочет подарить ей что-то действительно рождественское, что-то вроде шарфика со смешным оленем, а тут...

— Выбирай! — сказал Нейт. Многочисленные вешалочки, позвякивая,

демонстрировали хлипкие кружевные лифчики. Дженни была озадачена. Она посещала магазин «Мейси» и покупала там бюстгалтеры фирмы «Бали», с плотными чашечками, с широкими бретельками, способными поддержать ее пышную грудь. А эти образцы в «Барнизе» не выдержат веса даже одной ее груди, не то что

обеих. Да она не может купить здесь ничего — даже бюстье. И к тому же безумно неловко и стыдно от того, что Нейт узнает размер ее лифчика!

Но Дженни не хотелось обижать Нейта, поэтому она выбрала скромные белые трусики «Ля Перла» с миленькой розовой строчечкой по краю и с розовым бантиком на резинке.

— Эти весьма милы.

— Не желаете подобрать к ним бра? — деревянным голосом проскрипела престарелая продавщица, подпархивая к ним, как юная бабочка.

— Нет! — почти что прокричала Дженни. Она схватила вешалку с трусиками и поспешила к кассе, чтобы скорее с этим покончить.

Нейт оплатил покупку, продавщица у кассы уже приготовилась завернуть ее, и вдруг заинтересовалась:

— Только стринги, мисс?

И тут Дженни увидела, что задняя часть трусиков представляла из себя тоненькую полоску. Она даже боялась глаза поднять на Нейта.

— Да, только стринги, — проблеяла она в ответ.

— Подарочную упаковку, пожалуйста, — попросил Нейт. Блэр, например, всегда носила стринги. Он не понимал, почему Дженни так смутилась.

Трусики положили в фирменный пакетик. Нейт протянул подарок Дженни и поцеловал ее в щечку:

— Счастливого Рождества!

Дженни, не поднимая глаз, приняла подарок. И мысленно порадовалась, что Нейт так спокойно на все реагирует. И вообще он очень спокойный человек. Как тут не быть спокойным, если ты постоянно обкуренный.

Они спускались на лифте вниз, а Дженни гадала: куда теперь? Придут к нему домой и устроят показ моделей? Джейн представила себя в стрингах перед Нейтом и чуть не грохнулась в обморок от ужаса.

Двери лифта открылись, и они направились к выходу через отдел

косметики.

— Я подумал, не заглянуть ли нам с тобой в «Сент-Реджис».

Сердце у Дженни так и екнуло. «Сент-Реджис» — это же отель. Ой, мамочки!

— Там есть уютный бар. Выпьем горячего шоколада, — спокойно предложил Нейт.

Похоже, он действительно думает о горячем шоколаде, а не о широкой кровати. Дженни облегченно вздохнула.

— Давай, — сказала она.

Но по дороге к выходу Нейт заметил двух девушек у прилавка «Эсти Лаудер»: одна светленькая с конским хвостиком, другая русоволосая с длинными распущенными волосами. Это были Серена и Блэр, и столкновения было не избежать.

Нейт обхватил Дженни за талию и потащил ее в противоположную сторону, к другому выходу. Джейн напряглась и спросила:

— Эй, куда ты меня ведешь?

— Я хочу посмотреть себе ремень, — сказал Нейт, мысленно надеясь, что Блэр с Сереной их не заметили.

Поздно.

— Нейт! — услышал он вдогонку голос Серены. — Эй, Нейти!

Нейт медленно обернулся. Серена уже подбежала к нему, чтобы обнять, обдавая его сладким ароматом сандалового дерева и лилий. Потом она чмокнула в щеку Дженни.

— Привет, что вы тут делаете? Дженни покраснела:

— Да так, ничего особенного.

Блэр стояла чуть поодаль, критически оглядывая несуразную черную парку Дженни и ее лохматую красную шапку. Нейт с улыбкой кивнул ей:

— Привет, Блэр.

Блэр поправила на плече большую пурпурную сумочку, откинула волосы с лица и ответила, как бы обращаясь ни к кому конкретно:

— Привет. — Потом взглянула на Дженни: — Привет, Дженни. Счастливого Рождества.

Дженни отвела руку с маленьким пакетом за спину, словно Блэр собиралась вырвать его у нее и посмотреть: а что же там такое?

— Счастливого Рождества, — неуверенно ответила она.

Блэр видела, что эта парочка явно покупает друг другу подарки на Рождество, и ее так и подмывало поиздеваться.

— Ребят, вы нам не поможете? — сказала она с наигранным оживлением. — Мы тут подбираем подарки для Флоу и Майлза. Ну, вы их помните... Мы с Сереной подзапутались, — и она легонько толкнула Серену локотком, — она хочет купить туалетную воду. Нейт, ты не поможешь?

Нейт не пользовался туалетной водой, и ему очень хотелось смыться, но мозгов выбраться из сложившейся ситуации не хватало.

— Ради бога, — ответил он с неохотой.

Блэр подвела его к прилавку, и не успел Нейт опомниться, как она, схватив его за запястье, прыснула «Дольче энд Габбана». Она прекрасно знала, что эта туалетная вода неблагородно воняет сыром с благородной плесенью.

— Ну, как тебе? — спросила она и потянула руку Нейта к носу Дженни.

Дженни чихнула.

— Будь здорова, — сказала Серена.

Дженни чихнула снова. Нейт поморщился:

— По-моему, слишком резкий запах.

— Н-да? Тогда, может, этот? — Блэр схватила его левую руку и прыснула на запястье «Гермес д'Оранж».

Это был чистый, классический запах. Блэр даже сама иногда пользовалась этой туалетной водой.

Нейт понюхал руку, и на него сразу нахлынули воспоминания: как они с Блэр лежали на ее кровати, как он целовал ее в голый животик.

— Вкусно, — пропел Нейт.

А у Дженни текло из носа, как из крана. Она вытерла нос перчаткой.

Серена взяла руку Нейта и поднесла ее к своему лицу:

— О, это твой запах, Нейт. — И искренне добавила: — Дженни, обязательно купи Нейту в подарок на Рождество эту туалетную воду.

Дженни снова вытерла нос. Во-первых, у нее больше нет денег, а во-вторых, она уже сделала Нейту прекрасный подарок. Она взглянула на него, рассчитывая на поддержку, но Нейт стоял как истукан, вперившись глазами в Блэр, с вытянутыми вперед руками.

И тут в сердце Дженни закралось сомнение. Почему с ней он такой душка, а со всеми другими как полный... остопоп. Блэр сморщила носик:

— Даже не знаю. Я бы купила Майлзу что-то более личное.

— Например? — спросила Серена, продолжая подыгрывать подруге.

— Лично я подарила Нейту боксерки с корабликами, — подсказала добрая Дженни. — Там есть с разными картинками. Сходите и посмотрите.

Нейт улыбнулся и, как баран, проблеял:

— Да, там классные боксерки.

Блэр схватила зеленый пробник одеколона «Гермес»: ей так и хотелось запустить его в Дженни. «Боксерки? Ах ты, маленькая шлюшка!»

Серена поняла, что козни Блэр обратились против нее же самой.

— Пойдем, Блэр. — Она потянула подругу за рукав. — Я там приглядела бикини. Хочу примерить.

Блэр поставила пробничек на место.

— Хорошо, — ответила она с прохладцей.

— Завтра мы улетаем на Сент-Бартс, — сказала Серена и поцеловала Нейта в щеку.

Блэр нервно теребила рубиновое колечко на пальчике. Нейт подошел к ней, поцеловал в щеку:

— Счастливого Рождества, Блэр.

Ну что ж, истинная женщина никогда не покажет, что она уязвлена.

— Счастливого Рождества, — промолвила Блэр и, подняв голову как можно выше, стараясь при этом не упасть, гордо пошла к лифту, увлекая за собой подругу.

Нейт восхищенно смотрел вслед, наблюдая, как темные волосы Блэр сверкающей волной ниспадают на ее синее кашемировое пальто. Он поднес левую руку к лицу и вдохнул этот чистый, свежий аромат, точно так же пахла кожа Блэр. Он обернулся к Дженни. Нагромождение кудряшек. Несуразная черная парка. Маленькие ручки. Робкая улыбка. Хорошо, что Блэр ушла, потому что сравнение было не в пользу Дженни.

Нейт бросил взгляд на пузырек с духами в форме балерины:

— Слушай, а ты «Щелкунчика» смотрела?

Дженни отрицательно покачала головой. «Э, так не пойдет», — подумал Нейт. Он водил Блэр на «Щелкунчика» три Рождества подряд. Прикольная вещь. Похоже на глюки. В первом акте на сцене стоит обыкновенная елка. Потом девочка засыпает, ей снится сон, а дерево начинает расти — прямо как культурист на стероидах. И вымахивает эта елка даже выше, чем та, что стоит у Рокфеллер-центра. Потом оживают все игрушки и начинают драться друг с другом. Потрясно!

Нейт вытащил сотовый из кармана:

— Завтра вечером мы ужинаем у твоего отца? Дженни утвердительно кивнула.

— Попробую заказать билеты на утренний спектакль.

Дженни склонилась к витрине с парфюмерией: на нее опять нахлынули симптомы, похожие на лихорадку, о которых говорила мисс Дохерти. Боже мой! Нейт поведет ее на балет! Разве это не любовь?..

Д пишет стихотворение о сексе

В пятницу Дэн отправился в свою любимую китайско-кубинскую кофейню на Бродвее и заказал кофе с молочной пенкой и блинчик с овощами. Усевшись за столик, он вытащил новенький черный блокнот и черную шариковую ручку. Вот уже неделю Дэн пытался написать хоть одно стоящее стихотворение и отослать его с другими работами во вступительную комиссию. Но стихотворение не получалось. Прежде такого не случалось: стихи сочинялись сами собой. Экзамены? Но дело вовсе не в экзаменах. Дэн в творческом тупике.

Он отпивал кофе мелкими глотками, проливая пенку на чистую белую страницу своего блокнота. В какой-то степени состояние творческого тупика ставило Дэна на один уровень с великими писателями. Такое бывало с Толстым и Хемингуэем. Он не уверен насчет французов экзистенциалистов, но наверняка и они прошли через это. Но все равно от этого не легче. Сплошное мучение.

Бедная, истомленная душа.

Проглядывая ранее свои старые блокноты, Дэн сделал вывод, что последнее заслуживающее внимания стихотворение было написано на День благодарения, когда они с Ванессой впервые поцеловались.

Он обмакнул блинчик в густой сливовый соус и откусил. Помимо смерти, другой его излюбленной темой была любовь, но теперь, когда Дэн действительно влюблен, фразы получались какими-то неуклюжими, поверхностными. Эх, надо взглянуть на все под другим углом. Он снова надкусил блинчик: горячие жирные капли стекли по запястью. Проходящая мимо официантка случайно задела руку Дэна, и остаток блинчика упал прямо в кофе, забрызгав стол.

Другой бы на месте Дэна разозлился. Но в этот самый момент на него нашло озарение.

«Секс!» — подумал он. Секс является высшим физическим проявлением любви, это единственный способ самого искреннего объяснения в любви.

Дэн снял с ручки колпачок. Он читал много исследований по литературоведению и прекрасно знал, что обычными клише на эту

тему являются образы распустившихся цветов, восходящего солнца, фейерверков. Но он понимал и другое: любую фразу можно построить так, что она будет про секс. Нет... Нужно написать об этом совершенно по-новому, неожиданно.

Погруженный в думы, Дэн начал вылавливать блинчик из кофе.

Любой обычный парень, размышляя о сексе, начнет мысленно раздевать девушку. Но Дэн был не из них. Вместо того чтобы представить, как он раздевает Ванессу, он пытался подобрать слова, но слова о сексе не складывались. С другой стороны, чтобы подобрать слова, нужно думать не о самом процессе, а о любимом человеке. И желательно об одетом любимом человеке. Уфф...

Дэн все бился и бился над словами. И чем больше он пытался, тем очевиднее становилось, что он ничего не может написать об этом чертовом сексе просто потому, что он никогда им не занимался. Но если он не умеет писать о сексе, он не умеет писать о любви? А если он не умеет писать о любви, он вообще ничего не сможет написать.

Не означает ли это, что только секс поможет выйти ему из творческого тупика?..

В приобщается к «Секретам Виктории»

В четверг после занятий в школе Ванесса была на Бродвее и снимала на камеру, как трансвестит в черном блестящем комбинезоне и в таких же черных блестящих ботинках на платформе выгуливает маленького черного чао-чао в маленьком пушистом оранжевом свитере. У магазина «Секрет Виктории» женщина раздавала рекламки коллекции очень сексуального белья: «Купив два очень сексуальных бра, вы получите в подарок бесплатно стринги или трусики танга».

Ванесса в упор не знала, что такое стринги или танга. Лично она покупала обычные хлопчатобумажные трусы и майки. Витрина магазина была уставлена постерами с изображением Жизели Бандхен в белье из коллекции «Ангелы». Бесшовное белье сидит божественно. На Жизели, конечно, но вот на Ванессе — большой вопрос.

Ванесса повесила камеру через плечо и потянула на себя тяжелую стеклянную дверь. А что, прикольно будет посмотреть.

Ее заметили сразу же, как только она вошла.

— Добро пожаловать в «Секрет Виктории», — произнесла невысокая светловолосая женщина в плотно облегающем черном брючном костюме. — Вам помочь что-нибудь выбрать?

Ванесса сердито посмотрела на женщину. Она терпеть не могла прилипчивых продавщиц.

— Нет уж, я сама, — ответила Ванесса. Продавщица понимающе улыбнулась:

— Хорошо. Если что, позовите. Меня зовут Ванесса.

Ванесса удивилась:

— Меня тоже зовут Ванесса, — и подумала, что нехорошо грубить тезкам.

Светловолосая Ванесса улыбнулась:

— Как мило! Тем легче вам будет запомнить мое имя. Если что, я к вашим услугам. — И она переключилась на другую покупательницу.

Ванесса огляделась. Тут пахло духами, играла тихая классическая музыка, пол был устлан пушистым бордовым ковром. На круглых столиках, обтянутых красным сатином, разложены трусики: глубокие и не очень, стринги и танга, одноцветные и в цветочек, со зверушками и т. д. На стенах были вывешены образцы бра: кружевных, стрейч, хлопчатобумажных. Комбинации, бюстье, подвязки и пояса с подвязками.

Никогда в жизни Ванесса не видела такого количества женского белья. И все же: а вдруг во-он тот розовый кружевной лифчик и такие же трусики танга сделают ее неотразимой для Дэна. И на него снизойдет вдохновение?

Ванесса подошла к вешалкам с бюстгальтерами на косточках и стала смотреть размеры. 36В, 36С, 38D. Она даже не знала, какой у нее размер. Под бюстгальтерами были вывешены кружевные трусики, даже скорее коротенькие шортики, очень коротенькие. Ванесса покрутила этикетки. «Ага, так это и есть танга. А что, ничего». Она огляделась, выискивая глазами продавщицу-тезку.

Та, покинув прилавок, где складывала товар, подошла к Ванессе:

— Все-таки решили примерить? Ванесса пожала плечами:

— А черные такие есть? — И она указала на красный кружевной ну очень сексуальный полуоткрытый лифчик.

— Какой размер вам нужен?

Ванесса нахмурила бровки. Как это она умудрилась дожить до семнадцати лет и не знать размера своей груди?

— Не знаю, — чуть слышно призналась она. Доброжелательная тезка улыбнулась:

— Пройдемте в примерочную, определим ваш размер. А потом обсудим ваши пожелания, подберем удобный фасон и чтобы он хорошо сидел. Договорились?

Ванесса неохотно кивнула. Ей не очень-то светило, чтобы кто-то замерял ее грудь, и к тому же она еще не определилась, что тут можно купить. Но тезка, похоже, была опытной продавщицей, и потом, никто ее не вынуждал, и в магазин Ванесса зашла по собственной воле.

— Ладно, но только все черного цвета, — прибавила Ванесса.

Ну конечно, кто бы сомневался...

SPLETEN.NET

*Все имена и названия изменены или сокращены
до первых букв, чтобы не пострадали невинные.
То бишь я.*

народ!

ВОЗЛЮБИ СВОЮ СЕСТРУ, НО НЕ ОЧЕНЬ

Я тут обратила внимание, что куда-то исчез А, сводный брат Б. Если вы думаете что он готовится к экзаменам или сколачивает музыкальную группу, то глубоко ошибаетесь. А лег на дно. И я уверена, что он лег на дно по очень серьезной причине. А причина такая: он влюбился в сводную сестру. Мне известно, что он берет на Сент-Бартс своего друга-барабанщика М. И сделал он это затем, чтобы М развлекал Б, а сам А мог продолжать лежать на дне...

ВАШИ ПИСЬМА

Q: Дорогая Сплетница,

я посещаю тот же класс здоровья, что и Дж, и точно знаю, что у нее пуптик по поводу своего пупка, и она даже лечится у психолога. На уроках она каждый час просится выйти, чтобы проверить, на месте ли пупок. А когда мы переодеваемся на урок физкультуры, она как-то странно смотрит и на наши пупки. Сдвинутая.

— Ироничка

A: Дорогая Ироничка,

ты все неправильно понимаешь. Просто пупок — это очень сексуально. Во всяком случае мой пупок — это ужас как сексуально.

— Сплетница

Q: Дорогая Сплетница.

Я живу в одном доме с Б, про которую ты все время рассказываешь. Иногда по ошибке мне бросают их почту. Ее мамочке без конца приходят письма от компании «Начни сначала», это может быть связано с бесплодием или с лечением от наркомании и алкоголизма. Я сама проверила в телефонном справочнике.

— Любопытная

A: Дорогая Любопытная!

Будем надеяться, что мамочка Б просто является их спонсором, а не клиентом.

— Сплетница

ОБЕГАЯ ВЗГЛЯДОМ

С всучивает привратнику метрового шоколадного снеговика в обертке из цветной фольги. Флоу потерял всякое чувство меры. А может, это кто-то другой из ее поклонников? Как бы то ни было, С выбрасывает приложенные к подаркам открытки, даже не читая их. Д стоит у пруда возле 79-й улицы и смотрит на воду. Он ждет вдохновения. В сидит в баре: наверное, выгуливает свое тело, обновленное «Секретами Виктории». Б и С выходят из салона красоты «Сестры Джей», где они делали эпиляцию, так как собираются на море.

Отдыхайте все по полной программе. Чего и себе желаю. До встречи!

Признайтесь, вы от меня без ума.

СПЛЕТНИЦА

Б застряла в экономическом классе, и мужики липнут к ней как мухи

23 декабря

Блэр Уолдорф

Очерк соискателя

Почему мне так импонирует личность Одри Хепберн? Она проста и таинственна одновременно. Она манерна и в то же время так непосредственна.

Напечатав эти строчки на своем маленьком ноутбуке, Блэр нажала кнопку `backspace` и все стерла. Личность импонирует? Какого черта? Звучит ужасно глупо и напоминает манеру Ванессы Абрамс, этой девчонки с бритой головой и толстыми коленками, которая тоже ходит в класс по истории кино. Ведь, по сути, Блэр должна описать образ Одри Хепберн, создаваемый ею на экране, а не реального человека, потому что Блэр совсем ничего не знала о реальной Одри Хепберн, кроме того, что с годами та перестала одеваться у кутюрье от Гивенчи, остригла коротко волосы и перешла на брюки цвета хаки и черные водолазки. Блэр набрала в библиотеке кучу книг об Одри, но ни одну не осилила дальше первой главы. Блэр совершенно не интересовало, что у Одри, например, был колит или что она активно сотрудничала с ООН ЮНИСЕФ. Гораздо интересней додумывать жизнь актрисы, нежели узнавать какие-то приземленные факты из ее биографии.

— Что ты там пишешь? — спросил Майлз и подлил в стакан Блэр сока из бутылки из-под смирновской водки.

Аарон все-таки пригласил на Сент-Бартс Майлза, Блэр узнала об этом только в аэропорту. Наверное, этот Майлз возомнил, что между ними было нечто значительное. Но Блэр решила: еще до того, как самолет приземлится на Сент-Бартсе, она докажет ему обратное.

— Ничего я не пишу, — ответила Блэр, даже не поворачиваясь к Майлзу.

Сегодня ей пришлось выйти из дома в семь сорок утра. Сейчас час дня, оставался еще один час полета. Аарон дрых или притворялся спящим, чтобы не видеть, как Майлз подъезжает к Блэр. Серена блаженно слушала плеер, счастливая уже оттого, что сбежала от чрезмерного внимания Флоу. Тот просто обрушил на нее бесчисленное количество самых разнообразных подарков. Тайлер играл в шашки на «GameBoy» и дулся на всех. Его друг принц Рольф фон Вуртзель отказался в последний момент лететь с ними, так как его мамочка, обеспокоенная тем, что ее сын все еще писается по ночам, передумала отпускать его. Блэр помешала сок со льдом коричневой соломинкой. Кубики холодно позвякивали.

— Я звонил тебе всю неделю, — продолжал Майлз и откинулся в кресле, пытаясь вытянуть свои непомерно длинные ноги. Ужасно. Они все теснились в экономическом классе, как сардины в банке. — Но, кажется, — продолжал Майлз, — я неправильно записал твой телефон.

Блэр сидела, не отрывая глаз от компьютера. «Нет, мой дорогой, — злорадно подумала она, — это я дала тебе неправильный номер».

Майлз потянул к ней руку и провел пальцами по кончикам ее волос.

— Я скучал по тебе, — прошептал он.

Блэр одарила его пустым взглядом и снова уставилась в компьютер, пытаясь представить себе, как поступила бы на ее месте Одри Хепберн.

Знаете, есть такие типы, повернутые на религии. Они даже прилепливают на машины всякие наклейки с надписями, вроде: «А как бы поступил Иисус?» Блэр задалась аналогичным вопросом: «А как бы поступила Одри Хепберн?»

Блэр ничего не имела против Майлза. Он не был уродом, носил одежду от Армани. Был опрятен и, в конце концов, был другом Аарона. Аарон нормальный парень, хотя лично она могла бы прожить и без сводного брата. Наверное, Блэр и приняла бы ухаживания Майлза, будь у нее другое настроение. Но откуда ему взяться, когда ты летишь в эконо-классе с ноутбуком на коленях, с немытыми волосами, которые пришлось завязать в хвостик?

— Простите, мисс, не желаете ли последний номер «Вог» на

английском? — спросил у Блэр стюард, пришедший из салона первого класса. Стюард был похож на Пирса Броснана в униформе стюарда.

Блэр взяла журнал. Она обратила внимание, что из всех пассажиров в их салоне этот журнал предложили только ей.

— Может, бокал шампанского? — спросил стюард. Кажется, он даже слегка подмигнул.

Блэр положила журнал на пол. Он что, не видит: она занята.

— Спасибо, нет.

Майлз вручил стюарду пустой стакан из-под ромового коктейля:

— Еще один, пожалуйста.

Тот с неохотой принял пустой стакан, явно недовольный тем, что, желая поухаживать за девушкой, пришлось обслуживать ее спутника.

Майлз снова погладил волосы Блэр.

— Почему ты не хочешь почитать журнал? — спросил он.

Блэр так и подмывало сказать Майлзу, чтоб он засунул этот самый журнал в свою задницу от Армани, но спохватилась, потому что была уверена: Одри Хепберн не произнесла бы подобных слов, оставаясь невозмутимой и давая понять человеку, что ей не хочется с ним разговаривать.

Блэр снова попыталась сосредоточиться на очерке. Ей хотелось написать о том, что Одри была наделена всеми качествами истинной леди. Стиль, красота, грация, ум, отвага и этот налет таинственности, который так притягивал мужчин. Но не могла же Блэр написать в своем очерке, что мужчины падали штабелями от Одри. Нет, Блэр не могла такого написать, особенно после того, как поцеловала того несчастного преподавателя.

И мисс Глос говорила, что не нужно залитературировать очерк. Так... Пальчики Блэр замерли над клавиатурой, и она снова начала печатать, полностью отдаваясь мыслям, которые приходили в голову.

«Иногда я воображаю, будто я Одри Хепберн. Чувствую себя такой легкой и воздушной и даже пытаюсь говорить ее голосом. В

Одри вообще удивительная легкость во всем. Ей наверняка не приходилось сдавать экзамены по углубленной программе или переписывать дурацкие очерки соискателя на поступление в университет. И ее не заставляли проводить каникулы в компании мамочки и толстого, противного отчима, какого-нибудь там сводного брата и его озабоченного друга. И ее не бросал парень из-за какой-то малявки. Но даже если у Одри и были проблемы, она молчала о них, а не рассказывала по секрету всему свету и не целовала при этом на собеседовании преподавателя. Только когда я чувствую себя Одри, во мне просыпаются душевные силы».

Блэр прочитала написанное и снова все стерла.

— Похоже, Сент-Бартс встретит нас прекрасной погодой, — раздался в динамике низкий голос капитана. — Хочу поблагодарить вас за то, что летели рейсом Юнайтед-авиалинии. Особый поклон прекрасной брюнетке, место 24В. Счастливого отдыха, и ждем вас снова на борту нашего корабля.

Прекрасная брюнетка посмотрела на табличку на стене. Место 24В. Ей просто показалось, что капитан заигрывает с ней, или так оно и есть?

Майлз упорно продолжал гладить ее волосы. Стюард принес Майлзу ромовый коктейль и бокал шампанского для Блэр, хотя она внятно сказала ему «нет».

— Пилоты посылают вам поклон, — сказал стюард и всезнающе улыбнулся.

Тут Блэр почувствовала себя Миа Фэрроу из фильма Вуди Аллена «Алиса». Мистер Бекхем заставил класс смотреть эту картину целых два раза. Героиня фильма Алиса, тусклая женщина с Парк-авеню, отправилась в какой-то дурацкий ресторанчик в Чайна-таун и наелась там каких-то дурацких трав, отчего мужики липли к ней как мухи.

Блэр была слишком воспитана, чтобы отказаться от столь любезно принесенного ей шампанского. Она захлопнула ноутбук, сунула его в огромную сумку от Луи Виттон и затолкала ее ногой под переднее кресло. Самолет начал медленно снижаться, уже сверкало внизу теплое Карибское море. Блэр нетерпеливо крутила на пальчике свое рубиновое колечко: ей так хотелось вырваться отсюда, надеть

купальник и завалиться на пляжный песок.

Аарон открыл глаза и сел в кресле, загородив вид из иллюминатора. Он улыбнулся:

— Ну что, закончила свой очерк?

— Отвали, — процедила Блэр.

Д созрел. Или нет?

— Еще карри! — взревел Руфус Хамфри, колдуя над томатным соусом. — Еще рому! — Была пятница, день его рождения.

— Отец, разве лазанья должна быть такой острой? — запротестовал Дэн.

Руфус шевельнул своими серыми кустистыми бровями и вытер руки о грязно-белую футболку с надписью «СПАСИТЕ КОММУНИСТОВ!».

— С каких пор ты стал таким упрямым? — Руфус помахал в воздухе деревянной ложкой. — Тут не может быть никаких правил, только дело вкуса.

Дэн пожал плечами и подлил в соус немного рому. Неудивительно, почему отцовская лазанья наводит на всех такой ужас. Немного поел — и горишь, как в аду.

— Ну и что за чувака пригласила твоя сестра? — спросил Руфус. Он специально сказал это слово «чувак», чтобы поддеть своих детей за то, что они выражались столь неблагозвучно.

— Его зовут Нейт, — отсутствующим голосом сказал Дэн. — Нормальный парень.

Хотя Дэн был абсолютно уверен, что отцу Нейт не понравится. Нейт носил джемперы и стригся у дорогого парикмахера. Нейт покупал только натуральные кожаные ботинки и натуральные кожаные ремни и был всегда под кайфом и, когда разговаривал, мог ни с того ни с сего идиотски рассмеяться. Но не стоит объяснять это отцу. И потом, ему, Дэну, было не до того: в любую минуту могла прийти Ванесса, и он уже решил про себя, что сегодня заведет разговор о сексе.

— Что ж, будем надеяться, что Нейт любит лазанью, — язвительно заметил Руфус и налил себе кофе в огромную чашку.

В дверь позвонили, и Руфус рванулся в коридор. Пришел его друг Лайл Гросс. Они познакомились в парке двадцать лет назад. Лайл был из тех людей, про которых никогда не скажешь, сколько им лет: таких полно сидит по скамеечкам в парках. Они держат в руках

маленькие транзисторы, слушают футбол и читают старые газеты «Дейли ньюз», выуженные из ближайших урн. Лайл говорил, что он писатель, хотя Дэн никогда не видел ни одной его публикации.

— Я купил виноград, — объявил Лайл и пригладил волосы вокруг своей лысины. Он был облачен в свитер горчичного цвета, малиновые шерстяные брюки, на ногах — белые тенниски. На шее виднелись свежие порезы — значит, человек побрился. Без слез смотреть невозможно.

— Привет, Даниэлсон, — сказал Лайл.

— Привет, — ответил Дэн.

Лайл обожал коверкать имена. Наверное, он считал, что это остроумно, но Дэн был другого мнения.

Руфус принял пакет с виноградом и передал его Дэну:

— Положи на тарелку.

Дэн машинально отщипнул несколько виноградинок и кинул их на тарелку. Если бы он сейчас присовокупил туда пару какашек Маркса, никто бы даже не заметил. Маркс был кот, большой и толстый, он возлежал сейчас на кухонном столе между французским багетом и огромным куском пармезанского сыра.

Руфус и Лайл отправились в гостиную, чтобы поставить какую-нибудь виниловую пластинку из старой коллекции. Дэн между тем дрожащей рукой размешивал соус, гадая, каким образом заговорит с Ванессой о сексе. Ведь совсем недавно он сказал ей, что хочет повременить с этим. И что же теперь? Разве ее обманешь? Но как бы хотелось быстро и оперативно разрешить этот вопрос, а потом сразу засесть за стихи, потому что он совсем измучился смотреть пустым взглядом в свой пустой блокнот.

Дэн мешал соус все быстрее и быстрее: красная жижа немного расплескалась и испачкала края тарелки. Да, он просто должен сказать все напрямик. Может, все-таки Ванесса не посмеется над ним...

В — в нужном месте и не совсем вовремя

Ванесса опаздывала в гости к Дэну. Она была обвешана аппаратурой, да еще пришлось тащиться на двух электричках, пока наконец она не доехала до Центрального парка. Стоял такой прекрасный вечер, что Ванессе захотелось еще немного поснимать. Вчера выпал снег, все дорожки подморозило. Спотыкаясь, Ванесса медленно спускалась по тропинке, ведущей в сторону замерзшего озера. Она жалела теперь, что нацепила на себя белье «Секрет Виктории»: кружева холодили кожу и терли в самых неподходящих местах.

Возле озера стоял огромный дуб, с веток, словно стекая, свисали сосульки. Ванесса расчехлила камеру. Она решила снять эти сосульки для начальных кадров своего киноочерка, посвященного Нью-Йорку. А что, классная идея. Ведь сначала люди подумают, что это фильм о каком-нибудь тихом загороде. Потом она сделает перебивки с чисто городскими сюжетами, например, покажет, как работники хладомясокомбината разгружают красные окровавленные туши.

Ванесса настроила объектив, сделав сначала близкий наезд на сосульки, а потом отъезд. Если бы она сделала это в другой последовательности, то был бы плагиат: так уже снимали на канале «Нэшнл джеографик». Дэн вечно упрекал Ванессу, что в ее картинах не хватает действия, но та упиралась и говорила, что кино как поэзия. Необязательно что-то должно происходить, главное — передать настроение.

Сегодня в полдень Нейт сводил Дженни в Линкольн-центр на «Щелкунчика». Все было, как и в прошлый раз: та же рождественская елка-мутант и мыши ростом с людей. Дженни понравилось. И музыка, и декорации, и танцоры, и костюмы, но больше всего фея, похожая на оживший леденец. Сердце Дженни просто ликовало, когда под конец Клара и Щелкунчик, превратившийся в принца, уплыли в небо на санях, запряженных парой лошадей.

После спектакля Дженни с Нейтом должны были отправиться на день рождения к ее отцу Руфусу, но невелико удовольствие смотреть на измазанного, как поросенок, отца, колдующего над своим соусом. А Нейт был таким милым весь этот сегодняшний день: он держал ее за руку во время спектакля и шептал, какие отрывки балета ему особенно нравятся. А какой он красивый в своем сером кашемировом костюме и голубой рубашке. Дженни предложила пройтись до дома пешком, через Центральный парк.

Они спускались вниз по тропинке к озеру. Подошвы черных замшевых ботиночек Дженни скользили, и она крепко держалась за руку Нейта. Теперь, когда впечатление от балета немного улеглось, ее преследовало чувство дискомфорта и седалищной области. Дженни молча успокоила себя тем, что это, слава богу, не чирей, а ее новые стринги.

Свободная рука Нейта была засунута в карман пальто: он пытался согреть мешочек с травкой. Нет ничего хуже замороженной дури. Она рассыпается и дымит как чума. Нейт собирался закурить сигаретку, но он заворожено смотрел на сюрреалистическое солнце, которое садилось в белый снег, а в руке его была теплая ладошка Дженни, и даже не хотелось курить. Хотелось говорить.

— Жаль, завтра уезжать, но нужно подавать документы, — начал он. — На собеседовании я узнал, что у них открывается новый факультет науки и технологии. Может, поступлю туда и буду строить яхты. Что скажешь?

Дженни молча кивнула, все время думая лишь о том, как бы не поскользнуться. Ей так не хотелось, чтобы Нейт уезжал завтра. Она вообще не хотела, чтобы он уезжал.

Вот и озеро виднеется внизу. Весной Нейт любил курить в беседке над озером и смотреть, как утки со своими утятами плавают по водной глади. Сейчас озеро замерзло. И по нему даже можно ходить.

— Как странно, — продолжал рассуждать вслух Нейт, — прошлой зимой я знал, какой будет моя жизнь в следующем году: что я буду ходить в школу, тусоваться с друзьями — все как всегда. Но сейчас и представления не имею, как сложится моя жизнь в будущем.

Дженни повернулась и посмотрела на Нейта. Она пыталась представить, как прореагирует Нейт, услышав объяснение в любви.

Щеки его покраснели на морозе и мочки ушей тоже. Это было так трогательно, что Дженни хотелось кричать от восторга.

— А я в стрингах, — вдруг выдохнула она, даже не успев сообразить, что говорит. Сказала и ускорила шаг. Господи, что она такое ляпнула!

— погоди. Что? — Нейт тоже ускорил шаг, пытаясь догнать Дженни. Он не расслышал.

Дженни отпустила руку Нейта и крикнула еще громче:

— На мне стринги! — и, захихикав, пустилась бежать, спотыкаясь, падая и съезжая по склону.

На этот раз Нейт услышал. Вытащив руку из кармана, он рванул за Дженни.

— А ну вернись! А ну покажи мне свои стринги! — закричал он страшным голосом голодного вампира.

Дженни взвизгнула и ускорила бег. На морозе слезились глаза и перехватывало дыхание.

Нейт бежал за ней до самого озера, потом Дженни поскользнулась на льду и свалилась под огромным дубом, увешанным длинными сосульками. Нейт упал сверху на Дженни, и они хохотом покатались по льду, на волосы налипал снег, он попадал им в рот, а они все смеялись.

Нейт перевернул Дженни на живот и стал задираť ей пальто.

— О, покажи мне, покажи! — грозным голосом рычал он и уже ухватился за ее черные вельветовые джинсы и начал стаскивать их, чтобы посмотреть на голую попку Дженни.

— погоди! — запищала она и снова засмеялась. Крепко зажмурилась от нахлынувшего на нее чувства и произнесла: — погоди, Нейт. Я люблю тебя!

Нейт на мгновение замер, переваривая услышанное. А потом, вместо того чтобы перевернуть ее на спину и, поцеловав, сказать «люблю», приложился губами к ее попке, как это делают с маленькими детьми, и выдохнул воздух, отчего получился глупый пукающий звук. Потом Нейт откинулся на спину, чтобы отдышаться.

Еще несколько секунд Дженни продолжала лежать на животе.

Потом она встала и поправила одежду. Она все равно не жалела, что наконец произнесла это. Но было бы неплохо услышать что-то в ответ, например: «Я тоже тебя люблю». А потом бы он взял ее на руки и отнес к саням, запряженным двумя лошадками. И пусть они унесут их в прекрасную страну.

А что вместо этого? Пук?

— А ты не в боксерках с корабликами? — спросила Дженни, пытаясь превратить все в шутку.

Нейт еще лежал на снегу.

— Не помню, — сказал он и расстегнул ремень. Приспустил брюки. — Не, я в синих. Извини.

— Ничего страшного, — быстро проговорила Дженни и закуталась глубже в пальто. — А знаешь, — сказала она, пытаясь сменить тему, — давай пройдем мимо статуи Ромео и Джульетты, моей любимой статуи. Пошли, это по дороге.

Нейт часто бывал в Центральном парке, но он и представить не мог, о чем говорит Дженни.

Дженни стала растирать руки.

— Ты замерзла? — спросил Нейт, привстал, опираясь на локти, и протянул к ней руку.

Дженни, помедлив, подошла ближе. Нейт притянул ее к себе, обернул полы своего пальто вокруг нее, потом поцеловал в лоб и поочередно в каждую щечку.

Дженни потерлась губами о его подбородок и снова тихонько сказала, что любит его. На всякий случай: вдруг в первый раз он не услышал.

Теперь он не мог не ответить. Извините, он обнимал ее, а она смотрела ему в глаза, и в них светилось ожидание.

К тому же они только что посмотрели «Щелкунчика», а это история любви, между прочим.

— Я тоже люблю тебя, — проговорил Нейт. А потом они слились в долгом поцелуе. Ее красная мохеровая шапочка съехала, и длинные коричневые кудри накрыли влюбленных, как пологом.

Накрыли, да не очень.

Ха! Дэн упрекал Ванессу, что в ее фильмах слишком мало действия? Да на ее глазах сейчас такое происходит! Конечно, кадры с сосульками на дубе прекрасны. Но вы когда-нибудь видели, чтобы одетый с иголки парень стаскивал с себя штаны средь бела дня да еще зимой? А чтобы парень с девушкой катались по снегу, обернутые в его пальто, и не где-нибудь, а посреди замерзшего озера и в самом многолюдном городе мира?! Эх, если бы у Ванессы был вертолет, она взлетела бы сейчас в небо и сняла бы длинный план с долгим отъездом, пока обе фигуры не превратятся в одну маленькую черную точку. Но у Ванессы нет вертолета, так что придется подойти к монтажу творчески. А все-таки правильно, что она не дала полный наезд на лица; эта парочка могла оказаться кем угодно, это могла быть и ты со своим бойфрендом или даже твоя бабушка. Разве это не поэзия, живая поэзия! Ванессе не терпелось показать пленку Дэну.

Стоп. Она покажет пленку до или после того, как продемонстрирует Дэну то же, что и эта девчонка?..

Остров грез

Курорт Isle de la Paix — «Остров спокойствия» — на Сент-Бартсе — укромное местечко, куда по-тихому съезжались знаменитости и увядающие богатые американки, притомленные очередной пластической операцией. И если ты не знаменитость и никого тут не знаешь, ты изгой. Сайрус Роуз, отчим Блэр, был владельцем компании, строившей этот курорт, поэтому для их семьи были забронированы самые лучшие домики.

Вилла, где поселились Блэр и Серена, опоясана террасой. С одной стороны терраса выходила к бассейну: сорокалетние дамочки в слитных купальниках, с фигурами, явно прошедшими липосакцию, возлежали в шезлонгах и смотрели на мир сквозь огромные солнечные очки. Некоторые делали вид, что читают какой-нибудь французский журнал мод, хотя на самом деле они были уже сильно под мухой по причине выпитого пунша местного изготовления. Одну дамочку «сопровождал» крошечный пудель, и он тоже был в солнечных очках. Если пройти на противоположную сторону террасы, можно увидеть полоску белого песчаного пляжа, где загорали топлесс женщины помоложе, а по морю мимо них проплывали мужчины на досках для виндсерфинга и делали вид, что им это неинтересно. Море было такое изумрудно-спокойное, казалось даже, что оно ненастоящее.

В ожидании, пока Блэр оденется, Серена сидела на ступеньках, покуривая сигаретку и листая журнал «Эль». Девушкам предстояло отправиться на семейный обед.

Серена только что помыла голову: мокрые волосы налипли на плечи, и капли стекали на желтый топик. От нанесенного крема-автозагара ее кожа уже приобрела красивый золотистый оттенок. На Серене была коротенькая белая джинсовая юбка, на ногах — белые босоножки на тонких ремешках, усыпанных стразами.

По соседству на кусте гибискуса, перепархивая от цветка к цветку, маленький пересмешник пил нектар. И Серена удивилась: почему эта птица не догадается напиться из одного цветка.

Интересный вопрос.

— Простите, — неожиданно раздался мужской голос.

Серена притушила сигарету ногой и встала. На нижней ступеньке перед ней вырос человек в белой футболке с логотипом Isle de la Paix. В руках он держал вазу с огромным букетом экзотических цветов.

— Мадемуазель, это вам, — произнес мужчина по-французски, поднялся к Серене и вручил ей букет.

О боже, неужели Флоу приставил к ней шпионов? Как ее вообще тут нашли?

Серена приняла цветы, вдохнула их аромат и поблагодарила.

— Не стоит, — ответил мужчина, на этот раз на английском.

Он уже хотел уйти, но в этот момент распахнулась стеклянная дверь, и на террасу вышла Блэр.

— Наверное, на мою мамочку уже завели отдельный счет в баре, — произнесла она и осеклась, увидев постороннего.

На Блэр было коротенькое бежевое платье-стрейч, почти в тон ее коже после крема-автозагара. На расстоянии можно было подумать, что она вообще без всего. Блэр надела красные шлепанцы, а на маленький пальчик левой ноги нанизала колечко с ложным бриллиантом. Стил — мы белые, мы крутые. Незнакомец нагло уставился на нее.

— Что вам угодно? — спросила она. — Parlez-vous Anglais?

Мужчина смутился.

— Простите, я просто хотел выразить свое восхищение самым красивым девушкам на этом острове.

На его счастье, он обладал приятным голосом, хотя и сказал банальность. Девушки и без него знали, что они очаровательны.

— Благодарю, — сухо ответила Блэр. — Как-нибудь увидимся.

— Надеюсь, цветы вам понравились, мадемуазель, — сказал посыльный, обращаясь уже к Серене. Потом улыбнулся и исчез.

Блэр пригладила волосы рукой и, щурясь, посмотрела на море.

Серена поставила вазу с цветами на плетеный столик.

— От кого цветы? — поинтересовалась Блэр. Серена пожала плечами:

— Догадайся с трех раз.

Блэр подошла к цветам и открепила маленькую открыточку:

— «Желаем счастливого отдыха перед свадебными хлопотами. Целуем крепко, твои К и И.»

Блэр с Сереной переглянулись и разразились хохотом.

Серена даже подумала, что, может, вовсе не Флоу засыпал ее подарками. Может, это Кати и Изабель посылали ей шоколадного Деда Мороза или аквариум с мальками морской щуки.

— Ну что, подруга, пошли? — И Серена потащила Блэр вниз по ступенькам. — Сайрус угощает!

Аарон и Майлз уже сидели в баре и играли в нарды. И пытались скормить Тайлеру жареного моллюска. Мать Блэр и Сайрус все еще катались с компанией на яхте.

Помещение, в котором они находились, было одновременно и столовой для отдыхающих. А если точнее, это был огромный навес с видом на пляж и море. Бар со стойкой из бамбука и стекла и высокими стульями из белой кожи был отнесен в дальний угол.

— Два рома с колой, пожалуйста, — заказала по-французски Блэр, обращаясь к бармену. Слава богу, на этом французском острове никто не спросит, сколько тебе лет.

Правда, и в Нью-Йорке ее уже часто принимали за совершеннолетнюю.

Принесли напитки, и девушки чокнулись.

— За нас, — сказала Серена. Девушки резво опрокинули по бокальчику.

— Ого! — удивился Майлз. На нем были черные легкие брюки от Армани и серая рубашка с коротким рукавом; здесь, вдали от цивилизации, он выглядел очень бледным. — Ну вы и пьете, прямо как дальнбойщики.

Блэр усмехнулась и промокнула губы салфеткой.

— Практика, мой юный друг.

Аарон укоризненно покачал головой. В экзотическом окружении его дреды выглядели вполне гармонично. Он сердито засунул руки в

карманы зеленых шорт:

— Нашли чем гордиться.

Блэр сделала недоуменный вид:

— Можно подумать, ты никогда не пьешь. Аарон пожал плечами:

— Пью, но исключительно воду.

Тайлер сделал очередной заход с жареной устрицей, откусил кусочек и снова выплюнул его на салфетку.

— Наша Блэр любит вздрогнуть, — съязвил он. Блэр готова была дать брату затрещину, но в этот момент увидела, что с берега к ним направляются мать и отчим. Сайрус аккуратно поддерживал новоиспеченную женушку под локоток,

как будто опасался, что та на ровном месте навернется. Блэр было бы не так противно, если бы это был не Сайрус. Мать была в ярком платье с зелеными и розовыми разводами, по которым «прыгали» белые лягушки. Все бы ничего и бог с ними, с лягушками, если бы платье было одноцветным и не таким коротким, да и ноги у мамочки полноваты. Ее светлые волосы аккуратно убраны в пучок и схвачены вокруг эластичной ленточкой, лицо уже успело от загара потемнеть. На Сайрусе — красные брюки и голубая рубашка в белую полосочку, с коротким рукавом. Его красное лицо блестело на солнце. Как у поросенка. Если бы Блэр была менее воспитанна, она позволила бы себе вольность и выразилась поточнее: как у свиньи.

Увидев детей, Элеанор Уолдорф Роуз радостно взвизгнула:

— Привет, солнышки! — и кинулась их обнимать. — Я так соскучилась. А у меня столько для вас новостей!

— Здравствуйте, миссис Роуз, — сказала Серена и вежливо улыбнулась. Мать Блэр была заносчивой особой, но все же не заносчивее ее собственной матери.

Сайрус пожал руку Аарону:

— Здравствуй, сынок. Я не успел созвониться с адвокатом, но, надеюсь, вы с Блэр не спалили дом.

Аарон рассмеялся:

— Спалили. Но мы строим новый. Вернешься — и увидишь. Не

хуже старого.

Блэр тоже решила подколоть свою родительницу:

— А я беременная, — сказала она и положила руку на плечо Майлза. — Это Майлз, отец моего будущего ребенка.

Улыбочка с лица Аарона тотчас слезла.

— С каких это пор ты стала такой шутницей? — потрясенно воскликнула Элеанор.

Блэр убрала руку с плеча Майлза и лукаво улыбнулась:

— С тех пор, как меня выкинули из школы. Серена хихикнула:

— Ну ты врушка.

Сайрус неуклюже обнял Блэр и произнес:

— Люблю, когда у всех хорошее настроение.

Хорошее настроение было. Но сплыло. Сайрус подозвал бармена:

— Шампанского! Шампанского всем!

Блэр поморщилась. Боже, какая напыщенность!

Элеанор похлопала ладошкой по животу:

— Я не буду.

С каких это пор ее мать отказывается от шампанского?

— Нам больше достанется, — сказал Сайрус и подмигнул Серене.

Принесли шампанское. Элеанор подали стакан сельтерской. Потом Сайрус поднял вверх бокал и торжественно произнес:

— За нашу большую крепкую семью, — и по-идиотски улыбнулся.

Блэр была уже по горло сыта семьей.

— Может, пообедаем? — жалобно произнесла она. — Есть хочется. — За время разлуки с Сайрусом и мамочкой ее ни разу не тошнило. Но теперь она боялась рецидива.

Они расселись за столом на длинные банкетки со спинками, обтянутые белой кожей. Под потолком лениво гудел вентилятор,

нагоняя на близстоящие пальмы легкий ветерок. Все, кроме Аарона, заказали по гамбургеру. Кухня была французской, без единого вегетарианского блюда.

— Мне салат и французский картофель, — обратился Аарон к официанту и закурил травяную сигарету.

— А мы тут так прекрасно отдыхаем, — затараторила Элеанор. Она намазала хлебный рогалик маслом и с такой жадностью накинулась на него, словно находилась не на курорте, а на необитаемом острове. Блэр отметила про себя, что мать заметно пополнила.

Сайрус нежно сжал локоток Элеанор.

— Мы с твоей мамой приготовили тебе сюрприз, — сказал он таинственно.

Элеанор поднесла к губам жирный пальчик с бриллиантовым колечком:

— Тсс. Это рождественский подарок. Аарон напрягся, когда Блэр случайно задела его коленкой, но отодвигаться не стал. Еще одной маленькой радостью больше. Всякий раз, когда Блэр невзначай дотрагивалась до него своей коленкой, или когда она тянулась за хлебом и ее рука нечаянно касалась его руки, или когда Блэр вздыхала с тоской, он улавливал ее дыхание и всякий раз был необычайно взволнован.

Аарон знал про Блэр абсолютно все. Или почти все. Вот, например, совсем недавно она принимала душ, — волосы ее пахли кокосовым шампунем, ее любимым. Кожа казалась более загорелой, чем в самолете: наверное, она воспользовалась кремом-автозагаром. И еще Аарон заметил, что ее пальчики на ногах покрашены бледно-розовым лаком и она сняла с руки часы. Он ненавидел себя за такую наблюдательность, столь нездоровую для сводного брата.

Тайлер пил колу и все еще дулся на всех. Он мечтал, что когда-нибудь у него будет своя фирма и он сможет снимать видео для MTV. И как же противно, когда тебе всего одиннадцать и ты проводишь каникулы с родителями и к тому же без своего друга.

— Не расстраивайся, парень, — сказал Аарон, заметив, что его сводный брат хандрит. — После обеда мы с Майлзом возьмем тебя покататься на морских лыжах.

Тайлер вытащил соломинку из стакана и попытался поджечь ее с помощью зажигалки Аарона.

— Класс! — Он выдавливал из себя достойного хулигана, а не мальчика-паиньку.

Подали обед. Сайрус и Элеанор не унимались, на все лады рассказывая про свой круиз. Например, на прошлой неделе они посетили вулкан на острове Мартиника. На острове Сент-Джонс Сайрус купил для Элеанор брошку с кораллом и бриллиантом, эту булавку подняли с затонувшего корабля. А на Вириджин Горда они распивали коктейли с самим Албертом Финни! Очевидно, то был какой-то старый знаменитый актер, неизвестный молодежи.

Серена старалась не слушать болтовню взрослых. Они с Блэр сидели лицом к морю. Над водной гладью маленький гидросамолет выписывал в небе странные кренделя. И тут девушки догадались: это своего рода послание. Серена сощурилась, пытаясь разобрать буквы.

С-Е-Р-Е-Н-А

Серена ахнула, прикрыв ладошкой рот, и толкнула локтем Блэр. Та поняла намек и, тоже поддав локтем Серену, протянула ей белую двойную карточку, выставленную на середине стола.

Дрожащими руками Серена раскрыла карточку и прочитала надпись, выведенную золотыми буквами:

«Бронируйте номера на курорте Isle de la Paix. В канун Рождества, с восьми вечера до полуночи, для вас будет выступать группа „45“».

Серена судорожно сжала руку Блэр. Единственная возможность не свихнуться в нынешнее Рождество — это держаться друг друга.

— Ой, посмотрите! — воскликнула Элеанор, отчего Серена с Блэр аж подпрыгнули на месте. — Мисти и Бартоломей Басс! — Потом она перешла на шепот: — Я слышала, у Мисти удалили печень: говорят, она сильно выпивала. По-моему, она неплохо выглядит.

Мисти и Бартоломей Басс, родители Чака Басса, прибыли только что с огромным-преогромным багажом. Блэр и Серена с ужасом

ожидали, что вот-вот появится и сам Чак. Но слава богу, он не приехал, иначе это добило бы их окончательно.

— Мама, ей удалили не печень, а аппендицит, — после некоторого замешательства уточнила Блэр. — Всего лишь аппендицит. Ничего страшного.

— А мне говорили, что печень, — не унималась Элеанор. — И вообще, почему они приехали сюда? — Элеанор оглянулась, рассматривая отдыхающих. Она неустанно теребила пальцем свою драгоценную брошь с затонувшего корабля. — Я слышала, здесь будет много знаменитостей, но пока никого не вижу.

Сайрус нашел способ утихомирить жену, положив ей в рот кусочек французского картофеля.

— Дорогая, не забывай, что твоему организму требуется много витаминов.

Лично Блэр была уверена в обратном: картофель пойдет только во вред ее мамочке. К тому же до чего противно наблюдать эти телячьи нежности! Организм Блэр, как всегда, среагировал неадекватно. Извинившись, она помчалась по направлению к ближайшему туалету. Не жизнь, а сплошное несварение желудка!

Все уже давно привыкли к подобным выпадам Блэр и даже не обратили на это никакого внимания, но Серена бросить подругу не могла. Она побежала вслед за ней по аллее, пригибая голову как дичь: а вдруг за какой-нибудь пальмой притаился Флоу?..

Кому сдался этот «Секрет Виктории»?

— Я отсняла потрясающий материал, — сказала Ванесса, садясь за праздничный стол по случаю дня рождения Руфуса.

Дженни и Нейт еще не подошли, а Руфус уже продегустировал красное вино и успел нагулять аппетит.

— Получилось очень вкусно. Порадуйтесь вместе со мной.

— Итак, вы снимаете кино, Ванессавище? — спросил Лайл, накладывая в тарелку лазанью. — И о чем ваши фильмы?

Ванесса отпила из стакана минеральной воды.

— Я снимаю черно-белое кино. И в моих фильмах мало действия.

Лайл добавил к лазанье жареных бобов.

— Фильмы художественные? Ванесса кивнула:

— Вроде того.

— Лично я люблю приключенческие фильмы, смотрели «Мумию»? Замечательное кино.

Но Ванесса не слушала его. Только что пришли Дженни с Нейтом, и Ванесса наблюдала, как они снимают верхнюю одежду в холле.

— Извини, папочка! — крикнула с порога Дженни, отряхивая от снега шапочку.

Ванесса сразу узнала эту красную мохеровую шапочку, она была точь-в-точь как на той девушке в Центральном парке. И пальто Нейта, длинное синее пальто, точно такое же, как на том парне. И сам Нейт, такой же холеный, и волосы у него золотисто-русые. Ванесса отложила вилку. Вот это да.

— Папуля, это Нейт. Познакомьтесь. — Она была готова плясать от радости и целовать всех вокруг. Она и не представляла, что можно быть такой счастливой: Нейт признался ей в любви!

Руфус прожевал лазанью и запил ее красным вином.

— Нейт, дружище, так вот ради кого моя дочь взяла у меня в

долг четыреста долларов, — сказал он. — Рад познакомиться. — Он выдвинул соседний стул, приглашая Нейта присесть.

Дженни была так возбуждена, что пропустила мимо ушей реплику папочки. Главное, что Нейт ему понравился.

— Ну, рассказывай, Нейт, — продолжил Руфус и наполнил гостью огромный бокал вина. — Чем намерен заниматься?

Нейт улыбнулся. Ему понравился отец Дженни.

— Собираюсь строить яхты, — ответил он. — У моих родителей дом на Маунт-Дезерте. Мы с отцом строим яхты и плаваем.

Дэн думал, что вот оно, началось: сейчас отец Дженифер съест его с потрохами, не обойдется без лекции о паразитическом классе и о том, что яхты — ненужная роскошь. Но Руфус был настроен вполне благожелательно и продолжал засыпать Нейта вопросами.

В любой другой день подобное лицемерие взбесило бы Дэна, но сейчас он был слишком занят мыслями о предстоящем разговоре с Ванессой. Он съел немного лазаньи. Так, он уже обдумал, что через десять минут извинится, встанет из-за стола и предложит Ванессе удалиться в свою комнату.

И тут Руфус как стукнет кулаком по столу.

— Минуточку! Подавайте мне тарелки. Лазанья будет гораздо вкуснее, если в нее добавить огонька.

— Папа! — взмолилась Дженни. Отец может испортить весь праздник. Невозможный человек.

Нейт протянул Руфусу свою тарелку с лазаньей. Руфус чиркнул спичкой и бросил ее в блюдо. И соус было столько рома, что лазанья вспыхнула ярким пламенем.

— Здорово! — воскликнул Нейт. Руфус довольно хмыкнул. Потом Дженни передала отцу свою тарелку, на ее лице застыла гримаса ужаса. Не кулинар, а сварщик какой-то!

Терпение Дэна лопнуло. Он повернулся к Ванессе:

— Можно тебя на одну минутку? — Он так нервничал, что руки его тряслись.

Ванесса тоже занервничала. Хватит ли у нее смелости продемонстрировать Дэну «секрет Виктории»? Лайл передал Ванессе

костер в тарелке.

— Спасибо, — рассеянно произнесла она. Дэн встал:

— Пойдем.

Взяв сумку, стоявшую возле стула, Ванесса пошла за Дэном по коридору. Жилище семейства Хамфри не ремонтировалось аж с годов сороковых. Это было огромное пыльное помещение со скрипящим деревянным полом и старомодными встроенными стеллажами для книг. Однажды в кабинете отца Дэн откопал на одной из полок нераскрытую колоду карт с датой выпуска 1955 года. Все короли были вылитый Элвис Пресли. Жуть!

Дэн нерешительно прикрыл за собой дверь:

— Мне нужно кое-что тебе сказать. Ванесса села на пол и начала расшнуровывать свои ботинки. Если уж дело дошло до этого, то нужно форсировать события, пока она не испугалась.

— Ну, — сказала Ванесса, сняла черные шерстяные гольфы и пошевелила пальчиками ног. Пару дней назад сестра Руби сделала ей педикюр и покрасила ногти в коричневый цвет. Выглядел еще свеженько. Ванесса встала и решительно расстегнула свой черный кардиган.

Дэн подошел к столу и взял в руки свой черный блокнот. Может, показать Ванессе, как плохо обстоят его дела с поэзией, и тогда она пой-

мет, что ему необходим секс. Он пролистал страницы. На каждой красовались только начальные строчки вроде: «Ты мой Франкенштейн» — и так далее.

Ни одно стихотворение не было закончено. Читать их — сплошной стыд.

— Я перестал писать стихи, хорошие стихи, — наконец решил Дэн. Он продолжал листать блокнот.

Ванесса сняла черную шерстяную юбку. Потом черную водолазку. И, подбоченясь, встала в зазывающей позе в ожидании, когда Дэн обернется.

— И я подумал, что причина моей творческой неудачи объясняется... — Дэн закрыл блокнот и обернулся. — ... объясняется. — Он умолк.

Ванесса стояла возле кровати в черном кружевном лифчике и черных кружевных трусиках. И все это просвечивало.

Ну да. Так и было задумано.

Ванесса улыбнулась и заморгала ресницами:

— Ну, что скажешь?

Дэн остолбенел. Этого он ожидал меньше всего.

— Ты что?

Ванесса старалась не думать о том, как выглядят ее окорочка в открытом кружевном белье. Она подошла к Дэну, положила руки ему на плечи. Он дрожал как осиновый лист. Ванесса не понимала, хорошо это или плохо.

Дэн явно был чем-то обеспокоен.

— Надеюсь, ты не снимаешь это на камеру? — спросил он подозрительно и оглянулся. Обычно, когда Ванесса снимала фильм, она предупреждала, но вдруг решила симпровизировать?

Она отрицательно покачала головой и прибавила:

— Поцелуй меня.

Дэн скрестил руки на груди. Только теперь до него дошло, к чему клонит Ванесса.

Ну и что? Они же любят друг друга. Почему бы не продолжить?

Любой парень на месте Дэна подыграл бы. Но Дэн был романтиком. Он не хотел, чтобы его девушка отдалась ему в первый раз, срывая с себя черное кружевное белье. Это слишком продуманно, слишком как у всех. А значит, неправильно. Все должно быть чисто и неожиданно и... Дэн сделал шаг назад и отвернулся:

— Прости.

Ванесса поняла, что поторопила события и вела себя глупо, но она просто хотела подурачиться. Ей хотелось быть манящей, желанной, а она только оттолкнула его. Ванесса схватила с кровати водолазку, судорожно стала натягивать ее через голову. Она чувствовала себя как побитая собака.

Дэн затянулся сигаретой.

— Ты не хочешь показать мне отснятый материал? — спросил

он как ни в чем не бывало.

Гм... Лучше не стоит.

Ванесса покачала головой, боясь даже посмотреть на Дэна. Потом надела юбку и кардиган.

Дэн притушил сигарету в пустой чашке из-под кофе:

— Наверное, стоит вернуться к застолью. Ванесса зашнуровала ботинки и поднялась.

— Я лучше пойду, — сказала она дрожащим голосом. Она не плакала лет с четырех, но сейчас готова была разреветься. Так ее никто не унижал. — Я пойду, — повторила Ванесса.

Дэн молча кивнул. Он чувствовал, что нужно как-то успокоить Ванессу, но, в общем-то, ему не хотелось ее останавливать. Дэну не терпелось попробовать снова сочинить стихотворение.

Вот как все может обернуться, если ваша девушка вдруг напаялит на себя кружевное белье.

Ванесса подошла к двери.

— Пока, — тихо сказала она, открыв дверь.

— Пока, — сказал Дэн, и дверь закрылась.

Он вернулся к столу, открыл блокнот, надеясь, что его смятение выльется в какие-нибудь необыкновенные строчки. Но ничего не выходило. И он так и сидел, выкуривая одну сигарету за другой...

Творчество Дж напугало Н

— Можно, мы выйдем из-за стола, папочка? — спросила Дженни. — Я хочу показать Нейту свою комнату.

Руфус посмотрел на дочь.

— Mais oui, — сказал он с ужасным французским акцентом. — Bien sur.

Дженни закатила глаза. Когда ее отец выпивал лишку, его заносило, он начинал строить из себя крутого поэта-битника, курить и говорить по-французски.

Яблоко от яблони...

— Пойдем! — Дженни повела Нейта к себе. Открыв дверь, она включила свет.

Нейт никак не ожидал, что комната Дженни так поразит его.

Хотя вся квартира и обрушивалась, но была довольно уютной, как деревенский дом, в котором редко убирают. Нейт предполагал, что и у Дженни в комнате так же. Но Дженни терпеть не могла побеленные стены, потолок в трещинах, голый деревянный пол, дешевое белое постельное белье. Ведь все-таки она была художником. В последние месяцы она много писала, и ее любимой темой, конечно, был Нейт. В комнате было шесть его портретов, и каждый стилизован под того или иного мастера. Был Нейт в духе Моне — импрессионистски поданный. Нейт в духе Пикассо — глаза угадывались на его ногах. Нейт в духе Дали — стекающий в лужу на тротуаре. Нейт Уорхолла — с зелеными наэлектризованными глазами и золотыми волосами. Нейт в стиле Поллока — вместо головы брызги краски, и Нейт по Шагалу — голова, летящая по ночному небу.

— Тебе нравится? — спросила Дженни. — Я пытаюсь копировать всевозможные стили. Труднее всего мне дался Поллок.

У Нейта жевалка отвисла, глядя на портреты, развешанные на стенах. Он не знал, который тут Поллок, да и вообще он не знал, где чей стиль. Он только понимал, что видит себя в шести вариациях и везде он какой-то странный.

— Вот так я провожу большую часть своего времени! —

вдохновенно воскликнула Дженни. Нейт был так мил с ее отцом, что она все больше и больше влюблялась в него. Она приподнялась на цыпочки и отважно положила руки ему на плечи. — Позволь поцеловать тебя, — прошептала она с хрипотцой в голосе.

Нейт напрягся, но не в том смысле, в каком вы подумали.

Ему бы воспользоваться ситуацией. Но он вдруг представил себе Дженни часами просиживающей в этой комнате и создающей эти красивые, но сдвинутые по фазе портреты. Его портреты.

Он испугался. Да, он признался Дженни в любви и в тот момент был искренен. Но теперь... Неужели она ждет, что он лишит ее девственности?

Нейт нежно поцеловал ее.

— Мне пора идти, — сказал он как можно ласковее. — Нужно собрать вещи. Завтра я улетаю.

Дженни нахмурилась:

— О, пожалуйста, не уходи. — Она лукаво улыбнулась и потупила глазки. — А на мне стринги.

Надо сматываться, пока Дженни не стала раздеваться на фоне его портретов. Наудачу зазвонил сотовый, так что отговорки придумывать не пришлось.

Нейт вытащил из кармана телефон. Высветился номер Джереми.

— Привет, старик. Ты где?

— Мы направляемся в бар на Ривингтон. Помнишь, тот самый, где Чарли вылез на пожарную лестницу и долбил по ней, изображая бой колокола?

— Так, спокойно, — произнес Нейт командным голосом, словно без него мир обрушится.

— Что-то случилось? — спросила Дженни взволнованно.

— Я еду, — сказал Нейт в трубку и отключился. Он взял Дженни за руку: — Прости, Дженифер, но мне нужно срочно идти. Джереми сказал, что Чарли и Энтони хлопнули какие-то таблетки и маются дурью. Я должен срочно быть там, пока они чего-нибудь не натворили.

Дженни послушно кивнула. Ее нижняя губка дрожала. Завтра Нейт уезжает в другой штат. Она не увидит его несколько дней.

Нейт притянул ее к себе:

— На Новый год я буду в Нью-Йорке. Веди себя хорошо, ладно?

Дженни до боли зажмурилась и крепко прижалась к Нейту.

— Я люблю тебя. — Эта девушка не иссякала.

Нейт взял с кровати мягкую игрушку — медвежонка панду.

— Представь, что это я. — И, поцеловав Дженни в носик, выскочил в коридор.

Пройдя в холл, Нейт осыпал мистера Хамфри тысячью благодарностей и, попрощавшись, быстро покинул дом.

Через несколько минут он уже сидел в такси и ликовал. Нейт отправлялся в бар на Ривингтон-стрит. Он угостит Джереми хорошей выпивкой за то, что тот своевременно позвонил и как нельзя кстати спас его задницу...

*Все имена и названия изменены или сокращены
до первых букв, чтобы не пострадали невинные.
То бишь я.*

народ!

Извините, что так долго не выходила на связь. Но занятий в школе нет, и я все время в отлучке.

КТО ИСТОЧНИК?

Мы все смотрим передачу «Глазами очевидца» и прекрасно знаем, как это бывает: некто выходит на прогулку и мирно снимает на камеру своего играющего малыша, а в это время машины, скрип колес, перестрелка... Машины уехали. Приезжает полиция. И этот отец, любитель видео, может неплохо подзаработать, потому что обладает полезной для полиции информацией: на его пленке запечатлелся номер машины, из которой велась стрельба. В моем случае все с точностью до наоборот. Я прекрасно знаю, кто запечатлен на пленке, но вот кто выставил эту информацию в Интернет?

Думаю, вы понимаете, о чем я. Не поленитесь да зайдите сами и увидите знакомую парочку. Вот они стаскивают с себя штаны, а потом, завернувшись в пальто, катаются по снегу. У Дж весьма неплохая попка; правда, я не очень-то присматривалась. Что касается Н, то он до конца все же не оголился, продемонстрировал лишь свои боксерки, но и этого хватило с лихвой, произвел о-ше-лом-ля-ю-ще-е впечатление. И вот эти видеокартинки распространяются сейчас по Интернету с космической скоростью.

Не хочу называть имен, но почти уверена, что пленка принадлежит В: чувствуется ее твердая рука, выверенные планы. Но зачем было обнародовать это в сети? Глупо. И простит ли она себе такое? А если не она, то кто? Я в полном недоумении.

ОБЕГАЯ ВЗГЛЯДОМ

Эксклюзивный репортаж с курорта Isle de la Paix, что на острове Сент-Бартс. Сейчас Флоу выходит из зоомагазина «Густавиа», в руках у него клетка с птицей, я думаю, картинка ясна и без слов. Миссис Э.У.Р. в дамской комнате, и ее, простите, тошнит. Теперь понятно, чья наследственность у Б. Б и С умыкнули в свой домик кувшин с ромовым пуншем и не появляются на глаза со вчерашнего дня. А сидит в одиночестве на пляже и тренькает на гитаре. Он, конечно, парень хороший, но выглядит весьма нелепо: вегетарианец с дредами, напавивший на себя футболку с надписью «Легализуйте марихуану!».

Но вернемся в Нью-Йорк: К и И стоят, обнявшись, на Парк-авеню и ревут, потому что на время праздника расстаются. О боже! Осталось только обменяться памятными кольцами...

ВАШИ ПИСЬМА

Q: Дорогая Сплетница!

У моей подруги старшая сестра дружит с пресс-агентшей Флоу, и та сказала, будто музыкант прилетел на Сент-Бартс, чтобы никто не мешал ему нюхать кокаин.

— Брауни

A: Привет, Брауни.

Я тоже слышала, что Сент-Бартс — своего рода рай для кокаинщиков. И если ты права, то Флоу долго не протянет.

— Сплетница

СВИСТАТЬ ВСЕХ НАВЕРХ

Завтра Рождество. Остался день, чтобы докупить все необходимое. Заглянуть под елку и убедиться, что тебе достанется больше всех подарков, наклеить ярлычки с именами на приготовленные нарядные упаковки. Снова почувствовать себя

маленькой девочкой, и оставить под елкой пряники для Санта-Клауса, и непременно загадать желание. Последний шанс задобрить всех, кто должен сделать вам подарки, и не дай бог; кто-то из них не купит вам оранжевую сумочку от Гермес Биркин!

Счастливого Рождества!

Признайтесь, вы от меня без ума.

СПЛЕТНИЦА

Что значит разбудить в мужчине мужчину, и как С и Б с этим справляются

— Сколько можно торчать в четырех стенах! — Этот возглас Серены обращен к Блэр.

Уже полдень, канун Рождества. Серена стоит у окна и с тоской глядит на белый пляж и лазоревое море.

— Да, а как же Флоу и Майлз? — Блэр выдавила изрядное количество пасты на свою электрическую зубную щетку. — Разве мы с тобой не прячемся?

Блэр втайне надеялась, что за это время сможет написать очерк, но вместо этого они пили из Высоких бокалов ромовый пунш, украшенный дольками апельсина, пьяными вишнями и крошечными бумажными зонтиками; а еще они сыграли в бридж и сделали друг другу маникюр, покрыв ногти лаком цвета карамели. Блэр так и не открыла свой ноутбук. А бедная Серена была сама не своей: просидеть в заточении почти сутки было пределом ее терпения.

— Все, мы отправляемся на пляж, — объявила Серена и стала натягивать на белые купальные трусики джинсовые шорты. — А если кто и посмеет к нам подойти, в ответ получит вот что. — Она повернулась к Блэр и оттянула верхнюю часть купальника.

Блэр удивленно подняла брови, дочистила зубы. Выплюнула пасту в раковину:

— Ты хочешь сказать, будем загорать топless? Лицо Серены победоносно светилось.

— Именно. Они получают свое.

Серена и Блэр расстелили на песочке свои яркие, канареечного цвета полотенца, скинули лифы и улеглись на спину, задрав грудки к солнцу. В это время, совсем неподалеку, Аарон, Майлз и Тайлер, раскачиваясь на волнах, упражнялись в виндсерфинге.

— Кошмар, — сказал Тайлер и повернулся спиной к голышам.

Майлз от неожиданности выпустил парус и плюхнулся в воду. А когда вынырнул, изрек:

— Ну и сестричка у тебя, Аарон! — В его голосе улавливалась зависть.

Парус Аарона лежал на воде. Он изо всех сил тянул на себя веревку, пытаясь его поднять. Аарону не терпелось отгородиться от девушек, но, как назло, ничего не получалось. Может, Блэр и думает, что так поступают все девушки в Европе, но, по его мнению, это было пошло. Всяк проходящий мимо будет пялиться на них, а потом за обедом судорожно вспоминать, где видел этих красоток. Ах, на пляже полуобнаженными! Только от одной этой мысли Аарону поплохело.

Их инструктор с неслабым именем Принц стоял на берегу и ничего не видел. А когда у Аарона завалился парус, крикнув: «Иду на подмогу!» — с ловкостью дельфина прыгнул в воду, подплыл, поднырнул под парус и вытолкнул его из воды головой.

Клево.

Аарон установил парус вертикально, вдел руку в резиновый держатель и направил парус по ветру. Доска с шелестом заскользила по волнам, оставляя позади белую пенистую дорожку. Аарон испытывал чувство восторга: у него получалось!

Он услышал за спиной одобряющие крики и обернулся.

Серена с Блэр — топless — стояли на своих полотенцах и восторженно махали ему руками.

— Давай, Аарон, давай! Молодец!

Аарон уставился на девушек, за что и поплатился. Когда он снова повернулся к парусу, доска уже въезжала носом в песчаную отмель. Аарон, потеряв равновесие, свалился в мелководье. Он лежал некоторое время, словно огромный краб, перевернутый на спину чьей-то жестокой рукой.

Ой! Больно...

Майлз хотел поговорить с Блэр. Но не был уверен, какую дистанцию следует соблюдать при разговоре с полуобнаженной девушкой. К тому же ему не хотелось смущать Блэр.

Принц помог Аарону выбраться с отмели, а Майлз направил

свою доску к берегу. Он прошел по песку и остановился метрах в трех от Блэр. Девушки снова лежали на спинах. Да уж, зрелище не для слабонервных.

— Привет, — сказал Майлз как можно более безразлично.

Блэр приподняла голову и сощурилась. Ох и потеха! Она села, предоставив себя на полное обозрение.

— Привет.

Майлз уткнулся взглядом в песок и покраснел. Вообще-то он сейчас классно гляделся в своих рыжих шортах, с ожерельем из ракушек, с торчащими во все стороны соломенными волосами.

— Гм, я просто хотел спросить, будете ли вы на празднике.

Блэр повернулась к Серене и прошептала, чтобы Майлз не слышал:

— Мы идем на рождественский праздник? Серена улыбнулась и приставила ко лбу ладошку козырьком:

— А то.

Блэр снова повернулась к Майлзу:

— Мы придем.

Майлз кивнул, стараясь не смотреть Серене в глаза.

— Тогда до встречи.

Блэр улыбнулась, наблюдая, как Майлз возвращается к своей доске, поигрывая мускулами, как он сталкивает доску обратно в воду. Вот умора! Они нашли способ держать парней на расстоянии. Блэр легла на полотенце и перевернулась на живот.

Умора-то умора, но даже крем от загара сверхсильной защиты не спасет обнаженную девичью грудь, если слишком долго подставлять ее солнцу.

Прошло часа полтора. Серена уже хотела скачать Блэр, что пора, и вдруг...

— Серена? Серена резко села.

Это был Флоу. Вот так так, а она топлесс.

Но Флоу словно не замечал этого. Он подошел к Серене вплотную и завис над ней. Блэр все еще лежала на животе, накиннув на голову белую футболку. Она притворялась спящей.

— Наконец-то я тебя нашел, — выдохнул Флоу и потрянул своими темными кудряшками. На нем были ядовито-оранжевые шорты. Стройное мускулистое тело было покрыто светло-коричневым загаром. На шее висел амулет — зуб акулы. — Ты скучала по мне?

Серена пожала плечами и скрестила руки, прикрыв грудь:

— Ну... присылаешь мне так много подарков...

— Не так и много, — сказал он вполне серьезно.

— Как сказать... Кстати, ты следишь за светскими новостями? Оказывается, мы с тобой помолвлены?

Флоу довольно ухмыльнулся:

— Да, я слышал. Но не беспокойся. Ты к этому привыкнешь.

Но, пардон, Серена вовсе не желала привыкать к подобным вещам. Конечно, прежде она не встречалась с рок-звездами... И хотя они с Флоу ладили и хорошо провели время, вокруг было столько красивых парней. Скалолазы, художники-фотографы, автогонщики, актеры, диджеи... Вообще-то Серена как та птичка-пересмешник, которую она видела вчера днем на кусте цветущего гибискуса. Птичка перепархивала от одного цветка к другому. Так и Серена. Ей было не в кайф застревать на одном цветке, даже если в нем полно нектара. Ей непременно хотелось перепробовать как можно больше цветков.

Серена перекинула свой конский хвостик через плечо и стала машинально перебирать ломаные кончики. Она ничего не ответила Флоу. А он не привык, чтобы девушки так спокойно реагировали на его присутствие. Серена должна была кинуться ему на шею и сказать, как она скучала и что не хочет расставаться с ним никогда.

— Мы выступаем на рождественском празднике, — сказал Флоу. — Может, потом общемся? У меня для тебя подарок.

Серена улыбнулась. «О боже! Еще один подарок?»

— Непременно.

— Отлично. — Флоу немного помедлил, надеясь, что Серена скажет что-нибудь еще. Но она ничего не добавила. — Ладно. Тогда до завтра.

— Пока! — И Серена снова легла на песок. Она тихонько толкнула Блэр локтем.

— Ну ты и лицемерка, — проговорила Блэр, перевернувшись на спину и убрав с лица футболку.

— Почему это я лицемерка?

— Ведешь себя так, словно тебе плевать на его знаки внимания. А ведь наверняка не терпится узнать, что за рождественский подарок он приготовил.

Серена лукаво улыбнулась. Она могла нудеть сколько угодно, мол, ей надоели подношения Флоу, но все девчонки без исключения любят подарки, особенно если их делают знаменитые, отпадно красивые рок-звезды...

Источник ссылки обнаружен

— Какая к черту камера? — пробормотала Руби, двадцатидвухлетняя сестра Ванессы.

Было воскресенье, три часа дня, но видок у Руби такой, словно заснула она только пару часов назад. На глазах потекшая тушь. И даже не сняла свои бордовые кожаные брюки. Руби растянулась в гостиной на разложенном диване-футоне. Сестры жили в маленькой двухкомнатной квартирке в районе Вильямсбурга. Она была завалена аппаратурой: динамики, микрофоны, гитары, видеокамеры, осветительное оборудование. И все это «добро» принадлежало группе «Сахарный дядюшка», в которой играла Руби. На полу гостиной был брошен ковер, сотканный на настоящем ткацком станке их хиппующими предками. Станок и теперь еще стоит в их отчем доме в пригороде Берлингтона, штата Вермонт. Это был красно-зеленый ковер с изображением Ноева ковчега: каждой твари по паре разместились на огромном плоту, плывущем по Красному морю. Сейчас ковер завален одеждой Руби, так что божьих тварей за грудой почти не разглядеть.

— Где моя цифровая камера «Сони»? — не отставала разъяренная Ванесса. — Я оставила ее на кухонном столе.

Ванесса собиралась просмотреть сегодня футаж, отснятый ею в пятницу в парке; ей не терпелось увидеть, хорошо ли получились сосульки, а кадры с Нейтом и Дженни она решила стереть. Но камера куда-то запропастилась, как сквозь землю провалилась.

Руби перевернулась на живот и накрыла голову подушкой:

— Я ее на время ребятам дала. Ванесса с ужасом посмотрела на сестру.

— Как отдала? Каким ребятам?

— Парням из клуба «Медяк». Они хотят снять материал про скейтбординг.

— Он же был с моей кассетой! — закричала Ванесса. — С материалом для моего нового фильма!

Руби стащила с головы подушку и приподнялась.

— Я тебя умоляю, сестрица, у тебя еще с десяток камер. Ах, извините, пожалуйста, что я вас так обидела. Ну прости, — примирительно сказала Руби. — Мир?

Ванесса тупо глядела на Руби, крепко сцепив руки. Теперь понятно, что означают эти электронные послания. За сегодняшний день она получила их сотни. И как только ее не называли! Но обиднее всего — грязной лесбиянкой, снимающей порно. Похоже, друзья Руби перестарались. Они выставили отснятый ею материал в Интернете.

А что Дэн? Он и так считает ее наполовину извращенкой. Можно представить, что он думает теперь.

Днем накануне Рождества Дэн гулял по Интернету в поисках материала, посвященного творческому кризису. Но ни одного дельного совета. Только всякая чушь типа: «Совершите прогулку». Да он уже исходил весь Манхэттен, пытаясь сочинить хоть что-нибудь. Или: «Примите ванну». Он терпеть не мог принимать ванну. Они только вызывали у него сонливость. «Сделайте зарядку». — «Премного благодарствую». Он жил на сигаретах и кофе, что никак не вязалось с физическими упражнениями. На одном сайте рекомендовали даже понюхать кокаин. Ну да, можно себе представить: какой-нибудь писателишка наширялся и за одну ночь состряпал целый роман, а на следующее утро и вспомнить не мог, кто написал такое. Нет уж. Дэн мог себе позволить наклюкаться с друзьями на вечеринке, но заделываться кокаинщиком... Нет, это не для него. На другом сайте советовали написать первое слово, какое придет в голову, а потом двигаться дальше. Правда, говорили авторы, может получиться сплошной компот из слов, но это лучше, чем ничего. Дэн решил попробовать. Открыл чистую страницу своего черного блокнота и задумался.

Набил: «Телефон». Засигналил компьютер, подсказывая, что пришло новое сообщение. Дэн щелкнул мышкой и открыл почту. Писал Зеке, его лучший друг из «Риверсайда»: «Привет, посмотри вот эту ссылку. З.».

Дэн проигнорировал послание, решив, что Зеке опять что-то надыбал про баскетбол. И снова уткнулся в блокнот, не глядя на монитор.

«Телефон». А дальше что? Какое слово дальше?

В приоткрытую дверь его комнаты просунулась голова отца.

— Дэн, я в магазин за рогаликами. Тебе ничего не купить?

Дэн развернулся на крутящемся кресле, чтобы попросить отца купить большую банку черного кофе, и увидел, что тот аж обомлел, уставившись в монитор.

— Дженифер Хамфри — это ты? — завопил Руфус и ворвался в комнату, как разъяренный зверь. На нем была белая рваная футболка, седые волосы торчали в разные стороны, как у безумца.

Дэн развернулся к компьютеру. Сначала он узнал красную мохеровую шапочку Дженни. Потом... Кажется, это была ее попка со спущенными белыми трусиками. А какой-то парень с золотистокаштановыми волосами наклонился и приложился к ней, к попке, губами. Затем камера наехала на парня и запечатлела, как тот стягивает свои штаны, а дальше — с перебивкой — парочка уже катится по снегу, завернутая в его пальто и, кажется, занимается чем-то нехорошим.

— Дженифер! — снова заорал Руфус, брызжа слюной на монитор.

В дверях появилась Дженни: в голубом свитере, волосы затянуты в хвостик. Сама невинность.

— Что такое? — спросила она.

Дэн откатился на кресле, чтобы сестра могла взглянуть на экран.

— Ну что? — нетерпеливо переспросила Дженни. Она сделала только один шаг вперед и в ужасе закрыла рот ладошкой.

На экране была ее голая попа. Словно показывали фильм ужасов с ней в главной роли. «Как такое могло случиться?» — отчаянно думала Дженни.

Руфус ткнул пальцем на изображение в мониторе:

— Это ты и твой Нейт. — Его лицо исказила гримаса гнева.

Он был демократичным отцом. Позволял Дэну курить в комнате и выпивать. Купил Дженни туфли на платформе, когда ей было всего девять. Каково было ему видеть, что его дитя, Дженни, его доченька, полураздетая извивается под парнем. И эти кадры гуляют по

Интернету! Это просто невыносимо.

Онемев от ужаса, Дженни смотрела на экран: одни кадры сменялись другими, а потом повторялись снова и снова. Самые интимные моменты их с Нейтом взаимоотношений растиражировали по всему миру. Она вскрикнула и убежала в свою комнату.

Руфус еще какое-то мгновение тупо смотрел на экран, а потом спросил Дэна:

— Ты не знаешь, кто это мог сделать?

Дэн покачал головой. Он испытывал угрызения совести. Пока он упивался своим творческим кризисом и размышлял, стоит ли заняться сексом с Ванессой, этот гад Нейт совратил его малолетнюю сестру.

— Чтобы глаз с нее не спускал, — прорычал Руфус. — Я мягкий человек, но не позволю, чтобы моя дочь стала шлюхой.

Руфус похлопал сына по плечу и пошел в комнату к Дженни. Она лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, обложенная портретами Нейта.

— Дженифер! — Руфус старался говорить как можно спокойнее. — Я никогда не думал, что придется пойти на такой шаг, но у меня нет выбора. На все каникулы ты под домашним арестом. Никаких прогулок. Никаких карманных денег. Никаких телефонных звонков. Никаких электронных посланий. И никаких контактов с этим твоим Нейтом. Дэн будет следить, чтобы ты не сбежала, как коршун стережет свою добычу, потому что тебе больше нет веры.

Дженни села. Ее лицо покрылось красными пятнами, нижняя губка дрожала.

— Это несправедливо! — воскликнула она. — Я не знаю, кто это сделал. Я не виновата! Мы с Нейтом любим друг друга! Он водил меня на «Щелкунчика»! Мы ничего такого не делали!

Руфус взмахнул рукой, пытаясь успокоить ее.

— Ты слишком мала, чтобы рассуждать о чем-либо, особенно о любви, — твердо сказал он.

— Но папочка, я не знала, что нас снимают на камеру, — взмолилась Дженни, крепко прижимая к себе медвежонка панду.

Седые кустистые брови Руфуса вскинулись, и он задумчиво почесал небритый подбородок:

— Ты думаешь, это тебя оправдывает?

— А мне плевать! — воскликнула Дженни и швырнула медвежонка на пол и разразилась горячими слезами. — Мне плевать, что вы обо мне подумали! Между нами не было ничего такого.

Руфус присел на корточки и поднял с пола «Анну Каренину», которую дал почитать дочери. Покрутил в руке, а потом бросил книгу на кровать.

— Знаешь, что я скажу? Сиди-ка ты лучше дома и читай книжки.

Дженни зло спихнула ногой книгу на пол. Руфус грустно покачал головой, развернулся и вышел из комнаты, хлопнув дверью изо всех сил.

Дэн из своей комнаты все слышал, тупо уставившись в экран и наблюдая, как гнусные кадры до бесконечности мелькают на экране. Мало того что он увидел свою сестру в порносайте. Страшное сомнение закралось в его сердце. Рука оператора казалась ему подозрительно знакомой. Эти неординарные планы, близкие наезды, пока картинка не начнет размываться, затем резкий отъезд — и вот! изображение превращается в пятно на белом снегу... Ошибки быть не могло, Дэн даже не сомневался: это манера съемок Ванессы Абрамс.

Он выключил компьютер, ненавидя себя за то, что так долго смотрел эту пошлятину. А еще больше он ненавидел Ванессу и Дженни. Как они могли опуститься до такого... Дэн подвинул к себе блокнот и сразу же вспомнил про творческий кризис и про первое «спасительное» слово, которое поможет снять наваждение. Он взял ручку и написал это слово.

Шлюхи...

Н собирает друзей

Вы думаете, что деревенский дом на острове Маунт-Дезерт — это одинокое строение, а вокруг ни души? На самом деле Маунт-Дезерт застроен бесконечными огромными коттеджами, которые принадлежат самым богатым семьям Нью-Йорка. Каждое лето они привозят сюда своих детей, и те вместе проводят время — играют, дурачатся. Но вот детки подросли и пришла пора идти им в школу, и семьи разъехались по всему восточному побережью. Но год от года, каждый раз вновь приезжая сюда, они вспоминают старые добрые времена. Так, четвертого июля большой компанией они жгли фейерверки. И по сложившейся традиции накануне Рождества Нейт приглашает кого-нибудь из своих друзей, чтобы «запустить» кальян в музыкальной комнате. В это Рождество он осчастливил Джона и Райана.

Музыкальная комната обшита дубовыми досками, пол выложен плитками с подогревом, в углу — огромный каменный камин. На стенах олени рога — охотничьи трофеи дедушки. Есть и встроенный бар с выдержанными виски, с редкими коллекционными европейскими винами. А если откинуть толстый персидский ковер на полу, можно обнаружить люк, ведущий в бильярдную. В самом центре бильярдной на резных ножках из красного дерева стоит старинный антикварный стол, обтянутый красным велюром.

Нейт приготовил маленький кальян. Он прожил уже большую и длинную жизнь и, словно раненый боец, был обклеен пластырями с картинками из мультфильмов. Старый друг кальян. Нейт «подружился» с ним с тринадцатилетнего возраста, чуть позже к нему приобщились Джон и Райан. Встреча со «старым другом» была бурной.

Джон был одет в замшевую рубашку, джинсы-варенки и ковбойские ботинки. Ну вылитый чел из рекламы «Мальборо».

За неделю до экзаменов Джона исключили из школы в Диэрфилде за распространение марихуаны. Десять дней он проторчал на ранчо в Вайоминге, где ему втолковывали прописные истины о правильном образе жизни и любви к ближнему.

Нейт надел трубку на кальян и передал его Райану. Райану всего

пятнадцать, но он марихуанщик будь здоров, похлеще Нейта с Джоном. Проучившись в школе «Сент-Джуд» всего неделю, его турнули оттуда, и Райан перешел в школу-пансион в Гановере — не так давно там училась и Серена.

— По-моему, ты подрост, — сказал Нейт и обратился к Джону: — Скажи, он подрост?

Райан щелкнул зажигалкой. Он уже вымахал до метра восемьдесят двух и отрастил свои кудрявые черные волосы до плеч, почти как Флоу.

— Отзынь, — сказал Райан и поправил свои крутые штаны для сноубординга.

Райан затаился и передал трубку Нейту. Нейт посмотрел в окно. Солнце уже садилось, окрашивая стекла в багряный цвет. Зима стояла снежная, и дом был окружен двухметровыми сугробами. Там, за окнами, удивительно тихо: никаких тебе звуков проезжающего транспорта, никакой срабатывающей сигнализации. А если напрячься и прислушаться, то можно услышать, как бьется о скалы океан. Нейт любил шум океана. Иногда ночами он лежал и, закрыв глаза, упивался этим нарастающим гулом.

Нейт затаился, прикрывая сосуд рукой, чтобы оттуда выходило меньше дыма. Потом сделал еще одну затяжку, вознаграждая себя за двухчасовой труд по заполнению заявок на поступление. Он выдохнул дым, передал кальян Джону и закрыл глаза. Как хорошо быть вдали от города, от школы, от всех этих разговоров про будущее. Только здесь можно расслабиться и забыть про это чертовое поступление.

Джон сделал затяжку и поставил кальян на бильярдный стол. Взял бильярдный шар, стал катать его на своей ладони.

— Ну что, Нейт, — сказал он, — колись про эту порноссылку в Интернете.

Нейт замигал глазами, словно ящерица на ярком солнце.

— Что?

Наступила очередь Райана. Затянувшись, он начал пускать дым в потолок.

— Ну, та самая ссылка, где ты фигурируешь с девчонкой, у нее

такие черные кудряшки и пышна и грудка.

Нейт кивнул. Он понимал, о ком говорит Райан, но мгновение не мог припомнить ее имя.

— А, Дженифер, черт! — осенило его вдруг. — Дженифер.

— Ладно, пусть Дженифер, — сказал Райан. — Так ты что, не видел сайт?

Нейт покачал головой:

— Нет. Что за сайт?

Джон достал из подставки кий и начал крутить его в руках:

— Да об этом весь город говорит. Ты что, не заходил в Интернет?

Райан взял кусочек мела и понюхал его — только под кайфом можно додуматься до такого.

— Там целое кино про тебя и Дженифер. Как вы трахаетесь в Центральном парке.

Нейт взял в руки кальян. Он не помнил, чтобы они с Дженни трахались. Он вообще не помнил никакую Дженифер. Единственное, что приходило на ум, — это идиотские портреты, развешанные у кого-то в комнате. Он покачал своей обкуренной головой и хмыкнул. Порнофильм в Интернете? Нормально. Да они издеваются над ним. Он обхватил губами мундштук и сделал крепкую рождественскую затяжку. Ничего, скоро он окажется, где всякие там Дженифер с ее дурацкими портретами сотрутся в его сознании или останутся лишь маленькими точками.

Затрещал домофон, и раздался голос отца:

— Мы с мамой уже разлили коктейли в гостиной. Ты идешь?

Можете смеяться, но Нейт обожал общаться со своими светскими предками в обкуренном состоянии. Ура! Рождество! Его ждет хорошая выпивка!

Нейт передал Джону кальян и, нажав кнопку домофона, ответил:

— Иду. — Отпустив кнопку, кивнул Джону: — Еще по одной и расходимся. Давай!

Джон сделал прощальную затяжку:

— Так ты все еще встречаешься с этой Дженифер? — спросил Райан.

Нейт взял шар с цифрой «8» и пустил его по столу. Он пытался припомнить, на чем они с Дженни остановились, но всплывал лишь медвежонок панда, сидящий на ее кровати.

Забавно, как быстро он забыл главные слова: «Я тебя люблю».

— Да нет, — ответил он. — Вроде не встречаюсь.

Нейт выпустил друзей через черный ход, и те ушли, пробираясь сквозь сугробы. Потом, закрыв дверь, засунул кальян в большую жестяную коробку и спрятал в баре. И направился к родителям, чтобы выпить с ними джин с тоником и закусить свежими устрицами.

Мама Б приготовила сюрприз

Блэр приняла душ и надела розовое шелковое платье. Вышла на террасу и закурила. Ей сейчас думалось про Одри Хепберн. Как будто ей не думалось про Одри всегда!

Она решила упомянуть в своем очерке о способности актрисы менять облик. Какую бы роль та ни играла, какие бы одежды ни надевала — будь то твидовый костюмчик в «Забавной мордашке» или кружевное платье с немыслимой шляпкой («Моя прекрасная леди», эпизод на бегах в Аскоте), она всегда чувствовала себя непринужденно, приноравливаясь к любой обстановке и при этом оставаясь все той же Одри.

Блэр представляла, что, когда поступит в колледж, будет так же одеваться. Что ж, коль ей не суждено снимать с Нейтом квартиру в Нью-Хейвене, придется жить на пару с какой-нибудь из девчонок в общежитии. Она станет питаться в столовой, конечно же, ходить на занятия. Но ни за что не наденет эти дурацкие фирменные йельские рубашки, которые полнят, и ни за что не будет ходить с рюкзачком. Ей хотелось одеваться с достоинством, стильно, как Одри Хепберн. Блэр дымила сигаретой, пытаясь представить Одри в интерьере Йельского университета: допустим, на ней черное платье из «Завтрака у Тиффани», перчатки по локоть и жемчужное ожерелье.

И тут ее осенило. Она знала, как выстроит свой очерк! Она напишет что-то вроде сценария, представляя Одри студенткой!

Ведь мисс Глос говорила ей о творческом подходе. Это ли не творческий подход! Блэр вскочила на ноги и поскорее вернулась в домик, сгорая от желания приступить тотчас же. Она может и не пойти на эту дурацкую рождественскую вечеринку. Гораздо важнее поступить в Йель.

Серена стояла перед зеркалом, обвязываясь бирюзовым парео со стразами. Она все еще была в мокрых трусиках от купальника, в которые набился песок.

— Я думала, что ты переоденешься, — сказала Блэр.

Серена нахмурилась:

— Не хочется.

Все считают, что она нарядится как куколка ради этого Флоу, но с какой стати? Но даже в таком виде Серена оставалась самой красивой девушкой на острове.

— Ты что, отправишься на вечер в купальнике? — удивленно спросила Блэр.

Серена кивнула.

Блэр вытащила из сумки ноутбук и положила его на кровать.

— По-моему, ты разочаруешь публику. Серена плюхнулась на постель Блэр:

— Возможно. — Она пристально посмотрела на подругу, которая засела за компьютер и что-то судорожно набивала. — Что ты там строчишь?

— Пишу сценарий. — Блэр уже напечатала дату, 24 декабря, и рабочее название: «Одри идет учиться в колледж». — Я, пожалуй, не пойду на вечеринку, поработаю.

— Кто бы говорил о разочаровании! Майлз горит от нетерпения, чтобы пообщаться с тобой. Нет, я без тебя никуда не пойду, — заявила Серена и положила голову на плечо подруге. — Ну, разве ты не хочешь отметить Рождество?

Блэр сосредоточенно покусывала нижнюю губку.

— Хочу, но поступить в университет мне хочется больше.

Серена дотянулась до компьютера и захлопнула крышку.

— Послушай, я буду паинька, — она вскочила на ноги, — только пойдем, пожалуйста.

Блэр вздохнула. У Серены определенный талант переходить от уныния к веселью.

— Ладно. Но если я не поступлю, виновата будешь ты.

Майлз и Аарон ждали девушек в баре. Аарон уложил свои дреды: по бокам они были приглажены, а на макушке торчали. На нем были черные брюки и черный пиджак, под пиджаком — серая футболка. Если бы он не был сводным братом Блэр, она бы сказала, что он очень даже ничего.

Аарон был в восторге от облика Блэр: она уже подзагорела, а немного выгоревшие от солнца волосы отливали золотом. Розовое платье свободного кроя, но облегающее где надо. Она божественна, но, конечно же, он никогда не произнесет этого вслух. Рядом с ней он чувствовал себя роботом, так как боялся ляпнуть что-нибудь невпопад.

— Пойдемте сядем, — предложил он, обращаясь ко всем и ни к кому в отдельности. — Твоя мама и мой отец хотят сказать нам какую-то новость. Они ждут тебя около часа.

Блэр отыскала взглядом мать, Сайруса и Тайлера, дружно сидящих за столом.

— Ну конечно, умираю от любопытства. Но сначала выпьем, — сказала она.

— Ладно, только оперативно, — согласился Аарон.

С этим у Блэр нет проблем. Майлз улыбнулся:

— Ты очень красивая, Блэр.

Аарон весь сжался. Ведь то же самое мог сказать и он.

Майлз тоже был ничего: в черной рубашке с белыми пуговицами, в бежевых брюках и кожаных сандалиях — серьезная заявка. Блэр невольно улыбнулась, глядя на него. Все-таки хорошо, что она пришла на праздник.

— Ты очень любезен, — ответила.

Серена поправила узел на парео и посмотрела вокруг, выискивая в толпе Флоу. Часть столов отодвинута, чтобы расчистить место для танцев: на сцене расставлена аппаратура группы «45» и музыкальные инструменты. Но самих участников группы нигде не видно.

— Они начнут в девять, — пояснил Аарон, прочитав мысли Серены. — Я спросил у бармена.

Серена ничего не ответила. До девяти оставалось двадцать минут, и она вовсе не горела желанием увидеть Флоу.

Блэр опрокинула водки с тоником и передала пустой стакан Аарону.

— Ну вот, теперь я в полной готовности. Ресторанчик курорта Isle de la Paix в канун Рождества — прелюбопытнейшее зрелище. В

дальнем конце супермодель из Англии кормила с ложечки своего маленького сына. Рядом с ней, держась за руки со своим голливудским мужем, сидела ну очень беременная звезда из телесериала «Друзья». Народ, пришедший на праздник, бронзовокожий, в стильной одежде; они лакомятся люцианом, который был зажарен целиком и подан на отдельных тарелках. На столе были расставлены закуски: цельный поджаренный молодой картофель, приправленный черной икрой, и тушеная черемша.

— Дорогой мой мальчик, — сказала Элеанор, когда ребята расселись за столом, — мы приправим угощения кое-какой новостью.

Сайрус заказал две бутылки шампанского, официант наполнил бокалы.

Мать Блэр хихикнула и заговорщицки посмотрела на мужа. Он похлопал ее по ладошке и откашлялся.

— Итак, я больше не могу держать в себе этот секрет. — Элеанор глубоко вздохнула, выпрямилась и выпалила: — У нас с Сайрусом будет ребенок.

В этот самый момент Блэр обдумывала первый эпизод своего сценария. Но слова матери настигли ее, перевернув весь мир с ног на голову. Лицо ее исказила гримаса удивления, смешанного с отвращением. Блэр посмотрела на мать:

— Что?

— Конечно, мне уже сорок семь и рожать поздновато, даже по понятиям Нью-Йорка. Но доктор сказал, что я вполне здорова и беспокоиться не стоит. — Она хихикнула. — Правда, меня может разнести как бочку.

На какое-то мгновение за столом воцарилась тишина. Сайрус обнял Элеанор и легонько ущипнул ее за бочок.

— Теперь можете говорить, только не перебивайте друг друга, — сказал он смущенно, поглаживая свободной рукой свой толстый живот.

Серена не могла быть невежливой в такой ситуации.

— Это же прекрасно! — воскликнула она как можно бодрее.

Она вскочила с места, подошла к Элеанор с Сайрусом, наклонилась и поцеловала их в щечки. Блэр готова была лягнуть

подругу. Стала бы она так миндальничать с собственной мамочкой!

— И когда ожидаете пополнения? — спросила Серена, возвращаясь на свое место.

Элеанор вся сияла:

— Восемнадцатого июня.

Блэр молчала. У нее было такое чувство, будто ее шарахнуло по голове пролетающей в небе пальмой, на всю оставшуюся жизнь лишив дара речи.

Аарон, обеспокоенно взглянув на Блэр, поднял бокал.

— Поздравляю, — сказал он отцу и Элеанор, надеясь, что Блэр присоединится к его словам.

Блэр словно язык проглотила. Аарон тихонько толкнул ее ногой под столом. Майлз сидел рядом с Блэр, нервно барабанил по столу пальцами, решая, как бы ему смыться. Хотя он и был другом Аарона, но перед ним разыгрывалась слишком уж семейная сценка.

Элеанор потянулась через стол и погладила Блэр по руке:

— Надеюсь, теперь ты возьмешь фамилию

Сайруса, дорогая. У нас будет большая дружная семья.

Элеанор и Тайлер взяли фамилию Роуз, а Блэр отказалась. Блэр Роуз. Что это такое? Звучит как название туалетной воды.

— Конечно, ты еще можешь подумать, — прибавила Элеанор.

Блэр вынула руку из-под ладони матери. Не будь она зажата с обеих сторон Сереной и Майлзом, она давно бы убежала. Блэр взяла бокал с шампанским и опрокинула его одним залпом.

— А где вы поставите детскую кроватку? — спросил Тайлер. Он намазал кусок французской булки маслом и отправил ее в рот. — Ведь комнату для гостей уже занял Аарон.

Родители обменялись взглядами: вопрос застал их врасплох. Элеанор пожала плечами:

— Ну, поскольку Блэр и Аарон осенью пойдут в колледж, то на время каникул они вполне могут обитать в гостевой. А детскую устроим в комнате Блэр.

Аарон почувствовал, как у него запылали щеки. Блэр зло

сощурила глаза на свою мамочку, на ее дурацкий пучок, перехваченный эластичной лентой. И так, они отнимают у нее комнату, чтобы поселить туда своего маленького монстрика?

Она хотела сказать матери какую-нибудь гадость, но тут грянула музыка. Группа «45» начала свое выступление. Ох и громко же они играли!

Майлз взял за руку Блэр:

— Пойдем танцевать?

Блэр, не говоря ни слова, сорвалась с места, едва не потянув за собой скатерть. Она увлекла Майлза в центр зала.

Не зря группа «45» получила приз MTV. Они заводили своей музыкой. Серена тоже не могла усидеть на месте. Схватив за руки Аарона и Тайлера, она заставила их встать.

— Пошли, пошли! — воскликнула она. — Потанцуйте со мной!

Серена притопывала босыми ногами, закрыв глаза, крутя головой и виляя бедрами. Музыка растекалась по ее телу, и она полностью отдалась танцу. В своем бирюзовом парео и белом топе она была похожа на русалку, выбравшуюся на берег. Флоу пел, неотрывно наблюдая за ней. Эта девушка была воплощением всех его песен.

Блэр же в танце выплескивала всю свою злость: она колотила по воздуху кулаками, дрыгала ногами и мотала головой, хлестая Майлза по лицу своими длинными волосами. Сейчас она мало чем напоминала Одри Хепберн. Ее розовое шелковое платье прилипло к потной коже, но ей уже было все равно. Хуже от этого она, конечно, не выглядела. И Майлз не мог оторвать от нее глаз.

Третья песня была медленная, и на площадку вышли взрослые пары. Серена подлетела к Тайлеру, хитро посмотрела на него сверху вниз и положила его руки себе на бедра. Тайлер покраснел, но рук не убрал. Он чувствовал себя счастливчиком. Даже у одиннадцатилетних мальчишек срабатывают мужские гормоны.

Песня была спокойной и очень эротичной: Майлз обнял Блэр за талию и притянул ее голову к своей груди. Блэр не сопротивлялась. Наоборот, она еще крепче прижалась к нему. Она так дрожала от злости и отчаяния, что ей хотелось забыть обо всем, успокоиться. Блэр подняла голову и посмотрела в его глаза цвета миндаля. Водка и

шампанское уже дали о себе знать. Она и понять не успела, как уже целовалась с Майлзом, ритмично покачиваясь с ним в танце.

Аарон стоял возле барной стойки. Он долго и пристально наблюдал за Майлзом и Блэр, потом отвернулся и сделал глоток текилы, потом еще глоток и еще. Он понимал, что не смог бы успокоить сейчас свою сводную сестру. Но с другой стороны, Блэр и Майлз так откровенно прижимались друг к другу. Слава богу, песня кончается. Может, он разобьет их, когда начнется следующий танец. Аарон закурил, сделал две быстрые затяжки и притушил сигарету в пепельнице. Он стал пробираться через толпу. Флоу допевал последние слова песни.

Но когда Аарон добрался до места, где только что танцевали Блэр с Майлзом, те уже уходили прочь по аллее мимо кустов гибискуса, растущих вдоль бассейна. Они направлялись к домикам.

Аарон так и застыл посреди толпы с засунутыми в карманы руками. Похоже, пригласить Майлза на Сент-Бартс было не такой уж хорошей идеей...

Группа Флоу заиграла более резвую музыку: звучала песня-хит «Поцелуй-целуй». Серена подбежала к Аарону и начала прыгать вокруг него, как заводная игрушка.

— Давай, слабак, танцуй! — воскликнула она.

Аарон улыбнулся и, как несчастный ослик, поплелся за Сереной в самую гущу танцующих. Ему нужно было отвлечься, а Серена умела заряжать своим весельем. Аарон скинул пиджак и подбросил его вверх. Он начал яростно отплясывать, а вместе с ним подпрыгивали и его дреды.

Потом у Серены развязалось парео и упало на пол, но она продолжала танцевать. Музыка играла все громче, все быстрее, ее спутанные волосы взметались вверх, руки вскинуты над головой.

Серене нравилось, как танцевал Аарон: он двигался всем телом, не то что другие парни, которые только мотают головой и переступают с ноги на ногу. Аарон был обворожителен. Серена сократила дистанцию, призывно покачивая бедрами. Почему она раньше не замечала, какой он классный парень?

Флоу смотрел на все это и уже мысленно отказывался от некоторых песен. Он страдал: любовь всей его жизни танцевала с

другими, и она была почти без одежды. Единственное, что могло спасти ситуацию, — это не петь больше лирических песен.

Поздно. Потому что кое-кто уже танцевал медленный танец в другом месте. В постели...

Б хочет лишиться ее раз и навсегда

Может, все дело в жаре, а может, оттого что жизнь пошла сикось-накось, Блэр решила: нужно резко что-то в своей судьбе изменить. Она была уверена, что идет с Майлзом к его домику с определенной целью — заняться сексом. Вообще-то скорее она сама тащила Майлза за руку.

— Может, лучше пойдем к тебе? — предложил он. Потому что в домике, где жили Майлз, Аарон и Тайлер, царил полный бардак.

Но Блэр знала, что Серене нужно будет спастись от Флоу, поэтому сказала:

— Возможно, Серена придет туда не одна. Как думаешь, Аарон не очень разозлится на тебя?

— Нет, — ответил Майлз, пропуская Блэр в домик и закрывая раздвижную дверь. — Я уже стал переживать, что не нравлюсь тебе.

Он включил свет и поморщился, испытывая неловкость перед девушкой: на полу там и сям была разбросана одежда, валялись CD-плееры. На тумбочке торчком стоял ополовиненный банан: наверное, горничные не заметили его, перестилая постели. На подушках лежало по горсточке шоколадных конфет — привет от администрации.

Половинка банана? Ах, как эротично!

Блэр скинула сандалии, стянула через голову платье и бросила его в кучку мальчиковой одежды на полу. На ней остались только стринги.

— Ты мне нравишься, — сказала Блэр с похотливой ноткой в голосе и упала на постель Майлза. — Иди ко мне.

Майлз стянул с себя футболку, скинул ботинки и лег рядом. Он взял с подушки шоколадную конфетку, развернул обертку и положил конфетку в ротик Блэр.

Блэр притянула к себе голову Майлза, поцеловала его, подталкивая языком конфету ему в рот. Сейчас она точно не собиралась вести себя, как Одри Хепберн. Одной рукой она стала расстегивать ремень Майлза, а другой стягивать с себя трусики.

Здравствуй, женщина! Прощай, девочка!

Протанцевав еще под несколько песен, Серена, Аарон и Тайлер вернулись к своему столику.

— Как тут весело! — воскликнула Элеанор. Она уже проглотила целого люциана, тарелку молодого картофеля, приправленного черной икрой, и изрядную порцию черемши. Сейчас она приступила к шоколадному суфле. Она радовалась, что молодежь веселится. Правда, Элеанор даже и не заметила, что ее дочь с Майлзом куда-то исчезли.

Аарон хмуро ковырял вилкой свой холодный шпинат и черемшу.

Тайлер оторвал голову рыбине и с криком:

— Берегись! Летающая рыба! — кинул ее в Аарона.

— Тайлер! — прошипела Элеанор.

Аарон успел перехватить руку Тайлера, и рыбья голова упала тому прямо в тарелку.

— Все нормально. К тому же я не голоден.

Серена не понимала, что творится с Аароном. Может, бедный вегетарианец голоден?

— Держи, — сказала она и стала промокать салфеткой картофелины. — Поешь, я уберу с картошки икру.

Она была так занята картофелиной, что даже не заметила, как музыканты сделали перерыв.

— Серена! — раздался над ней голос Флоу. Серена подняла голову. Над ней возвышался Флоу в черных брюках, с обнаженным торсом: шея и плечи блестели от пота. Темные вьющиеся волосы ниспадали на глаза, щеки пылали, как горячая бронза, а взгляд искрился от адреналина. Серена протянула Аарону картофелину, сама же подцепила вилкой кусочек рыбы и отправила его в рот.

— Привет, — сказала она, уплетая за обе щеки.

Флоу поздоровался с Элеанор и Сайрусом.

— Садись с нами, сынок, — предложил Сайрус. — Ты как выжатый лимон. Потрясное исполнение. Фантастическое.

Много он понимал в рок-н-ролле!

Флоу извинился, что не может присоединиться к ним:

— Спасибо, но у нас короткий перерыв. — Он повернулся к Серене, глаза его горели. — Тебе нравится?

Серена рассмеялась и взяла еще кусочек рыбки. Разве он не видел, как она отплясывала?

— Конечно. Клевая музыка, заводит с пол-оборота.

Флоу облегченно выдохнул:

— Я рад. Мы исполним еще пару песен, а потом я бы хотел угостить тебя и преподнести рождественский подарок.

Серена хлебнула минеральной водички. Она никак не могла остыть от таких горячих танцев. Подарок? Но Рождество еще не наступило.

— Знаешь, я подустала немного. Давай позавтракаем вместе? Ведь Рождество еще не наступило.

— Позавтракаем? — удивился Флоу. Простите, она что, забыла? Он рок-звезда. И вставал не раньше полудня.

— Ну да. Где-нибудь часиков в десять, — проворковала Серена.

Бас-гитарист взял аккорд, а барабанщик отбил легкий ритм, давая Флоу знак, что пора возвращаться на сцену.

— Хорошо, — сказал Флоу. И наклонился к Серене, чтобы поцеловать ее в губы. — Только не забудь.

Серена улыбнулась своей обворожительной улыбкой.

— Как я могу!

По залу волной прошелся шепот:

— Вы видели?

— Говорят, она еще крутит роман с гитаристом.

— Они что, действительно собираются пожениться?

— А это правда, что они заодно и наркотики перевозят?

Несколько девчонок восторженно взвизгну ли, когда Флоу запрыгнул на сцену и взял в руки белую гитару. Он поправил

микрофон тонкими музыкальными пальцами, взгляд его был устремлен на одну-единственную девушку в зале.

— Песня для Серены, — сказал он взволнованно. И взял первые аккорды своей любимой песни «Темный рыцарь». Теперь-то он знал, для кого писал эти стихи.

И где б ни бродил я, всегда
Мне светит твоя звезда.
Я буду с тобою, родная,
От ног твоих волков отгоняя.

* * *

Серена сидела откинувшись назад и слушая, как Флоу изливает свою душу. Конечно, она была польщена. Флоу пел восхитительно, а когда он брал высокие ноты, это было так сексуально.

Вдруг Аарон поднялся со своего места.

— Потанцуем? — оживилась Серена.

Аарон покачал головой.

— Я, пожалуй, пойду к себе, — пробормотал он.

Серена тоже встала, обеспокоенная странным поведением Аарона.

— Я пойду с тобой, — сказала она, начисто забыв про Флоу.

Протиснувшись сквозь толпу танцующих, они вышли в парк и направились по тропинке к домикам. Серена любовалась сверкающим в лунном свете зеленым морем, белым пляжем и вспомнила летние ночи, когда они с Блэр гостили у ее отца в Ньюпорте. Подруги сидели в доме, пили martini, а потом выбегали на улицу и неслись по песку к морю и прыгали в его прохладные прозрачные воды.

Серена не удержалась и предложила:

— Пойдем искупаемся?

— Нет, не хочется, — сказал Аарон. — Ты иди.

— Точно не пойдешь?

Аарон кивнул:

— Точно. Только смотри, не заплывай далеко.

— Не беспокойся! — крикнула Серена и побежала к морю.

Она пронеслась по песку, вошла в воду, загребая ногами, и, нырнув, с наслаждением ощутила, как холодные воды обвили ее тело. Она долго плыла под водой, как тюлень, а потом вынырнула и жадно глотнула ночной воздух. Иногда жизнь бывает прекрасна просто сама по себе...

Плохо, когда не можешь найти собственную одежду

Блэр хотела, чтобы все произошло как можно скорее, но Майлз все тянул и тянул, исследуя дюйм за дюймом ее тело: так осматривает больного дерматолог в поисках какой-нибудь экземы или меланомы. Блэр пыталась расслабиться и получить удовольствие от того, что Майлз облизывает подошву ее стопы, но она вдруг представила Нейта и подумала: вот если бы он был на месте Майлза, то давно бы уже сделал свое дело.

Когда Нейт загорался, он был как дикарь. В том смысле, что дрожал от страсти. Блэр всегда стоило большого труда сказать ему «нет» и объяснить, что она еще не созрела для этого. В такие минуты она старалась как-то сдерживать Нейта, отвлечь.

Отвлечь?

Но как раз сегодня она бы его не остановила, они давным-давно лежали бы в объятиях друг друга, разомлевшие, любовались бы в окно звездами, покуривали сигаретки и мечтали о будущем.

Майлз обмусолил одну стопу и приступил к другой: он легонько покусывал большой палец Блэр, на котором красовалось алмазное колечко. Блэр поморщилась от боли. Вот с Нейтом все было бы совсем по-другому. Они были как соседние фрагменты из пазла, вместе составляя единую картинку. И Блэр уже совсем не понимала, какого черта она, голая, лежит на чужой кровати и каком-то отеле на каком-то острове посреди Карибского моря. Этот Майлз все лижет и лижет ее ножку, а Нейт торчит в холодном штате Мэн совсем один и, может быть, даже думает о ней.

Блэр аккуратно вынула свой пальчик изо рта Майлза и встала.

Майлз высунул голову из-под простыни:

— Что-то не так?

— Мне нужно идти, — сказала Блэр, даже не глядя на Майлза. Она наклонилась, пытаясь нащупать в темноте свое платье.

Майлз сел, ссутулившись на краешке кровати, и нервно забарабанил пальцами по ноге:

— Я хотел, чтобы была прелюдия, чтобы у нас все было медленно.

Мы уже заметили.

Блэр ничего не ответила.

— Черт, куда подевалось мое платье? — пробормотала она.

И тут зажегся свет, и Блэр увидела, что платье брошено на гору мальчиковой одежды возле кровати. А в дверях, между прочим, стоял Аарон, но он даже и не подумал извиниться и потом быстренько выйти из комнаты (как и положено воспитанным сводным братьям), он просто застыл на месте, тупо уставясь на голую Блэр.

Блэр почувствовала стыд. Стыд сменился гневом. Да как он смеет? Как он смеет плясать на нее? Он же ее сводный брат!

Аарон понимал, что должен повернуться и уйти, но его ноги словно приросли к полу. Майлз нагнулся и поднял платье Блэр.

— Ну ты... — сказал он, обращаясь к Аарону, и кинул Блэр платье.

Она натянула его через голову и с победоносным видом прошла мимо Аарона к выходу.

— У тебя какие-то проблемы? — прошипела она.

И ушла. Ответ ее мало интересовал.

Домик Блэр и Серены был метрах в десяти. Но Блэр и не думала идти туда. Она направилась в сторону пляжа. Когда ее ноги коснулись песка, она побежала. Она бежала изо всех сил, пока не достигла моря. Вот и вода, она прыгнула на волну, глотнула воздуха и, нырнув, поплыла на пределе своих сил. Платье, конечно, будет испорчено. Но ей теперь все равно. Она плыла под водой так долго, пока легкие не дали о себе знать, они готовы были разорваться. Только тогда она вынырнула. Она жадно глотнула воздуха и проморгалась: глаза щипало от соленой воды.

Светила яркая луна, над морем эхом разносилась музыка с рождественского праздника. Группа «45» уже закончила свое выступление, и ди-джей поставил песню Майкла Джексона. Потом Блэр увидела на берегу знакомый силуэт: какая-то светловолосая девушка в белом купальнике.

Да это же Серена.

— А где Майлз? — крикнула Серена, сложив рупором ладошки.

— А пошел он! — крикнула в ответ Блэр. — А где Флоу?

— А пошел он, — вторила ей Серена.

Девушки дружно рассмеялись. Блэр немного проплыла на спине, упиваясь луной. Потом перевернулась и поплыла к Серене.

— Я хочу завтра уехать, — сказала она, выходя на берег.

Блэр не терпелось сесть за сценарий. Плодотворная работа здесь, подле беременной мамочки, невозможна, да и чокнутый сводный братец со своим долговязым дружком глаза мозолят.

Серена воздержалась от комментариев, но все же запротестовала:

— Но завтра Рождество... Твоя мама расстроится.

Блэр шла и отжимала свои мокрые волосы: вода капала на песок и рисовала тонкую длинную дугу.

— Мне плевать, что мама расстроится, — парировала Блэр.

Две подруги, возбужденные от морского променада, медленно направлялись через пляж к домикам. Гул прибоя завораживал, и они тихо наслаждались обществом друг друга. Вот так бы идти и идти без конца...

Когда они приблизились к своему домику, то на ступенях увидели большую птичью клетку из кованого железа, сверху на клетку был накинут кусок ткани в красно-белую полоску.

Здрасьте, приехали.

Серена подняла клетку за медную ручку и внесла ее в дом. Блэр включила свет, и Серена поставила клетку на тумбочку. Сняла ткань.

На деревянной жердочке сидел роскошный зелено-синий попугай с желтым клювом. Бусинки глаз в упор смотрели на Серену.

— Я люблю тебя, Серена! Я люблю тебя, Серена, — проскрипел попугай. — Выходи за меня замуж. Выходи за меня замуж, — проверещала птица и взъерошила перья.

Серена быстро набросила на клетку кусок ткани и отступила. Конечно, Флоу совершенно очаровательный человек и очень щедрый, но это уж чересчур. Она взглянула на Блэр:

— Так ты говоришь, что завтра уезжаешь?

— Да, — решительно ответила Блэр. Она стянула с себя мокрое платье и кинула его в мусорную корзину.

Серена подошла к стенному шкафу и сняла верхней полки свой красный чемодан.

— Я уезжаю с тобой.

SPLETEN.NET

*Все имена и названия изменены или сокращены
до первых букв, чтобы не пострадали невинные.
То бишь я.*

народ!

УРА! С РОЖДЕСТВОМ!

Знаю, что В не справляет нынешнее Рождество, но у меня есть для нее сюрприз. Из этой ссылки, что бродит нынче по сети, может получиться нечто стоящее.

А именно:

Q: Дорогая Сплетница!

Меня зовут Кен Могул, я снимаю альтернативное кино. Может быть, вы видели мой фильм «Морской конек» с Хло Севиньи и Тоби Мэгвайером. Эта картина сейчас продается на DVD. Я посмотрел кадры, которые вы обсуждали на этом сайте, и у меня к вам просьба. Я хотел бы связаться с автором этой короткометражки. Это очень талантливый человек, и я с радостью предложил бы ей (или ему) сотрудничество. Заранее благодарю. У вас отличный сайт.

— КМ

Я взяла на себя смелость и выполнила роль Санта-Клауса и волшебной феи в одном флаконе. Я раскрыла мистеру Могулу имя В и сказала, что она живет в Бруклине и т. д. Так что выше нос, В, сегодня ты сияешь на порносайтах, а завтра, глядишь, и окажешься на Каннском кинофестивале.

ДРУГИЕ ВАШИ ПИСЬМА

Q: Привет, Сплетница.

Я слышала, что С снова занялась наркотиками, а ее помолвка с Ф чисто для отвода глаз. На самом деле она отправилась на Сент-Бартс для встречи с наркокурьером. Она собирается переправить через границу приличную партию. Это вам для сведения.

— Внутренний источник

A: Дорогой Внутренний источник!

Я тоже слышала это про С. Но не забудь, что таможня бдит.

— Сплетница

Q: Дорогая Сплетница,

у моих родителей дом на Маунт-Дезерте. Мы как-то с друзьями ходили кататься на санях тобоган. Там был и Н. Я слышала, что у него в Нью-Йорке девушка, но он без устали кадрится со всеми, и со мной в том числе, и всегда такой обкуренный, что я побоялась садиться с ним одни сани.

— Тыквочка

A: Дорогая тыквочка.

Может, просто Н находится в поисках родственной души. А я бы на санках с ним покаталась.

— Сплетница

ОБЕГАЯ ВЗГЛЯДОМ

Б и С взяли в аэропорту такси до Пятой авеню. Они такие загорелые и счастливые! К с И снова вместе. А на острове Сент-Бартс какой-то парень в футболке с надписью «Isle de la Paix» возвращает в зоомагазин клетку с большим зелено-синим попугаем.

ЗАГАДАЮ ЖЕЛАНИЕ

Мне подарили почти все, что я перечислила в своем рождественском списке пожеланий, включая оранжевую сумочку от Гермес Биркин. Вы, конечно, считаете меня испорченной девчонкой, но я заслужила этот подарок. Но вот одно мое желание еще не исполнилось. Но это ничего, потому что через пять дней — Новый год. Будем надеяться, что С выберется на праздник, и кто знает, может, там она снова повстречает Флоу?

Увидимся в новогоднюю полночь!

Признайтесь, вы от меня без ума.

СПЛЕТНИЦА

Заточенная в башне

Целыми днями Дженни читала и мечтала. Сидя под домашним арестом, она чувствовала себя принцессой, заточенной в башне: правда, у нее, у Дженни, не было волос до пят да и грудь была слишком большой для принцессы. Свои белые стринги Дженни запрятала в самый дальний угол комода: пусть дожидаются следующей встречи с Нейтом. До Нового года не так долго и осталось. Дженни втайне надеялась, что Нейт, соскучившись по ней, вернется в Нью-Йорк и однажды ночью по пожарной лестнице проникнет в ее комнату. Она часами представляла, как все это будет происходить.

Бедный Нейт... торчит в этом холодном штате Мэн. Вчера было Рождество, и он наверняка весь день смотрел с родителями старые фильмы, с тоской глядя в окно на падающий снег и страдая оттого, что не может поговорить с ней по телефону. Но Дженни не страшилась, она мужественно перенесет даже это: вынужденная разлука только укрепит их любовь. Но все же надо как-то подать знак Нейту, что она любит его и думает о нем. Поэтому она решила собрать ему посылку.

Она нашла коробку из-под обуви и обклеила ее фольгой. Положила в нее зачитанную до корки книгу «Ромео и Джульетта». Разве эта пьеса не про них с Нейтом? Ведь они тоже любят друг друга, и им запрещают видеться, и все-таки побеждает любовь. Конечно, они с Нейтом не умрут, как герои Шекспира. Они поженятся, у них будет много детей, а через сколько-то лет они расскажут своим внукам, как однажды зимним солнечным днем они прогуливались по парку и что сама природа, ее органика, соединила их сердца.

Потом Дженни добавила два черничных пирожных в вакуумных обертках. Это было ее любимое лакомство — правда, из-за большого количества калорий она ела их редко. Дженни представляла, как Нейт будет вкушать пирожные и с тоской думать о ней.

Потом она положила свою фотографию. Дэн сделал ее прошлым летом около бассейна в мотеле города Херши. Отец тогда решил устроить уикенд и свозил их с братом в штат Пенсильвания. Дженни нравилась эта фотография, на ней она в желтом платье, волосы ее

красиво блестят, а руки застыли в такой позе, что большая грудь не очень бросается в глаза.

Дальше она положила программку «Щелкунчика» — намек на то, что все началось в тот самый день, самый счастливый день в ее жизни.

И еще Дженни отрезала свой локон и перевязала красной ленточкой. Она пошлет его Нейту.

Правда, немного чудно: чаще люди хранят локоны умерших близких. Но все равно Джейн хотелось, чтобы Нейт представил, будто она рядом.

Посылка была готова. Джейн накрыла коробку крышкой и обернула разворотами страниц из молодежных журналов, закрепила их скотчем. Сверху наклеила бланк и вписала адрес. Прилепила марки, украденные из стола отца, прошла на кухню и открыла дверь, выходящую на лестницу. Вот вам одно из преимуществ проживания в старом доме: в новых домах почтовые ящики висят внизу, а здесь почтальон садился в служебный лифт, оставлял почту на стойках возле черных ходов и там же забирал ее. Джейн положила коробку на пол возле стойки и нахмурила бровки: может, стоит добавить туда стринги? Нет, будет слишком развязно. И потом, ведь трусики — рождественский презент Нейта. Еще подумает, что она обиделась и возвращает подарок обратно.

На кухню вошел Дэн и застал сестру у раскрытой двери.

— Ты что там делаешь? — спросил он с подозрением. Дэн неукоснительно выполнял поручение отца.

— Почту проверяла. — Дженни захлопнула дверь и критически окинула брата взглядом: волосы взъерошены, футболка заляпана кофе. — Ну и видок у тебя!

Дэн насыпал растворимого кофе в свою кружку и налил горячей воды прямо из-под крана. Отпил немного.

— Я пишу стихотворение, — пояснил он. Дженни открыла холодильник и потянулась было к баночке кофейного йогурта, но мысленно остановила себя. Закрыла холодильник. Не хватало еще растолстеть, переживая разлуку с Нейтом.

Дэн подул на кофе и пристально посмотрел на сестру:

— Ты ведь знаешь, что это сделала Ванесса? Это она сняла вас в парке?

Дженни повернулась, поправила через одежду бретельку лифчика. Она видела те кадры на компьютере Дэна только один раз, и то мельком. И даже не задумалась, кто сделал их. Тем более при чем тут Ванесса?

— С чего ты взял? — спросила Дженни. Дэн пожал плечами:

— Посмотри фильм и поймешь. Это ее манера. Дженни скрестила руки на груди:

— Нет уж, спасибо. А если даже и Ванесса, что такого?

Дженни помогала Ванессе выпускать школьный журнал, и они отлично ладили. Если уж она и засняла их в парке, наверняка сможет это объяснить, как и то, почему фильм попал в Интернет.

— Я просто говорю, чтобы ты знала, — произнес Дэн и направился к себе в комнату. Он уже сотню раз пробовал жонглировать словами, чтобы сложить стихотворение «Шлюхи».

Шлюха, раб, бритая голова, черные кружева, холод, не права, слезы, бессонница, пятна кофе...

Это будет гневное сочинение. О том, что дорогой тебе человек оказался совсем иным, нежели ты его представлял. О Дженни: она не так уж чиста и наивна, его сестричка. О Ванессе: девушка в неприличном кружевном белье, снимающая интимные моменты чужой жизни ради собственной популярности.

Дэн попытался развернуть слова в смысловые строчки.

Сон с моих глаз стряхни,
еще налей мне кофе, налей.
Что наделала ты, и стало еще больней.
Я вспоминал, пока бессонница не подкосила:
Ты брила голову,
черное кружевное белье носила,
шептала слова на ухо.
И все же ты шлюха...

Дэну понравилась прямота, с какой он излил свои чувства. Он писал эти строчки, и уверенность, что он может заполнить страницу смыслом, возвращалась к нему. Когда Дэн закончил, он уже знал, что пошлет Ванессе электронное сообщение. Он смог выразить себя, обратиться к ней единственно возможным для себя способом — через поэзию...

В знает, как извиниться

Руби просунула голову в комнату Ванессы. Она нацепила черный кожаный пиджак, джинсы и остроносые туфли на шпильке. Только что обрезала челку бритвой. Суперэкстремально.

— Почта не приходила?

Ванесса покачала головой. Родители разъезжали по Европе и не прислали ни единой открытки.

— Кто-нибудь звонил? А электронная почта была?

Ванесса снова отрицательно покачала головой.

— Может, пойдем со мной в «Медяк»? Вообще-то у тебя каникулы начались.

Ванесса пожала плечами и застегнула до самого подбородка молнию на своей черной толстовке с капюшоном. Она все еще злилась на сестру и хотела сейчас только одного: поговорить с Дэном.

Они не перезванивались с той самой пятницы, когда Ванесса ушла от него, и это был огромный срок. Она хотела ему все объяснить, что история с порносайтом произошла не по ее вине и что она купила белье «Секрет Виктории» с единственной целью — понравиться ему. Она хотела сказать, что друзья не должны быть в ссоре так долго и что всегда найдется выход, нужно просто объясниться. Ведь Дэн прекрасно ее знал. Как мог он поверить, что Ванесса способна на такое. Как мог унижить ее, когда она предстала перед ним почти нагая. Да вообще это он должен извиняться первый.

— Ладно, принесу тебе что-нибудь поесть, — сказала Руби и ушла.

Уже в сотый раз Ванесса проверяла, не поступило ли электронное сообщение от Дэна.

Ура! Дэн прислал стихотворение! Она подкатила стул к компьютеру и кликнула на вложение. И начала читать. Она трижды перечитала его с экрана, потом распечатала и снова перечитала. Это были гневные уродливые строчки. Ее сердце заныло. Значит, Дэн все-таки не простил ее.

Но Ванесса умела за уродливостью разглядеть красоту. Это стихотворение было особенное. Насыщенное богатыми метафорами, очень экспрессивное. И хотя ей так хотелось зарыться в подушки и выплакаться, она снова и снова перечитывала его и невольно восхищалась, как мастерски оно сделано.

Пусть, пусть Дэн с ней не разговаривает, и пусть это стихотворение о том, какая она плохая. Она опубликует его.

Дэн никогда не стремился напечататься, но, если он откроет номер «Нью-Йоркера» и увидит там свое стихотворение, он не сможет не обрадоваться. К тому же это хороший козырь для поступления в колледж. Она должна опубликовать этих «Шлюх».

Ванесса вскочила со стула и стала рыться в журналах, пока не нашла номер «Нью-Йоркера». Полистала его и на последней странице нашла адрес редактора. Села за компьютер, напечатала письмо, вложила его в конверт. Туда же вложила конверт с обратным адресом Дэна.

ОДРИ ИДЕТ УЧИТЬСЯ В КОЛЛЕДЖ

Здание литературного факультета в одном из колледжей Новой Англии. День.

Перед нами зеленая лужайка, а за ней четырехэтажное кирпичное здание. Белые колонны, стены заросли плющом. Мраморные ступеньки ведут к входу.

Восемнадцатилетняя Одри, красивая темноволосая девушка в модной юбке и кофточке, на ногах плоские туфли, едет на велосипеде через лужайку и останавливается возле мраморных ступеней. Прислонив велосипед к стене, поднимается в здание.

Помещение колледжа

Длинный коридор, по обе стороны расположены маленькие классы. Все двери открыты, в каждой из комнат со студентами

отдельно беседуют профессора. Планы даются перебивками.

СТУДЕНТ А. Сэр, было бы интересно, если бы кит был говорящий.

ПРОФЕССОР А. Я ничего не имею против говорящего кита. Но эта книга скорее о поиске человеком смысла жизни.

СТУДЕНТ Б. Вы обратили внимание, что в моей работе нет ни одного знака пунктуации? Это сделано намеренно.

ПРОФЕССОР Б. От этого стихотворение не становится стихотворением. В поэзии должна присутствовать... гм... поэзия.

ПРОФЕССОР С. Вы прочитали книгу, которую я вам рекомендовал?

СТУДЕНТ С. Да. И мне показалось, что было интересно, если бы кит был говорящий.

Из четвертой аудитории выходит еще один профессор: он бросает взгляд в коридор и возвращается в класс, закрыв за собой дверь. По коридору бежит Одри, она очень нервничает. Стучится в только что закрывшуюся дверь.

ОДРИ. Профессор Уикс, профессор Уикс!

Профессор открывает дверь.

ПРОФЕССОР УИКС. Вы опаздываете.

ОДРИ. Да, но у меня есть уважительная причина.

Профессор делает паузу, ожидая объяснений.

ПРОФЕССОР УИКС. Я вас слушаю.

ОДРИ (запыхавшись). Я не могу сказать вам. Это имеет отношение к нарушению закона.

ПРОФЕССОР УИКС (хмурится). Нарушение закона? Может, нам стоит позвать охрану?

ОДРИ (качает головой). О нет. По крайней мере пока.

Она протягивает профессору свой очерк.

ОДРИ. Я долго думала, по какой из пьес Шекспира написать очерк, а потом решила посвятить его всем пьесам сразу. Вы не возражаете?

Профессор нацепил лекторские очки и начал читать. Машинально садится за стол, он очень поглощен чтением. Между тем Одри выходит из класса. Минувя коридор, покидает здание факультета. Потом садится на велосипед и снова едет через лужайку.

Территория колледжа

(Продолжение)

Три кирпичных здания стоят под углом друг к другу, образуя внутри треугольное пространство, которое представляет огромную лужайку.

Одри едет через лужайку, засмотревшись на деревья в осенней листве. И тут она врезается в юношу в спортивном костюме: он явно хотел заняться бегом. Юноша падает.

Это КОЛИН ДЕЙВИС.

КОЛИН. Ой!

Одри спрыгивает с велосипеда и садится на корточки возле Колина.

ОДРИ. Простите. Вы не поранились?

КОЛИН. Кажется, нога сломана.

Он пытается пошевелить ногой.

КОЛИН. Ой!

ОДРИ. Не шевелитесь. Я вызову «скорую».

Одри роется в сумочке в поисках сотового. Из сумочки на траву падает пистолет. Колин в изумлении смотрит на него. Одри быстро поднимает пистолет и снова бросает его в сумочку. Открывает крышку сотового и набирает 911.

С бросает клич

Серена подумала и решила: уж если испорчено Рождество, то хотя бы не Новый год. Почему бы не закатить вечеринку. Она обожала организовывать подобные мероприятия, но была уже среда, до Нового года — три с половиной дня. От Блэр толку никакого. Подруга заперлась дома со своим ноутбуком, блоком сигарет и кофеваркой и не выйдет оттуда, пока не напишет этот свой сценарий. Но Серена была хорошим организатором: она умела перепоручать дела другим, а сама стоять у руля. Поэтому нужно лишь позвонить этим двум кумушкам, которые спят и видят, когда Серена поманит их.

— Алло. Кати? Это Серена.

— Привет!

— Изабель у тебя?

— Да.

Где бы еще ей быть!

— Отлично. Я подумала: может, вы заскочите ко мне? Нужна ваша помощь. Я хочу устроить новогоднюю вечеринку, а времени в обрез.

На том конце провода воцарилась пауза. А потом кумушки завизжали от восторга:

— Ой! Мы уже в пути.

Очень скоро раздался звонок в дверь.

Серена в красных вельветовых спортивных брюках и коротенькой футболке с изображением снеговика пошла открывать дверь.

— Ой, какая ты загорелая! — воскликнула Изабель, целуя ее в щеку.

— И похудела, — сказала Кати и поцеловала Серену в другую щеку.

Как будто Серене грозил лишний вес.

Жестом радушной хозяйки они пригласила девушек пройти в гостиную. Она жила в огромной квартире родителей, окна выходили на музей искусств Метрополитэн. Отец с матерью уехали на праздники в Риджфилд, а брат тусовался в Бостоне со своими друзьями по колледжу.

Серена уже разложила на кофейном столике несколько страниц, вписав на каждой подзаголовки: «Место действия. Выпивка / Закуски. Музыка. Украшение помещения / Световое оформление. Список приглашенных (заполнен). Рассылка приглашений». Серена вручила листки Изабель и Кати.

Вот так стоят у руля...

— Девчонки, вы, кажется, организовывали в октябре вечеринку «Поцелуй в губы», так?

Обе кивнули.

— Отлично. Вы не могли бы связаться с теми же рестораторами и оформителями?

— Конечно! — воскликнула Изабель и полезла в сумочку за электронной записной книжкой.

— Еще нужно найти хорошего диджея, — продолжала рулить Серена.

Кати удивилась:

— Разве группа «45» не приедет?

Серена растерянно заморгала. Она не знала, какие именно планы у Флоу насчет Нового года, но упаси боже, чтобы он отсвечивал на ее вечеринке.

— Нет, они не могут: записывают новый альбом, — уклончиво ответила Серена. — И потом, диджей лучше и разнообразнее.

Кумушки явно были разочарованы.

— Думаю, что список приглашенных будет тот же, что и на Черно-белом балу, — продолжала Серена, взяв со столика страницу со списком гостей. — Вы, конечно, можете дополнить список по своему усмотрению.

Изабель изучала список.

— А Флоу приедет?

Серена замялась. Если она скажет, что Флоу не приедет, Изабель с Кати распустият слух, что помолвка Серены с Флоу расстроена, и пошло-поехало. Может, стоит послать приглашение Флоу по его домашнему адресу в Малибу. Оставив клетку с попугаем у администратора Isle de la Paix, она конкретно слиняла от Флоу. Серена в душе надеялась, что после случившегося Флоу ее приглашения не примет.

— Он обещал приехать, — сказала Серена и ткнула пальчиком в список. Она пробежала его глазами, чтобы убедиться, что Аарон Роуз в этом списке есть. В последний раз, когда она его видела, он был такой грустный. Ей хотелось хоть немного его расшевелить.

— Значит, я рассылаю приглашения? — Кати, была готова с ходу броситься в бой. Она вытащила сотовый из своей большой красной сумки и сказала: — И прямо сейчас я могу позвонить рестораторам.

— Отлично, — осталась довольна Серена. — Изабель, ты не позвонишь в банкетную службу? Объясни, что нам требуется помещение в центре, последний этаж, с видом на фейерверки. Желательно с большой открытой террасой.

И она передала список гостей Кати. И тут взгляд Серены упал на верхнюю строчку: Натаниэл Арчибалд. «А куда вообще пропал Нейт? — подумала она. — Он обязательно должен быть на их празднике».

Нейт распаковывал посылку Дженни, что было занятием не из легких: она была обернута несколькими слоями журнальных разворотов, а чтобы добраться до них, нужно было еще отодрать скотч. Посылка пришла вчера днем, но он с компанией катался на сноуборде на склоне горы Кадиллак, а потом всей гурьбой они пошли к одной девчонке курить гашиш...

Вчера в комодке Нейта оставалась последняя пара чистых боксеров: это были те самые, с корабликами, которые подарила ему Дженни. Сейчас Нейт сидел на полу, на нем были боксерки с корабликами, и он отважно пытался высвободить спеленутую посылку. Именно так себе все и представляла Дженни в своих мечтах.

Нейт снял крышку с коробки и заглянул в ее содержимое. Он выловил оттуда локон Дженни и теперь, держа в руке, перебирал его пальцами. Нейт хмыкнул. Наверное, Блэр тоже послала бы ему свой локон, только она еще подушила бы его и положила в серебряную коробочку от Тиффани, выложенную изнутри красным бархатом. На коробочке наверняка бы заказала гравировку: «Дорогому Нейту». Потом обнаружил программку «Щелкунчика». Перелистал ее. Что по логике должен был вспомнить сейчас Нейт? События пятидневной давности: как они сидели с Дженни в первом ряду балкона в нью-йоркском театре Линкольн-центра, держались за руки и умиленно взирали на бой оловянных солдатиков со злобными мышами — и все это под огромной рождественской елкой-мутантом. Но вместо этого Нейт почему-то вспомнил, как ходил на «Щелкунчика» с Блэр.

У нее тогда еще начались колики, и в перерыве Нейт купил Блэр минеральной воды. А потом они вышли на балкон над Линкольн-центром и курили. Он поцеловал ее, и они процеловались весь второй акт, процеловались и прокурили. Они взирали на людей, расхаживающих внизу, на парочки у фонтана. На Блэр тогда было пальто из верблюжьей шерсти, с норковым воротником. Нейт зарывался в него лицом, вдыхая запах шерсти, аромат духов и легкий привкус сигаретного дыма, пропитавшего пальто.

...На кленовом комодe зазвонил телефон, возвращая Нейта в сегодняшний день, в его комнату на Маунт-Дезерте. Нейт уже получил девять голосовых сообщений от Дженни, но не ответил ни на одно. Сейчас на определителе высвечивался совсем другой номер.

Нейт улыбнулся. Ага! Он всегда был рад звонкам Серены.

Любой парень будет рад звонкам Серены.

— Алло. Привет.

— Нейт? — услышал он мелодичный голос Серены. — Интересно, дружище, когда ты предстанешь пред наши светлые очи? Или ты решил заморозить себя на Маунт-Дезерте?

Нейт наклонился и вытащил из посылки черничное пирожное в вакуумной обертке, разорвал ее зубами и отправил пирожное в рот. Обертку кинул в посылку.

— Я еще побуду тут некоторое время. — Он пытался оттянуть встречу с Дженни. И вообще постараться забыть про нее.

— Да, но я устраиваю новогодний праздник, — обиженным голоском проговорила Серена. — Кати и Изабель всю помогают мне. У нас будет клевая программа и классный диджей, открытая площадка с видом на фейерверки. Ты много потеряешь, если не приедешь.

Нейт улыбнулся. Новогодний праздник? Неплохая идея. Потом его осенило.

— Слушай, а где Блэр? Вы что, уже вернулись с Сент-Бартса?

— Мы сорвались раньше времени, — вздохнула Серена. — Блэр впала в заумь: пишет очерк.

— Понятно. — Нейт взял в руки книгу «Ромео и Джульетта» и провел пальцами по закрученным уголкам страниц. Потом посмотрел на обложку: классический рисунок с изображением обнимающихся влюбленных. — Так Блэр будет на празднике?

— Конечно, глупенький, — рассмеялась Серена. — Она дева ученая, но не настолько же.

— Ладно, — промолвил Нейт, все еще разглядывая книгу. — Я приеду.

Серена попрощалась и положила трубку. Напротив нее, на маленьком диванчике, обтянутом ситцем с красно-белым рисунком, сидели Кати с Изабель и бойко трещали по сотовым, договариваясь насчет праздника. Серена молча улыбнулась. Интересное дело: Нейт согласился приехать только после того, как узнал, что на вечеринке будет Блэр. Это что-то! Похоже, нас ждет презабавная новогодняя история...

Раненые творцы получают признание

Вот уже неделю Дэн безвылазно сидел дома. На его бывшей белой футболке поприбавилось кофейных пятен. За это время он исписал целый блокнот. Это были мрачные стихи о том, что любовь — химера, выдуманная издательским домом «Холмарк», выпускающим валентинки к Дню влюбленных, внушая людям, будто бы их жизнь имеет смысл. В настоящий момент Дэн работал над стихотворением «Машина с камнями». Оно было про парня, который загружал салон своей машины камнями, отвозил к реке и сбрасывал их в реку. Все потому, что машина хранила воспоминания о его бывшей девушке, которая любила кататься с ним и слушать по радио не музыку, а треск эфира.

Тут в комнату постучалась Дженни: — Господин отшельник, вам почта. Дэн отложил ручку и открыл дверь. На Дженни был розовый халат, а на ее верхней губке — белая полоска крема.

— Что у тебя с губой, — поинтересовался Дэн, принимая конверт.

— Убираю усики, — пояснила сестра и вернулась в ванную.

Совсем сдурела, подумал Дэн, закрывая дверь в комнату. Дженни явно засиделась взаперти, читая бесконечные журналы мод. Но она шлюха, и поделом.

Дэн взглянул на конверт. Обратный адрес — редакция журнала «Нью-йоркер». Наверняка предложение о подписке. Господи, отец всю жизнь подписывается на этот журнал. Дэн раскрыл конверт, вытащил оттуда два сложенных листка.

Сначала он прочитал отпечатанное письмо.

Уважаемый мистер Хамфри!

Благодарим Вас за присланное Вами стихотворение «Шлюхи». Наши поздравления! С радостью сообщая: оно будет опубликовано в номере, посвященном Дню святого Валентина. Просим также внести в анкету необходимую информацию о себе для публикации в рубрике «Наши авторы». В ближайшее время Вам будет выслан чек на 800

долларов.

С Новым годом!

Джани Прайс, редактор

Это что, чья-то злая шутка? Дэн еще раз перечитал письмо и бросил его на кровать. Его просто трясло от ужаса. «Нью-йоркер» почти никогда не печатал стихов неизвестных авторов, а Джани Прайс славился ядовитым стилем своих отлупов: «Неудачная попытка!» или «Увы и ах, Чарли!» Дэнни внимательно разглядел шапку письма. Вроде бланк настоящий. Он снова взял письмо и перечитал его. Дэна трясло от одной только мысли, что какой-то чужой человек — пусть даже и Джани Прайс — видел его стихотворение.

Чем больше Дэн пытался понять, что происходит, тем яснее становилось: только Ванесса могла отправить это стихотворение в редакцию. Мало она его кровушки попила, что ли? Какого рожна! Нет, он бы даже сказал: какого хрена!

Дэн снова бросил письмо на кровать и стал стягивать с себя грязную футболку. Сейчас он примет горячий душ и переоденется.

Наконец-то.

А потом поедет в район Бруклина и устроит Ванессе такое! Как она посмела вмешиваться в его творчество, как посмела без его ведома отправить кому бы то ни было его стихи! Да кто она такая! Она ему что, нянька? Лысая нянька в гриндерах!

Наконец-то Руби вернула Ванессе ее цифровую видеокамеру. Ванесса сидела за компьютером, загружая кадры с сосульками и монтируя их в свой фильм. Сосульки пойдут перед эпизодом про голубей, роющихся в мусорной машине. Ванесса уже стерла кадры, запечатлившие Нейта и Дженни, и решила полностью сконцентрироваться на своем новом фильме. Она просматривала эпизод с голубями: вот один голубь сидит на мешке с мусором, а из него торчит голова куклы без одного глаза. Жуть.

В правом верхнем окне компьютера замигал значок,

сообщавший о поступлении почты. Ванесса кликнула по значку в надежде, что это Дэн. Возможно, ему уже пришел положительный ответ из «Нью-Йоркера» и он хочет поблагодарить ее. Но она ошиблась. Письмо было не от Дэна.

КМ10001. Вы — Ванесса Абрамс и снимаете кино?

Лысая кошка. Может быть.

КМ10001. Я ищу автора, который заснял ту влюбленную парочку в парке на снегу. Потрясающая операторская работа!

Лысая кошка. Неужели? А вы кто?

КМ10001. Я — Кен Могул. Я снял фильм «Морской конек». Может быть, вы его даже видели. Так я попал по адресу?

Лысая кошка. Да.

КМ10001. Очень рад. Я хотел бы сотрудничать с вами. Я начинаю работу над одним фильмом и собираюсь послать его в Канн. Вы не заинтересовались?

Лысая кошка. Вообще-то я только заканчиваю школу. Но почему бы и нет? Предложение достойное.

КМ10001. Отлично. Могу я с вами увидеться? Как насчет сегодня? Сейчас я проездом в Нью-Йорке.

Лысая кошка. Сегодня я еду в Центральный парк, хочу кое-что отснять. Часов в десять. Вы сможете прийти?

КМ10001. Конечно. С удовольствием посмотрю, как вы работаете. Значит, до встречи? Лысая кошка. До встречи.

Ванесса прочитала письмо и вернулась к работе над фильмом. У нее было сильное подозрение, что этот розыгрыш устроили дружки Нейта: может быть, в этот самый момент они вырубают дырку в озере Центрального парка, чтобы сбросить ее туда и утопить — за все злодеяния. А может быть, это был действительно Кен Могул, режиссер, снимающий альтернативное кино, ее кумир. Ванесса громко расхохоталась. Да, она купилась на это послание. Но чем черт не шутит? В жизни всякое бывает.

SPLETEN.NET

*Все имена и названия изменены или сокращены
до первых букв, чтобы не пострадали невинные.
То бишь я.*

народ!

КАК ПРОВЕСТИ САМЫЙ ЛУЧШИЙ В МИРЕ НОВЫЙ ГОД

Хотите два совета? Итак,

- 1) Держитесь ко мне поближе. Я знаю место действия.
- 2) Целуйте всех подряд. Сегодня в полночь — единственная возможность целовать кого хочешь. Так что вперед!

ВАШИ ПИСЬМА

Q: Дорогая Сплетница!

Я сама не очень-то большая свистунья, но должна тебе кое-что поведать. Сейчас я оттягиваюсь на острове Сент-Бартс. Кажется, Б тусовалась там с М, так? Но вот Б уехала и М переметнулся на одну француженку — она инструктор по водным лыжам. Они проводят вместе очень много времени.

— Фасолинка

A: Дорогая Фасолинка,

спасибо за свист. Жаль, что ты там, а не тут. Советую тебе чернушничать почаще. От этого только улучшается цвет кожи.

ОБЕГАЯ ВЗГЛЯДОМ

А выгуливает своего боксера на Парк-авеню. В отличие от своего друга М, он уже вернулся с острова Сент-Бартс. Флоу садится в самолет в Лос-Анджелесе. Ему предстоит длительный перелет в Нью-Йорк. Б отправилась в магазин за лаком для волос сверхсильной фиксации. Похоже, она собирается сварганить себе эксцентричную прическу. Прикольно будет на нее посмотреть. Да и на всех вас тоже!

***ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК. НА КОТОРЫЙ СТОИТ
ПРИЙТИ***

Даже не сомневайтесь.

Приезжайте именно на мой праздник!

Тема вечеринки: Дикая ночь в раю.

Место действия: Отель «Челси», 19-я улица.

Время действия: Ночь с субботы на воскресенье. С девяти часов вечера и до...

Что приносить: Да приходите сами и приводите столько друзей, сколько вместит грузовой лифт.

До встречи! — Серена

НАША ЖИЗНЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ В КИНО.

Слава богу, наша жизнь не дурное кино про старшеклассников, иначе бы мы приглашали на праздник халдеев, то бишь преподавателей, из колледжей, чтобы умаслить их. Но наша жизнь лучше, чем кино, поэтому на фига нам преподы? Верно?

Интересно, кто с кем будет целоваться сегодня в полночь?

Признайтесь, вы от меня без ума.

СПЛЕТНИЦА

Дж наводит красоту

Дженни сделала эпиляцию, выщипала брови, обработала тело скрабом, а потом нанесла увлажняющий лосьон, наредила ногти, высушила волосы феном, сделала себе макияж в бронзово-золотых тонах — по статье из журнала «Альюз». Потом надела белые стринги, вельветовые джинсы, те самые, что были на ней в тот день в парке, черную облегающую кофту с люрексом, остроносые короткие сапожки.

И последний штрих: на шею Дженни повесила бирюзовый кулон. Было всего шесть часов вечера. Еще два с половиной часа она пыталась отвлечься и смотрела по ящику «Семейку Осборнов», медленно поедая сырное печенье. На коленях у нее все время лежал сотовый. Уже полдевятого, а Нейт все не звонил.

Дженни так погрузилась в наведение собственной красоты и в беспокойное ожидание, что даже и не заметила, как все ее семейство куда-то отвалило. Она выключила телевизор и вышла в коридор. Дверь в комнату Дэна была приоткрыта. Дженни заглянула внутрь. Компьютер выключен, пепельница пуста.

— Дэн? — позвала она, но ответа не последовало.

Дженни развернулась и пошла в кабинет отца. Дверь открыта. Никого нет.

— Пап?

Все ушли.

Обычно под Новый год Руфус отправлялся с друзьями в ночное литературное кафе в Гринвич-Вилидж, где устраивался поэтический марафон. Наверное, он там.

Взяв сотовый, Дженни вызвала номер Нейта. На том конце провода раздался щелчок.

«Вы дозвонились Нейту. Чтобы оставить сообщение, нажмите кнопку „один“ или дождитесь длинного сигнала...» — заговорил автоответчик механическим женским голосом.

— Нейт, это снова я, — зачирикала Дженни, стараясь говорить как можно бодрее. — Ты, наверное, застрял в пробке. Я отправляюсь

на праздник к Серене одна. Если возьму такси, остановлюсь по дороге у твоего дома. Тогда перезвоню. В любом случае увидимся на вечеринке. Ну все, пока. Люблю, целую.

Наговорив на автоответчик, Дженни вернулась в свою комнату за сумочкой и пальто. Да, конечно, домашний арест с нее еще не снят. Но отец с Дэном оставили ее дома одну-одинешеньку.

А что вы хотите от принцессы, которая так долго томила в своей башне?

Сначала Нейт не собирался курить травку. Он знал, что Блэр этого не любит. Но извините, Новый год, между прочим.

— Держи. — Джереми протянул Нейту «самолетик», который он только что запустил.

Нейт, Джереми и Энтони сгрудились в кучку возле памятника Ганди на Юнион-сквер. Рядом чей-то сотовый пиликал «Yesterday».

— Взрывай косяк, — посоветовал Джереми. — А потом двигаем на праздник. Ну и холодрыга! Как в Антарктиде.

Нейт закрыл глаза и затаился. Нет ничего лучше хорошей затяжки морозным вечером. Он передал самокрутку Энтони, задержав дыхание как можно дольше.

— А что, если вечеринка окажется тухляк? — спросил Энтони, прежде чем закумарить.

Нейт вспомнил слова Серены: уже целую неделю Блэр сидит безвылазно дома и строчит свой очерк. Обычно после таких долгих трудов в одиночестве Блэр становится очень сексуальной.

Старик, — сказал Нейт и выпустил облачко дыма, которое поплыло вверх к голове Ганди, — не бойсь, не протухнем. — Иными словами, поверь мне на слово: скучать не придется...

Сердце Б в рукаве Н

В подготовке вечера Серена превзошла саму себя. Если бы вы поднялись хотя бы на пару минут на последний этаж отеля «Челси», то уже ни за что бы не захотели уходить отсюда. По углам помещения были зажжены факелы, а танцевальная площадка выложена ковром из живой травы. Официанты расхаживали в жидких вязаных шортах, диджей — новая знаменитость из Исландии. Вдоль одной из стен были расположены три двери: они вели в комнаты с белыми кожаными диванчиками, при каждой из комнат была ванная и туалет. Так что при желании всегда можно было уединиться, а слишком разгоряченным гостям — принять ванну. С другой стороны зала — за раздвижными стеклянными дверьми — располагалась огромная открытая терраса с панорамой города.

Все это время после возвращения с Сент-Бартса Блэр спала не более пяти часов в сутки. Она держалась исключительно на эспрессо, на собственном адреналине, а также на сигаретах и уверенности в собственных силах. Ее сценарий произведет фурор, она чувствовала это. И она непременно поступит в Йельский университет!

Но даже самым талантливым авторам в работе требуется передышка.

Блэр пришла на вечер в короткой сиреневой замшевой юбочке, в черной сатиновой кофте, в колготках в крупную сеточку. Она стянула волосы в тугий и очень высокий хвост в стиле шестидесятых, наклеила накладные ресницы и покрасила губы серебряной помадой. На ноги надела новые, на высоких шпильках черные сапоги из тонкой замши. Сапоги были присланы из Франции на Рождество ее поглубевшим папочкой, к подарку была приложена открытка: «Счастливого Рождества, дорогая Блэр. Предупреждаю: не ходи на таких каблуках без спутника!» Но Блэр не прислушалась к совету родителя и пришла на праздник одна.

Она сразу заметила в толпе Серену. Единственная девушка с розовыми прядками в волосах. Серена отплясывала сейчас на босу ногу: одета она была в короткие черные вельветовые шорты и открытый топ из сплошных лямок. Диджей усилил звук, и стены буквально сотрясало от грохочущей музыки.

— У меня уже голова болит от танцев! — пожаловилась Серена подошедшей подруге.

— А у меня мозги вспухли! — крикнула в ответ Блэр. Она не сможет ни танцевать, ни общаться, пока не выпьет хорошенько.

— Я только что видела Нейта! — крикнула Серена. — Он тебя искал!

Еще бы не искал.

Протискиваясь сквозь толпу танцующих, Блэр направилась к стойке бара. Она заслужила, чтобы выпить. Она почти завершила свой сценарий, осталась только концовка. Блэр была уверена, что это успех. Да, наступает Новый год, и, если она хочет спокойно поговорить с Нейтом, надо выпить.

У стойки бара стояли Кати и Изабель в ожидании, когда им приготовят мороженое.

— Привет, Блэр, — хором сказали они.

— Какая ты загорелая, а я... — проговорила Изабель и брезгливо продемонстрировала свою бледную худую руку.

Обе кумушки были в длинных черных платьях точно такого же покроя, как у Блэр с Сереной на Черно-белом балу.

— Серена сказала, что ты пишешь очерк соискателя, — сказала Кати, слизывая языком мороженое. — А у нас еще месяц до подачи документов.

Блэр сердито посмотрела на бармена, который слишком долго возился с ее заказом.

— Обязательно выдержите нужные пропорции, — не преминула уточнить она.

— Да уж пожалуйста, — услышала она за спиной знакомый голос.

Блэр повернулась и увидела Нейта. На нем был тот самый темно-зеленый кашемировый джемпер, подаренный ею на прошлое Рождество. На внутренней стороне рукава она пришила маленький кулон — золотое сердечко. Блэр загадала: на месте ли сердечко?..

Кати и Изабель вежливо откланялись, присоединившись к стайке девушек, которые тут же стали громко перешептываться.

— Я слышала, с Майлзом у нее ничего не вышло, — сказала Тина Форд.

— Поэтому она и вернулась с Сент-Бартса раньше положенного, — сказала Рейн Хоффштеттер. — Чтобы успеть принять противозачаточные таблетки; их же на следующее утро принимают, а у нее с собой, видимо, их не было.

— Разве Флоу не приехал?

— А Серена обещала, что он непременно будет, — заныла Изабель.

Ники Баттон покачала головой и прибавила со знанием дела:

— Я слышала, Флоу порвал с ней. Чтобы не портить свою репутацию: она ведь наркоманка.

— Ну и где же твоя девочка из ясельной группы? — сказала Блэр, вытащила сигарету из сумочки и поднесла к губам.

Нейт щелкнул зажигалкой. Блэр закурила. Он улыбнулся. Для начала неплохо. По крайней мере, с ним разговаривают.

— Мы расстались, — сказал он. Да неужели?

Нейт легонько постучал ладонью по стойке, подзывая бармена.

— Мы ждем «Ketel One» с тоником для девушки. А мне «Джек» с колой и побольше льда.

Блэр нравилось, когда Нейт угадывал ее желания. Сейчас она не подала виду и смотрела на танцующих, попыхивая сигаретой.

— Как прошло Рождество? — спросил Нейт, протягивая Блэр коктейль.

Не самый клевый вопрос. Блэр сделала большой глоток, а потом затянулась сигаретой:

— Отвратительно, если не сказать хуже. Нейт почувствовал, что эта тема для Блэр неприятна.

— Бывает, — сказал он. — До окончания колледжа осталось всего полгода.

Блэр недоуменно посмотрела на него.

— Полгода, — повторила Блэр и сделала еще один глоток коктейля.

— Да, пожалуй, это долго, — согласился Нейт.

Блэр очень хотелось ему улыбнуться. Потому что Нейт снова угадал ее мысли.

— Странное дело, — подхватил Нейт, почувствовав тень улыбки на лице Блэр. — Через год в это же самое время мы будем общаться с новыми друзьями по колледжу. А сейчас мы даже не знаем об их существовании.

Блэр в задумчивости покусывала соломинку, наблюдая, как Серена ритмично соприкасается бедрами с двумя парнями в одинаковых синих костюмах. Близнецы, что ли?

— А я не могу дождаться этого счастливого времени, — заявила Блэр, продолжая разговор. — Поступлю в Йель и больше сюда ни ногой.

А находит отдушину

В начале одиннадцатого на празднике появился Аарон. Он вышел из лифта и ступил в густое облако сигаретного дыма. На Аароне была все та же известная нам футболка с надписью «Легализуйте марихуану!». Для человека, прошедшего неделю на Сент-Бартсе, он выглядел подозрительно бледным.

Аарон окинул взглядом толпу. Возле стойки бара он увидел Блэр и Нейта. Они разговаривали, не отрывая друг от друга глаз. Сердце Аарона екнуло: Блэр не была такой грустной, как на курорте, сейчас она просто сияла от счастья.

Аарон хотел подойти к ней и извиниться за инцидент на вилле. Но, пожалуй, все же следует воздержаться: сегодня праздник, кому захочется выяснять отношения. Он извинится завтра, если только Блэр не будет страдать от похмелья.

Серена сразу узнала Аарона по его буйным дредам: она подбежала к нему, босоногая, посверкивая серебряным лаком на пальчиках. Розовые прядки ее прически весело подпрыгивали в такт музыке. Серена обняла Аарона за шею и крикнула ему на ухо:

— Я так рада, что ты пришел! — Похоже, она действительно была рада.

— Я тоже, — улыбнулся Аарон. Похоже, и он был действительно рад.

— А где Майлз? Он не пришел? Аарон покачал головой:

— Он остался на Сент-Бартсе. Он там кое с кем познакомился.

Серена хихикнула:

— Да неужели?

Аарон засунул руки в карманы зеленых брюк и снова устремил свой взор в сторону Нейта и Блэр.

Серена внимательно изучала Аарона: почему он с такой грустью глядит на Блэр?

— Хорошо, что они снова вместе, правда? — сказала она.

Аарон кивнул с неохотой. Блэр не может быть его девушкой, и

вообще — она вполне счастлива.

— Да, конечно, — произнес он.

Серена подхватила Аарона под руку и потащила к танцующим:

— Пошли потанцуем!

Она пахла маслом сандалового дерева и пачули, без обуви она была одного роста с Аароном.

«Уау!» — мысленно воскликнул он, когда Серена вскинула над головой свои загорелые руки и сделала солнышко — ее волосы с розовыми прядками весело закружились вместе с ней. Господи, да она потрясна!

Можно подумать, что остальные этого не заметили.

Конечно, Аарон сбледнул с лица, но веселый Новый год ему гарантирован.

Только в Нью-Йорке

Ванесса не горела желанием кричать «С Новым годом!» и целоваться с незнакомыми подвыпившими людьми. Для нее это было свехидиотизмом. Поэтому она не пошла на праздник к Серене. А зачехлила камеру, оделась, как капуста, чтоб было теплее, и отправилась на метро в Центральный парк. Те же, кто прикипел к праздной жизни, отправились на вечеринку к Серене.

На улице было минус девятнадцать и становилось все холоднее. Ванесса хотела оказаться возле тех, кто предпочел отметить Новый год пробежкой по заснеженному парку. Это было отличной темой для ее киноочерка о Нью-Йорке.

Пробежка начиналась у входа в парк, с восточной стороны 89-й улицы. Народ постепенно стягивался к пруду, именно от пруда должен был стартовать забег. Пошел снег, и Ванессе приходилось время от времени протирать объектив и регулировать уровень света. Но это все ерунда, парк был прекрасен в своей первозданной красоте. Кругом лежал неупотанный, нетронутый снег, и эта кучка чудаков посреди снежной тишины.

— Скажите, это ваша первая пробежка или вы всегда так встречаете Новый год?

Свой первый вопрос Ванесса задала очень худому, изможденному мужчине в коротких, обрезанных выше колен джинсах и кроссовках на босу ногу. Ванесса сделала наезд на тощую, впалую грудь, думая, что сейчас увидит в кадре гусиную кожу. Но человеку не было холодно. И это пробирало.

— Ха, первая пробежка, говорите? — воскликнул мужчина и собрал в хвост свои длинные жидкие седые волосы и улыбнулся желтозубой прокуренной улыбкой. — Я что, похож на новенького?

Ужас.

Слава богу, что за камерой мужчина не увидел ее изумленного лица.

— Отлично, — сказала Ванесса, опустила камеру и отошла в сторону. — Счастливо!

Потом она стала снимать женщину лет семидесяти, в норковой шубке, в кроссовках от Шанель, на голове у нее были норковые наушники. За женщиной бежал белый пуделек, тоже в норковой шубке.

— Господи, кто это у нас такой? — воскликнула Ванесса и присела с камерой на корточки, снимая пуделька.

— Да, мы любим бегать по снежку, — весело отреагировала женщина, и ее растрескавшиеся губы, покрашенные оранжевой помадой, растянулись в улыбке. Ее седые волосы были закручены в пучок, на щеках — бледно-оранжевые румяна. — Дети выросли, а муж сидит в казино в Ницце. А мы с Ангелом нашли для себя утешение.

— И я тоже, — сказала Ванесса. Правда, у нее не было ни мужа, ни детей, ни собаки.

Потом дама что-то вытащила из своей зеленой сумочки. Ванесса сделала наезд и увидела крошечные красные шузы на липучках.

— Это чтобы нам снег между коготочков не попадал, — пояснила женщина и наклонилась к собачке, чтобы надеть на нее ботиночки.

— Очень стильно, — похвалила Ванесса. Теперь она понимала, что имеют в виду люди, говоря «только в Нью-Йорке». Только в Нью-Йорке можно встретить даму и пуделька в норковых шубках, решивших совершить пробежку в обществе бомжеобразного дядьки в обрезанных шортах. Да, она знала теперь, как будет называться ее киноочерк: «Только в Нью-Йорке».

Ангел бежал за хозяйкой, успевая выписывать вокруг нее круги: красные ботиночки мелькали на белом снегу.

— Какой хороший мальчик! — воскликнула Ванесса, продолжая снимать собачонку.

Ванесса была так поглощена съемками, что не заметила, как на ближайшую скамейку пришел и сел ее кумир — Кен Могул.

Вот уже несколько часов, как Дэн безуспешно пытался отыскать Ванессу. Сначала он пришел к ее дому, долго трезвонил по домофону, кричал в окна, пока не охрип. Потом он отправился в клуб

«Медяк», где играла группа Руби «Сахарный дядюшка». Как раз шла репетиция. Руби сообщила Дэну, что Ванесса собиралась в каком-то из парков отснять материал про новогодних чудиков.

Сначала Дэн поехал в Мэдисон-сквер-парк, где ранее Ванесса снимала эпизод для «Войны и мира». В парке народ выгуливал своих собак да какой-то бомж с бумажным пакетом на голове спал на скамейке, закутавшись в пальто. Ванессы там не было, тогда Дэн отправился в Уошингтон-сквер-парк, но, кроме скейтбордистов и студентов, поджигавших петарды, никого не нашел. Наконец Дэн очутился в Центральном парке. Он бесцельно бродил по дорожкам, мысленно проклиная Ванессу за то, что та не признает сотовых телефонов. Он постоял около пруда, наблюдая, как маленькие льдинки плавают по воде, сталкиваясь друг с другом. Интересно, куда подевались утки? Потом возле входа в парк со стороны 89-й улицы он увидел небольшую толчею. Там явно что-то происходило. Какая-то бледная девушка в черном пальто, черной кепке и черных грубых ботинках разговаривала с людьми и снимала все на камеру.

Дэн спустился по широким каменным ступенькам, ведущим к пруду, и сел на скамейку рядом с мужчиной лет тридцати в дорогой серой куртке с капюшоном, отороченным мехом. У того были кудрявые рыжие волосы, веснушки на лице. Он сидел, подложив под себя руки, и очень внимательно наблюдал за Ванессой.

— Смотрите: сначала она ведет людей со спины и только потом подходит и заговаривает с ними, — сказал мужчина, обращаясь к Дэну и указывая рукой на Ванессу. — Она как бы успевает узнать о них то, чего они сами о себе не знают.

Дэн кивнул. Кто этот тип?

— А иногда она отходит в сторону и ничего не делает, просто смотрит. Она великолепна.

Дэн повернулся и зло посмотрел на соседа. Ему так и хотелось пнуть его. Мужчина протянул руку:

— Я Кен Могул, кинорежиссер. Вы тоже имеете отношение к кино?

Дэн покачал головой:

— Нет. Я — поэт.

Они сидели, наблюдая, как Ванесса присела на корточки возле

пуделька в норковой шубке. Пуделек с интересом понюхал объектив камеры. Дэн даже немного подался вперед. Ванесса работала так грациозно, была так естественна, что ему показалась дикой мысль, что она может неправильно распорядиться своими фильмами. И Дженни права, говоря, что Ванесса не виновата; вероятно, кассета случайно попала в чужие руки.

— Печтаетесь? — спросил Дэна Кен Могул.

— Еще нет, — ответил Дэн, потом улыбнулся и прибавил: — Правда, должно тут выйти одно мое стихотворение в «Нью-Йоркере», знаете ли.

В голосе Дэна звучала гордость...

Хочешь одного, а получаешь другое

Было почти одиннадцать вечера, когда Дженни приехала на праздник Серены. Она взяла такси. Водитель попался разговорчивый, да вот только они застряли в пробке на Таймз-сквер. Все жители Нью-Йорка знают: в Новый год Таймз-сквер — самое кошмарное место, там полно пьяных туристов. Поэтому Дженни вышла из такси и пошла пешком. Она чувствовала себя взрослой, вышагивая по улице ночью одна; Дженни шла на встречу с любовью всей своей жизни. Выйдя из лифта, проследовала в гардероб и сдала пальто. Пока она раздевалась, ее пышная грудь немного вышла из-под контроля по причине глубокого выреза на ее черной кофточке. Вот незадача.

Несколько парней, стоявших поодаль, сразу узнали в этой миниатюрной брюнетке с кудрявыми волосами героиню последнего нашумевшего в Интернете «порнофильма». Парни замерли, а потом начали аплодировать.

— Эй, иди сюда! Покажи нам свои трусики. — выкрикнул подвыпивший паренек в старомодном черном цилиндре.

— Хочешь ко мне под пальтишко? — крикнул другой.

Дженни замерла в дверях, судорожно сжимая свою сумочку и чувствуя себя абсолютно как Клара из «Щелкунчика», когда ее окружили злобные мыши. Отчаянным взглядом она пыталась отыскать Нейта.

О, где ты, где ты, мой Щелкунчик! В дальнем конце зала за стойкой бара Дженни увидела парня с волнистыми русыми волосами. Рядом с ним стояла темноволосая девушка. Они разговаривали, их лица были так близки, словно через мгновение последует поцелуй. Он смотрел на нее таким взглядом, о котором Дженни только мечтала. А парни продолжали так громко хлопать и улюлюкать, что золотоволосый парень и его спутница обернулись и... Вон оно что! И тогда Дженни поняла.

Нейт никогда не любил ее, потому что он всегда любил Блэр. Значит, он лгал и притворялся, и, значит, права была Ванесса, когда назвала его бойфрендом. И никакой он не Щелкунчик. Он — противная, гнусная мышь.

— Нейт!.. — выпалила Дженни, в горле застрял ком.

На негнущихся ногах она подошла к стойке бара, сорвала с шеи бирюзовый кулон и бросила его изо всей силы на пол.

— Дженифер, мне очень жаль... — пробормотал Нейт, но в его глазах не было никакого сочувствия.

Но Дженни было наплевать. Блэр смотрела на нее широко раскрытыми глазами, но и на это Дженни было тоже наплевать.

— А пошел ты, — прошептала она, и горячие слезы наполнили глаза. Дженни повернулась и пошла в дамскую комнату, чтобы умыться лицо и уйти отсюда с достоинством.

Нейт нагнулся, поднял бирюзовый кулон и сунул его в карман. Он выглядел усталым и потерянным. Блэр взяла еще одну сигарету, нервно чиркая спичкой о коробок. Спичка не поддалась, и Блэр раздраженно бросила ее на пол.

Нейт щелкнул зажигалкой, но Блэр прикуривать не стала.

— Что-то не так? — спросил Нейт, хотя он все прекрасно понимал.

Блэр посмотрела на него, сузив глаза, зажав губами незажженную сигарету. Нет, он не был мужчиной ее мечты. Он уже никем для нее не был. Просто никто. Вокруг столько интересных молодых парней, зачем ей сдался он?

— Ты обыкновенный неудачник. Я сплю и вижу, когда уеду в университет.

— А мне просто хотелось дать тебе прикурить, — глупо ответил Нейт.

— Ладно. — Блэр позволила ему поднести зажигалку, прикурила и глубоко затянулась, потом выдохнула дым ему прямо в лицо. — А теперь отваливай.

Нейт нахмурился, закрыл зажигалку. Блэр и раньше ничего не стоило вспылить, с ней такое часто случалось. А вокруг народ закричал:

— Десять, девять, восемь!

— Блэр... — Нейт подошел к ней ближе. Нужно просто

поцеловать ее, и все будет как прежде. Как в старые времена.

Но Блэр ушла, бросив горящую сигарету к ногам Нейта. Она направлялась к раздвижным стеклянным дверям, ведущим на террасу. Оставались считанные минуты до Нового года. Стоит ли тратить их на неудачников?..

Серенада для Серены

Серена так рьяно танцевала, что во рту пересохло, ноги гудели. Но она продолжала отплясывать, размахивая руками. Рядом с ней в ритме танца колыхалась чья-то задница в темно-зеленых штанах. У обладателя этой задницы были темные дреды.

— Семь! Шесть! Пять!

Аарон схватил Серену за руку.

— Пошли на террасу! — крикнул он и потащил ее к стеклянным раздвижным дверям.

— Серена! — раздался за их спиной голос, и они остановились.

Серена обернулась, и ее голубые глаза расширились от удивления. Из лифта выходил Флоу — в бежевом замшевом пальто, в руках — зачехленная гитара. После длительного перелета из Лос-Анджелеса под глазами у него появились темные круги, а его кудрявые волосы были немного сплющены. Все девчонки замерли, впрочем, и парни тоже.

— Привет! — Серена выдавила из себя улыбку.

Флоу вдохнул ее запах, словно живительный глоток свежего воздуха. Эта босоногая девушка в топе и коротких шортах была воплощением его самых безумных желаний. Она была богиня. Он встал перед ней на колени, расчехлил гитару:

— Пока я летел в самолете, написал для тебя песню.

Серена отпустила руку Аарона. Она не хотела показаться невежливой, ну когда этот Флоу отстанет от нее?

— Песня называется «Моя сладкая девушка», — смущенно пробормотал Флоу. Он перекинул лямку через плечо, взял несколько аккордов, закрыл глаза и запел:

Ты сердце украла, что будет со мной?
Ты прочь прогнала меня — я чуть живой.
Любовь шоколадкою тает в руках,
И я, как мальчишка, валяюсь в ногах.

Ужас. Правда, на его лице написаны какие-то чувства.

Бывали у Флоу песни и получше. Народ не расходился: все-таки звезда. Девушки ждали от него еще песен, а парни думали, что если потусуются с Флоу, то от девушек не будет отбоя.

Серене было так смешно, что хотелось бросить доллар в чехол от гитары. Но зачем обижать человека, она и так разбила ему сердце.

— Пойдем, — шепнула она Аарону.

И они стали пятиться, чтобы смешаться с толпой и проскользнуть на террасу.

Блэр стояла на террасе, она мерзла, курила, пила коньяк, закусывая оливками. Она даже не удивилась, когда рядом возник Чак Басс.

— С Новым годом, — сказал Чак, подошел и поцеловал ее в губы.

Во рту у Блэр оставалась косточка от оливки, но, кажется, его это устраивало. Блэр отвернулась и выплюнула косточку.

— Да уж, с Новым, — взгрустнула она.

Чак обнял ее за талию, потом его рука стала опускаться чуть пониже.

— Ты знаешь, как лучше всего встретить Новый год?..

Блэр высвободилась из его объятий и махнула рукой в сторону зала. Там, за стеклянной стеной, взявшись за руки, стояли Изабель и Кати, отсчитывая последние секунды старого года.

— Эти две девчонки влюблены в тебя по уши, — сказала Блэр, пытаясь сохранить серьезную мину. — Так что, если ты чего-то хочешь, обращайся к ним.

Чак недоверчиво улыбнулся:

— Это правда?

Блэр утвердительно кивнула:

— Да. Действуй, а я...

Она даже не успела закончить фразу, как Чак вбежал в зал и

обнял двух девчонок сразу:

— Четыре! Три! Два!

В и Д смелеют

В 23.45 чудаки начали свой неспешный забег по Центральному парку. Оставив чехол от видеокамеры на снегу, Ванесса бежала трусцой в сторонке, стараясь запечатлеть на камеру эмоции людей: целеустремленность, боль, радость. Эти люди мерзли, но бежали, бежали навстречу Новому году. Хотя это нельзя было назвать марафонским кроссом, Ванесса с трудом поспевала за бегущими. Грубые ботинки уже натерли ей ноги до мозолей, и она решила вернуться к месту старта, где замыкался круг и где должны были финишировать эти чудики.

Дэн и Кен Могул все еще сидели на скамейке.

— Мои фильмы несколько раз номинировались на разные премии, — рассказывал Кен, — но я так и не получил ни одной. Возможно, сотрудничество с Ванессой принесет мне удачу. — Кен говорил не останавливаясь с того самого момента, как Дэн присел на скамейку.

Дэн слушал его, рассеянно думая о своем, у него на коленях лежал раскрытый блокнот. Он заворожено смотрел на фонари, отбрасывающие ореолы света; там, за пределами темноты, казалось, снег не летит, а парит в воздухе. Дэн пытался подобрать слова, чтобы описать свои ощущения.

В это время Ванесса ступила в освещенный круг на снегу, ее щеки покраснелись от бега, карие глаза блестели, как звездочки. Она увидела на скамейке Дэна, сидящего в смешной позе. Рядом с ним — какой-то мужчина в лыжной куртке. Оба были неподвижны, их припорошило снегом, словно они два памятника. Дэн задумчиво смотрел на Ванессу из-под надвинутой на лоб вязаной шапки. Кажется, он даже не сердился. Господи, как же она рада его видеть!

— И давно вы тут сидите?

Мужчина в куртке поднялся со скамейки:

— Достаточно долго, чтобы убедиться, что и вы сама — достойная героиня своего фильма.

Ванесса рассмеялась. Этот человек шутит над ней?

Мужчина подошел к Ванессе и протянул визитку. Кен Могул, кинорежиссер.

— Скоро я отправляюсь в Бразилию, хочу снимать несовершеннолетних проституток в Рио, — сказал Кен. — Может быть, позвоните мне, и мы что-нибудь сообразим, мне бы хотелось использовать вас в этой работе.

Ванесса положила камеру в сумку. Она всегда восхищалась Кеном Могулом, но ей не понравилось это слово — использовать. Она не хотела, чтобы ее использовали хоть трижды знаменитые режиссеры. Она хотела снимать свои собственные фильмы.

— Так вы мне позвоните? — не отставал Кен.

— Я, конечно, прошу прощения... — услышала она за спиной голос Дэна.

Кен обернулся и сказал:

— Этот молодой человек тоже ожидал вас. Скажите, а кто вы?

Дэн поднялся со скамейки, его блокнот упал в снег. Он подошел к Ванессе и сгреб ее в охапку.

— Я ее парень, — сказал он и поцеловал Ванессу как можно крепче, чтобы та поняла, насколько это серьезно. Какого черта, он действительно ее парень! Да, он был зол. Но и гордился ею.

А еще он был горд оттого, что наконец они вместе, и они целуются, и весь этот кошмар закончился.

Ванесса ответила на поцелуй Дэна со всей страстью. Плевать ей на какого-то Кена Могула. Кино, которое снимает она, в миллион раз лучше его фильмов. К тому же сейчас ее не интересовала карьера. У нее есть дела поважнее. Например, целоваться с Дэном.

...Они целовались, а небо осветилось вспышками фейерверков. Конечно, если бы мы с вами сейчас смотрели кино про любовь, то такой конец показался бы нам довольно банальным. Но это ведь было не кино. Это была сама жизнь...

Дж посылает рок-звезду

Допев последние аккорды песни, Флоу открыл глаза и увидел, что Серена исчезла. Часы пробили полночь, все начали поздравлять друг друга, целоваться, обниматься, гудеть в бумажные рожки, и никому не было дела до какой-то там рок-звезды. Для Флоу это было откровением.

Кто-то ради смеха положил в чехол несколько сотенных купюр. Флоу вытащил деньги, бросил их на пол и зачехлил гитару. Потом развернулся и успел заскочить в лифт, двери которого закрывались. Гитара застряла меж дверей, и Флоу дернул ее на себя. Лифт тронулся.

В лифте, прислонившись к стене, стояла кудрявая девушка с пышной грудью.

— Привет, — сказал Флоу и улыбнулся своей знаменитой улыбкой.

Девушка ничего не ответила. Похоже, она перед этим плакала.

— Вы не в центр едете? — сказал Флоу. — Я машине. Может, заедем куда-нибудь и выпьем?

Дженни уперлась взглядом в пол. Флоу, Нейт — все они одинаковые. Если Флоу знаменитость, то она должна бросаться к нему на шею?

Еще чего!

Двери лифта открылись.

— А пошел ты, — сказала Дженни.

Она вышла через вращающиеся двери здания и очутилась на улице. Стала ловить такси. Наступал Новый год, и весь город гулял. Но Дженни отправлялась домой, как велел отец. Она свернется калачиком на своей кровати и будет читать книжку...

Когда Серена с Аароном вышли на террасу, небо осветилось фейерверками. Было очень холодно, и почти весь народ оставался в зале. Серена смотрела на разноцветное небо и поймала себя на

мысли, что сейчас в ее жизни должно произойти что-то очень хорошее.

— Посмотри, — сказала Серена Аарону и указала рукой на небо: яркие одиночные искры отрывались от огромного букета фейерверка над Ист-ривер, крутились в воздухе, а потом взрывались и порождали новые разноцветные фейерверки, только уже поменьше.

Аарон закурил сигарету. Он был в одной футболке, но не чувствовал холода.

— Раньше я не любил салюты, — сказал он, пуская дым в воздух. — Я считал, что они слишком гремят и наносят вред окружающей среде. И что это пустая трата денег.

— Но сейчас-то тебе нравится? — спросила Серена и повернулась к нему лицом. Она накинула чью-то дубленку, брошенную на стул, но оставалась босой.

— Да. Сейчас нравится, — кивнул Аарон.

— И мне тоже нравится, — вторила Серена. Она вся дрожала — то ли от холода, то ли от предвкушения поцелуя.

Аарон взял ее за руку:

— Ты уверена, что тебе не холодно?

— Уверена.

Он улыбнулся уголками губ.

— Давай не станем целоваться, пока не закончатся фейерверки.

— Хорошо, — удивленно сказала Серена. Она очень любила удивляться. Над Таймз-сквер затрещали новые огневые вспышки. — И все же мне не терпится.

Да. Кажется, наш пересмешник нашел цветок, который ему особенно нравится, и ему не терпелось сесть на него и вкушать нектара.

— Да целуйтесь вы прямо сейчас. А потом еще раз, — сказала за их спиной какая-то девушка.

Это была Блэр. Она стояла в паре метров от них, закутавшись в свое синее кашемировое пальто, дрожа от холода.

— С Новым годом, — сказала Блэр, подошла к Аарону и

поцеловала его в щечку.

Аарон обнял девушку, он обнял ее, просто как брат сестру.

— С Новым годом, сестренка!

— С Новым годом! — воскликнули обе подруги и потерлись лбами. Господи, несколько месяцев назад они были готовы убить друг дружку.

А сейчас поняли, что они — настоящие подруги.

— Ладно, — сказала Блэр. — А теперь валяйте целуйтесь.

Она оставила друзей решать самим, целоваться им или нет, и пошла на дальний конец террасы, нависавшей над рекой Гудзон. Она смотрела, как над статуей Свободы распускаются огненные букеты, как одинокие мигающие искорки падают в глубокие черные воды реки.

Предпоследняя сцена в ее сценарии тоже заканчивалась поцелуем. Осталось написать конец.

Но конец будет не совсем чтобы конец, подумала Блэр. Это не будет окончательной точкой, как и случается в самых лучших произведениях. Может даже, она просто опишет следующее утро. Одри заскочит в кафе, перекинется парой шуток с официантом-индийцем, который принесет ей кофе. Тихо улыбаясь, она будет пить свой кофе, а потом просто выйдет на улицу, позволяя читателю самому додумывать продолжение...

SPLETEN.NET

*Все имена и названия изменены или сокращены
до первых букв, чтобы не пострадали невинные.
То бишь я.*

народ!

Я загадала желание, чтобы Новый год принес много перемен в моей жизни. Я вспоминаю всех, кто отплясывал на недавнем празднике. Интересно, кто-нибудь вообще заметил уход Флоу? Бедный Флоу, праздник прекрасно прошел и без него.

ВАШИ ПИСЬМА

Q: Привет, Сплетница.

Я слышала, С устроила этот праздник на вырученные от наркотиков деньги.

— Некто из преступного мира

A: Дорогой Некто!

У С достаточно собственных денег, чтобы закатить сногшибательный праздник. И потом, вас же там не было. Поэтому нечего рассуждать об этом.

— Сплетница

Q: Дорогая Сплетница, мне кажется, это с вами я танцевал на новогоднем празднике. У вас, случайно, не длинные светлые волосы?

— КлифС

A: Дорогой КлифС, возможно.

— Сплетница

ОБЕГАЯ ВЗГЛЯДОМ

Утро Нового года, рассвет. Вестибюль отеля «Трибека стар»: Ч спит на софе, обняв К и И. Значит, они так и не добрались до его квартиры. Н курит кальян с друзьями в Юнион-сквер-парке. От чего ушли, к тому и пришли. В и Д стоят в книжном магазине, держась за руки. Только эти двое могут находить романтику в книжном магазине! С и А завтракают в кафе «Флоран», они выглядят уставшими, но счастливыми. Б заказывает огромную чашку кофе в индийском ресторанчике на Мэдисон-авеню. Дж сжигает картины в мусорном баке на Вест-энд-авеню: одновременно она пробует научиться курить. Жизнь достала ее, и она хочет добиться соответствующего облика.

ВОПРОСЫ, НА КОТОРЫЕ ПОКА НЕТ ОТВЕТА

Б бросила всех парней. Скоро ли появится новый?

Сможет ли Н оправдать себя во мнении других? Он противен себе, но мы его все же любим.

Продлится ли роман С и А дольше суток?

Д без пяти минут печатающийся автор. Теперь-то наконец они с В сделают это?

Встретит ли Дж настоящую любовь?

Перебором ли все мы похмелее, чтобы заняться подачей документов в колледж? И вообще, поступим ли мы куда-нибудь? Не то чтобы я очень волновалась. Но в следующем семестре будут сплошные вечеринки, и я не хочу себе в этом отказывать.

До следующей встречи.

Признайтесь, вы от меня без ума.

СПЛЕТНИЦА